МИРЫ БИМА ПАЙПЕРА

МАЛЕНЬКИЙ ПУШИСТИК

Маленький Пушистик (The Little Fuzzy)

Бим Пайпер

Аннотация
Бим Пайпер. МАЛЕНЬКИЙ ПУШИСТИК
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17

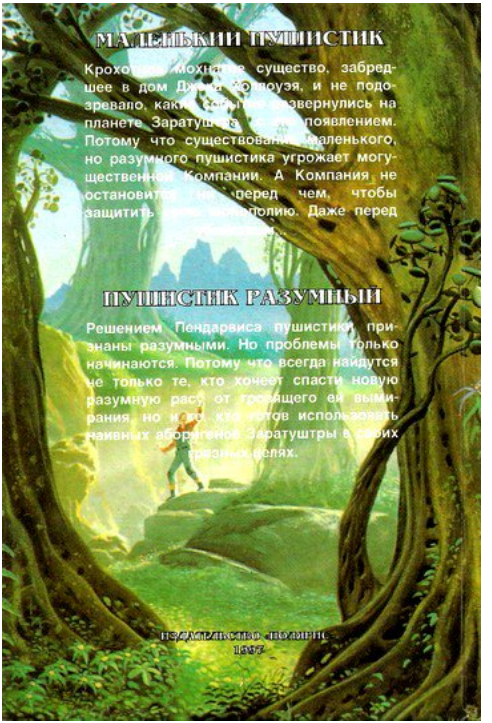
Аннотация

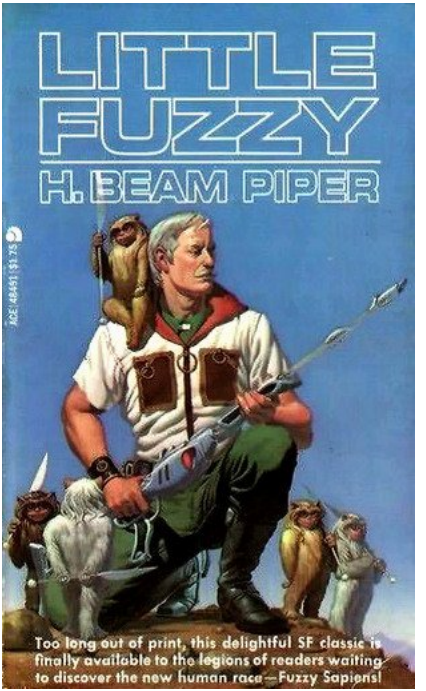
H. Beam Piper. The Little Fuzzy (1962).

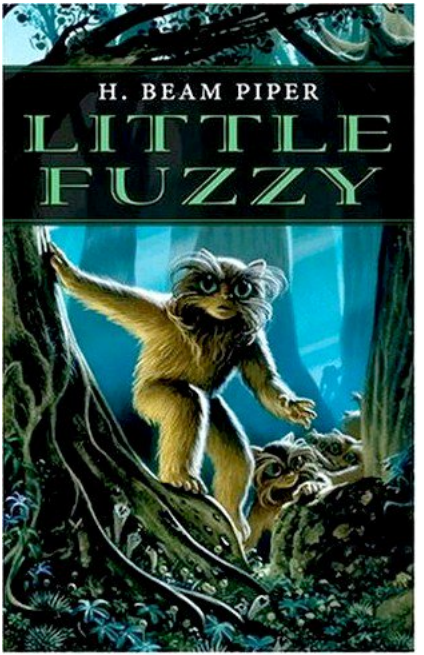
Крохотное мохнатое существо, забредшее в дом Джека Холлоуэя, и не подозревало, какие события развернулись на планете Заратуштра с его появлением. Потому что существование маленького, но разумного пушистика угрожает могущественной Компании. А Компания не остановится ни перед чем, чтобы защитить свою монополию. Даже перед убийством…

Бим Пайпер
МАЛЕНЬКИЙ ПУШИСТИК

КЕННЕТУ С. УАЙТУ,
который помог Маленькому Пушистику найти свое место в печати.


МАЛЕНЬКИЙ ПУШИСТИК
Крохотное мохнатое существо, забредшее в дом Джима Корбуэя, и не подозревало, какие страсти развернулись на планете Заратуштра с его появлением. Потому что существование маленького, но разумного пушистика угрожает могущественной Компании. А Компания не остановится ни перед чем, чтобы защитить свою монополию. Даже перед
ПУШИСТИК РАЗУМНЫЙ
Решением Пендарвиса пушистики признаны разумными. Но проблемы только начинаются. Потому что всегда найдутся не только те, кто хочет спасти новую разумную расу от грозящего ей вымирания, но и те, кто готов использовать наивных аборигенов Заратуштры в своих грязных целях.
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ
1977


LITTLE FUZZY
H. BEAM PIPER
ACE 48461 $1.75
Too long out of print, this delightful SF classic is finally available to the legions of readers waiting to discover the new human race—Fuzzy Sapiens!


H. BEAM PIPER
LITTLE FUZZY

1

Джек Хеллоуэй прищурился, оранжевое солнце слепило ему глаза. Нагнувшись к пульту управления, изменяющему скорость пульсации генераторов антигравитационного поля, он надвинул шляпу на лоб и поднял манипулятор еще на сотню футов. Некоторое время он сидел, дымя короткой трубкой, от которой пожелтели кончики его светлых усов, и смотрел вниз, на красноватый песчаник, покрытый кустарником, на каменистый провал ущелья в пятистах ярдах от него. Он улыбнулся, предвкушая добычу.

— Это будет великолепно, — громко сказал он самому себе, как человек, долгое время находившийся в одиночестве, оторванный от общества. — Мне хочется увидеть это великолепие.

Он всегда поступал так. Он мог вспомнить по крайней мере тысячу выстрелов из бластера, которые он произвел в прошедшие годы на разных планетах, включая также несколько термоядерных взрывов; все они были разными и всегда чем-нибудь отличались друг от друга, даже такие

маленькие взрывы, как этот. Щелкнул переключатель. Большим пальцем Джек нащупал кнопку разрядника и излучил радиоимпульс; красный песчаник исчез в облаке дыма и пыли, вырвавшемся из ущелья; облако вращалось, приобретая медный цвет, когда свет солнца падал на него. Большой манипулятор, висящий в антигравитационном поле, мягко покачнулся, падающие осколки камней застучали по деревьям и с плеском упали в маленький ручей.

Джек подождал, пока машина стабилизируется, потом плавно повел ее вниз, где в нависающей скале зияла огромная рана. Хороший выстрел: обвалилась масса песчаника, треснула жила кремня, но вокруг разбросало не слишком много. Было освобождено множество огромных плит. Протянув вперед когтистые лапы-манипуляторы, он захватил и дернул одну из плит, а затем, пользуясь нижней стороной захватов, поднял кусок плиты и опустил его на ровную площадку между скалой и ручьем. Он опустил на него другой кусок, разбил оба обломка, а затем еще и еще раз, пока не переработал все, что было взорвано. Затем он сел, достал шкатулку ручной работы, отрегулировал антигравитационный подъемник и поднялся к площадке.

Разбив первый кусок, он ничего в нем не нашел; сканер дал непрерывное изображение однородной структуры. Подобрав кусок манипулятором, Джек раскачал его и сбросил в ручей. В пятнадцати кусках он обнаружил прерывистую структуру, что могло означать, что внутри находится солнечный камень или что-то другое — скорее всего, что-то другое.

Почти пятьдесят миллионов лет назад, когда планета, названная Заратуштрой (в последние двадцать пять лет), была молода, здесь находилось море со своей жизнью, в том числе и с существами, похожими на медуз. Эти существа после смерти опускались на морское дно, в ил; песок покрывал ил и спрессовывал его все прочнее и прочнее, до тех пор, пока он не превратился в плотный кремнезем, а погребенные медузы — в твердые камешки. Некоторые из них благодаря причудливым биохимическим реакциям сильно термо-флюоресцировали; они были похожи на драгоценные камни и светились от тепла тела, на котором их носили.

На Земле или Бальдуре, Фрейне или Иштаре один-единственный осколочек полированного солнечного камня стоил небольшое состояние. Даже здесь они приносят заметный доход Ком-

пании Заратуштры, которая продает их тем, кто покупает. Продолжив дело и ожидая результатов, Джек достал из шкатулки небольшой вибромолот и стал осторожно оббивать камень вокруг чужеродного включения, пока в кремне не появилась трещина и не открыла гладкий желтый эллипсоид в полдюйма длиной.

— Состояние в тысячу солей — если это вообще чего-нибудь стоит, — прокомментировал он находку. Искусный удар здесь, другой там, и из кремня вырвался желтый лучик. Подняв эллипсоид, Джек потер его между ладонями рук, одетых в перчатки. — Кажется, это не то. — Он потер сильнее, затем подержал камешек над горячей чашечкой своей трубки. Однако камень никак не реагировал на это. Он отбросил его. — Еще одна медуза, которая не жила праведной жизнью.

Позади него в кустах что-то шевельнулось и сухо зашелестело. Джек сбросил с правой руки свободную перчатку и повернулся, отставив ногу в сторону. Он увидел то, что вызвало шум — существо в твердом панцире с ногами (шесть пар), переходившими в щупальца, и с двумя парами острых челюстей. Он остановился, поднял кусок кремня и с ругательством швырнул его. Еще одна проклятая, жуткая сухопутная креветка.

Он ненавидел сухопутных креветок. Они были ужасными созданиями, но это, в конце концов, не было их виной. Они были опасны. Они забирались в лагерь; они пытались все пробовать на вкус. Они заползали в машины, возможно, пытаясь отыскать там вкусную смазку, и причиняли вред. Они обгрызали изоляцию с проводов. Они пробирались в постели и кусались или, вернее, щипались очень болезненно. Никто не любил сухопутных креветок, даже сами сухопутные креветки.

Креветка увернулась от брошенного в нее камня, быстро пробежала несколько футов, и повернулась, размахивая щупальцами, что казалось насмешкой. Джек потянулся к бедру, но сдержал движение. Патроны к пистолету стоили безумно дорого, их не стоило расточать в порыве ребяческого возбуждения. Затем он подумал, что трата патронов на такую цель не является расточительством и что он в последнее время совсем не стрелял. Нагнувшись снова, он поднял другой камень и кинул его на фут ниже и левее креветки. Как только камень вылетел из его пальцев, его рука метнулась к прикладу длинноствольного автоматического пистолета. Он извлек его из кобуры и снял предохранитель прежде, чем камень

упал. Как только креветка отбежала в сторону, он выстрелил с бедра. Квази-ракообразное разлетелось на куски.

— О, выстрелы Хеллоуэя все еще попадают в цель.

Было время, и не так давно, когда он считал это само собой разумеющимся. Теперь же он стал слишком стар, чтобы подтвердить это. Он большим пальцем передвинул предохранитель и убрал пистолет в кобуру, затем поднял перчатку и снова надел ее.

Он никогда еще не видел такого губительного множества сухопутных креветок, как этим летом. Они и в прошлые года были вездесущи, но не было ничего, подобного этому. Даже старожилы, находящиеся на Заратуштре со времен первых колонистов, не видели ничего подобного. Конечно, специалисты находили этому множество простых объяснений, но его изумляла их глупость. Может быть, слишком сухая погода как-то повлияла на их численность. Или увеличилось количество их естественной пищи и уменьшилось количество врагов.

Он слышал, что сухопутные креветки не имели естественных врагов, но он сомневался в этом. Кто-то же убивал их. Он видел раздавленные

панцири креветок, некоторые из них находили недалеко от лагеря. Может быть, их давило какое-нибудь копытное, а затем трупы начисто обгладывали насекомые. Он спросит об этом Бена Рейнсфорда. Бен должен это знать.

Полчаса спустя сканер показал ему еще один прерывистый рисунок узора. Джек отложил сканер в сторону и взял маленький вибромолот. На этот раз это был большой боб, светившийся розовым светом. Джек отделил его от породы и потер. Тот мгновенно запылал.

— Ага! Теперь у меня есть хоть что-то нужное!

Он потер сильнее, затем нагрел боб над чашечкой своей трубки. Камень красиво засветился. Этот потянет больше чем на тысячу солей, сказал себе Джек. К тому же великолепный цвет. Сняв перчатки, он вытащил маленький кожаный мешочек из-под рубашки и развязал шнурок, на котором он висел. В мешочке находилось полторы дюжины камней, все светящиеся, как раскаленные угольки. Он несколько мгновений смотрел на них, затем бросил туда вновь найденный солнечный камень, сразу же затерявшийся среди остальных. Джек счастливо улыбнулся.

Виктор Грего, прислушиваясь к своему собственному голосу, потирал солнечный камень

на пальце ребром ладони, и ждал, когда тот оживет. Он заметил нотки хвастовства в своем голосе — неучтивый, невыразительный, его собственный голос звучал с ленты донесения. Если кто-нибудь из них заинтересуется, почему это так, они проиграют эту ленту через шесть месяцев на Земле в Йоганнесбурге, а сейчас она будет находиться среди груза в трюме корабля, который доставит ее сквозь пространство на расстояние в пятьсот световых лет. Она будет находиться среди слитков золота, платины и гадолиния. Мехов, биохимических препаратов и бренди. Духов, не поддающихся синтетической имитации. Невероятно пластичной и твердой древесины. Пряностей. И вместе со стальным ящиком, полным солнечных камней. Там также находились всевозможные предметы роскоши и товары, действительно заслуживающие доверия в межзвездной торговле.

А он говорил в донесении о других вещах. Количество мяса степняков увеличилось на семь процентов по сравнению с прошлым месяцем и на двенадцать процентов по сравнению с прошлым годом. И оно все еще пользуется спросом на дюжине планет, не способных производить питательные вещества, пригодные для людей.

Зерно, кожа, лесоматериалы. И он добавил более дюжины пунктов к обширному списку того, что Заратуштра теперь может производить в достаточных количествах. И она теперь уже почти не нуждается в импорте. Ни в рыболовных крючках, ни в пряжках — а также ни во взрывчатых веществах, ни в ракетном топливе, ни в запчастях для генераторов антигравитационного поля, ни в инструментах, ни в лекарствах, ни в синтетических тканях. Компания больше не нуждалась в импорте на Заратуштру. Заратуштра могла сама обеспечивать и себя, и Компанию.

Пятнадцать лет назад, когда Компания Заратуштры отправила его сюда, здесь были груды бревен и сборные хижины рядом с импровизированным посадочным полем почти на том же месте, где теперь стоит этот небоскреб. Сегодня Мэллори-Порт является городом с семидесяти-тысячным населением; всего на планете находятся около миллиона человек, и население все время увеличивается. В городе имеются сталеплавильные заводы, химические предприятия, фабрики ракетного топлива и механические мастерские. Они сами получали радиоактивные вещества из местных руд и недавно начали экспортировать некоторое количество очищенного плутония.

Они даже взялись за производство защитных экранов!

Голос на пленке умолк. Виктор перемотал кассету, установил скорость в шестьдесят метров в секунду и передал запись в радиоцентр. Через двадцать минут копия будет на борту корабля, который этой ночью отправится к Земле. Когда он уже заканчивал, зажужжал зуммер связи.

— Мистер Грего, вас вызывает доктор Келлог, — сказала ему девушка из бюро связи.

Он кивнул. Руки девушки шевельнулись, и она исчезла в многоцветной вспышке; затем экран прояснился. На нем появился глава Отдела Научных Исследований и Изысканий. Быстро взглянув на дешифратор над экраном, Виктор почувствовал теплоту, симпатию и чистосердечность и увидел слегка ироническую улыбку.

— Хелло, Леонард. У вас там все нормально?

Виктор заговорил первым: Леонард Келлог требовал больше доверия, чем заслуживал, и он пытался первым обвинить кого-нибудь, прежде чем кто-нибудь успевал обвинить его.

— Добрый день, Виктор. — Келлог упомянул его имя в первый раз, и в голосе его промелькнуло уважение. Большого человека к большому человеку. — Ник Эммерт говорил вам сегодня о

проекте Большой Черной Воды?

Ник был Генеральным Резидентом Федерации. На Заратуштре он был земным представителем Федерации по всем делам. К тому же он был крупным держателем акций и привилегированным человеком в Компании Заратуштры.

— Нет. Этот проект подает какие-то надежды?

— Ну, я очень удивлен, Виктор. Он только что появлялся на моем экране. Он с какой-то враждебностью говорил о тесте на количестве осадков в Пейдмондской зоне на Континенте Бета. Он очень обеспокоен этим.

— Хорошо. Что-то могло воздействовать на количество осадков. В конце концов, мы осушили полмиллиона квадратных миль болот и избавились от преобладающих западных ветров. К востоку от нас была зона сильной влажности. Что беспокоит Ника, и почему он враждебен?

— Ну, Ник испуган общественным мнением на Земле. Вы знаете чувства масс народа, большое стремление противопоставить свое мнение какой-нибудь форме разрушительной эксплуатации.

— Милостивый боже! Человек не может назвать высвобождение пятисот тысяч квадратных миль земли и их заселение разрушительной

эксплуатацией. Он так сказал?

— Ну, нет. Он не говорил этого. Конечно, нет. Но он интересовался слухами о нашем нарушении экологического равновесия, вызывающем засухи. Слухами, которые достигли Земли. Есть и факты, я специально поинтересовался сам.

Он знал, что они оба обеспокоены этим. Эммерт, напуганный Федерацией Колониальной Службы, мог обвинить его, направляя на него огонь консервативно настроенной части населения. Келлог боялся, что его обвинят в том, что он не предвидел всех последствий, прежде чем проект был утвержден. Как руководитель проекта он продвинулся в иерархии Компании так далеко, как только мог. Теперь он находился на беговой дорожке Красной Королевы, которая, как дьявол, мчалась к цели.

— За прошлый год выпало всего десять процентов осадков и пятнадцать за позапрошлый, — говорил Келлог. — И некоторые люди, не имеющие отношения к Компании, на этом добились власти и высокого положения. Они использовали Межзвездные Новости. Что ж, даже некоторые из моих людей обсуждают экологические стороны проекта. Вы знаете, что произойдет, когда это станет известно на Земле. Оставшиеся там фанатики

получат повод и будут критиковать Компанию.

Это сильно задевало Леонарда. Он отождествлял себя с Компанией. Она была для него чем-то более великим и могущественным, чем он сам, она была для него словно Господь Бог.

Виктор Грего отождествлял Компанию с собой. Она была для него чем-то большим и могущественным, словно летательный аппарат, и он управлял им.

— Леонард, маленькая критика не повредит Компании, — сказал он. — Эти вопросы не повлияют на ее дивиденды. Я боюсь, вы тоже восприимчивы к критике. Во всяком случае, откуда Эммерт получает эти рассказы? От наших людей?

— Нет, конечно, нет, Виктор. Это не они. Их распространяет Рейнсфорд.

— Рейнсфорд?

— Доктор Беннет Рейнсфорд, естествоиспытатель, Институт Ксенобиологии. Я никогда ни на грош не доверял этим людям, они всегда суют свой нос не в свое дело, и Институт всегда передает их донесения Колониальной Службе.

— Я знаю, кого вы сейчас имели в виду: невысокий парень с рыжими бакенбардами, всегда выглядит так, будто он спит в одежде. Ну, конеч-

но, люди из Института Ксенобиологии всегда суют нос не в свое дело, и, конечно, они докладывают о своих открытиях правительству, — он начал терять терпение. — Я не думаю, чтобы все это меняло дело, Леонард. Этот Рейнсфорд великолепно провел наблюдения за метеорологическими эффектами. Я предлагаю вашим метеорологам проверить его выводы, и если они верны, передавать их своим службам вместе с другими нашими открытиями.

— Ник Эммерт считает Рейнсфорда тайным агентом Федерации.

Это рассмешило Виктора. Конечно, на Заратуштре были тайные агенты, сотни агентов. У Компании здесь были люди, наблюдающие за ними. Он знал это и считался с этим. Так же поступали и крупнейшие акционеры, такие, как Межзвездные Исследования, Банковский Картель, Космическая Линия Земля — Бальдур — Мэрдок. У Ника Эммерта была своя команда шпионов и провокаторов, а Федерация имеет здесь людей, наблюдавших за ними и за Эммертом тоже. Рейнсфорд может быть агентом Федерации — скитающийся по планете натуралист, это может быть великолепным прикрытием. Но заниматься проектом Большой Черной Воды было совершенно глупым делом.

Ник Эммерт взял немало взяток и подношений, и это было плохо, потому что пере-отягощенная совесть может внезапно взорваться.

— Он так предполагает. Что он может донести на нас? Мы основали Компанию, и у нас есть великолепный юридический отдел, который охраняет нас от нападений. К тому же наша Хартия очень либеральна. Это необитаемая планета класса 4; Компания открыто владеет здесь всем. Мы можем делать все, что угодно, пока не нарушим один из общественных законов или Конституцию Федерации. Пока мы не сделаем этого, Нику Эммерту нечего бояться. А теперь отбросим все эти проклятые дела, Леонард! — Виктор начал говорить резко, и Келлог, казалось, обиделся. — Я знаю, вы интересуетесь неблагоприятными для нас донесениями, поступающими на Землю, и это вполне достойно похвалы, но…

Через некоторое время он справился с собой. Келлог тоже казался обрадованным. Виктор выключил экран, откинулся в кресле и засмеялся. В это мгновение зуммер зажужжал снова. Когда экран включился, девушка сказала:

— Мистер Генри Стенсон, мистер Грего.

— Хорошо, соедините меня с ним. — Он прекратил смеяться, прежде чем включился экран; не

очень приятная обязанность — говорить что-то с чувством.

Лицо, появившееся на экране, было пожилым и худощавым; рот был плотно сжат, а от уголков глаз расходились косые морщинки.

— Здравствуйте, мистер Стенсон. Хорошо, что связались со мной. Как вы там?

— Спасибо, прекрасно. А вы? — Когда Виктор ответил ему, Стенсон продолжил: — Как двигается наш Шарик? Все еще синхронно?

Виктор взглянул через все помещение на самую большую ценность, которая у него была, огромный глобус Заратуштры, сделанный для него Генри Стенсоном, подвешенный в шести футах над полом на собственном антигравитационном поле, освещенный оранжевым светом, имитирующим оранжевый свет заката солнца, и два спутника, двигающиеся вокруг нет. Сам глобус тоже медленно вращался.

— Сам глобус все время движется нормально, да и с Дариусом все в порядке. Долгота Ксеркса на пять секунд уходит вперед по сравнению с нормальным положением.

— Это же ужасно, мистер Грего! — Стенсон был сильно обеспокоен. — Завтра я настрою его в первую очередь. Я давно должен бью заглянуть к

вам, чтобы проверить его, но вы же сами знаете, как это все бывает. Так много дел и так мало времени.

— Я немного обеспокоен, мистер Стенсон.

Они немного поболтали, затем Стенсон извинился за то, что отнял у мистера Грего так много ценного времени. Он хотел сказать, что его время, так ценимое им, было растрачено зря. Выключив экран, Грего некоторое время сидел, уставившись на него. Ему хотелось бы иметь в своей организации хоть сотню людей, подобных Генри Стенсону. Людей с мозгами и характером Стенсона, сотню мастеров на все руки, подобных Стенсону и могущих создать любой прибор и инструмент. Это желание могло бы быть и более умеренным, хотя было столько жаждущих. Но был только один Генри Стенсон, как был только один Антонио Страдивари. Почему же человек, подобный ему, работал в маленькой мастерской на пограничной планете, такой, как Заратуштра?

Затем Виктор горделиво посмотрел на глобус. Континент Альфа медленно двигался направо, маленькое пятнышко, изображающее Мэллори-Порт, сверкало оранжевым светом. Дариус, ближайшая к планете луна, на которой космическая линия Земля — Бальдур — Мэрдок

арендовала конечную станцию, была видна, а дальняя луна, Ксеркс, уже уплывала из поля его зрения. Ксеркс был единственным небесным телом поблизости от Заратуштры, которое не являлось собственностью Компании; у Федерации на нем была военная база. И это было единственным напоминанием, что существует нечто более великое и могущественное, чем Компания.

Герд ван Рибик увидел Рут Ортерис, сошедшую с эскалатора, шагнувшую в сторону и теперь осматривающую коктейль-бар. Он поставил стакан с тепловатым, налитым на дюйм виски с содовой на стойку Когда Рут повернулась в его сторону, он помахал ей рукой, увидел ее оживление и помахал снова, а затем направился к ней, чтобы встретить. Она быстро поцеловала его в щеку, увернувшись, когда он хотел обнять ее, и взяла за руку.

— Сначала выпьем, а потом поедим? — спросил он.

— О, боже! Конечно, да! Сегодня я заслужила это.

Он повел ее к одному из автоматов, выполняющих функции бармена, вставил в щель свою кредитную карточку и получил кувшинчик на четыре порции, заполненный по самое горлышко

— это был коктейль, который они всегда заказывали, когда пили вместе. Сделав это, он заметил, во что она одета: короткая черная куртка, оранжевый шарф, светло-серая юбка. Ее обычные каникулы еще не наступили.

— Школьный департамент вызвал вас обратно? — спросил он, взяв кувшинчик.

— Всего лишь юношеское ухаживание, — она взяла из раковины автомата пару стаканов, а он поднял кувшинчик. — Пятнадцатилетний ночной налетчик.

Они обнаружили в глубине помещения пустой столик, туда почти не доносился шум, стоящий в коктейль-баре в этот час. Как только он наполнил ее стакан, она наполовину осушила ею, затем закурила сигарету.

— Провинциальный угол? — спросил он.

Она кивнула.

— Только двадцать пять лет прошло со времени открытия планеты, а у нас здесь уже есть трущобы. Я прочесывала их вместе с парой полицейских всю вторую половину дня, — ей, казалось, не хотелось говорить об этом. — Что вы делаете сегодня?

— Рут, вы должны были попросить дока Мейлина зайти как-нибудь к Леонарду Келлогу и

попытаться ненавязчиво переубедить его.

— Уж не доставил ли он вам новых неприятностей? — озабоченно спросила она.

Рибик поморщился и прихлебнул свой напиток.

— Меня беспокоит его характер, Рут. Пользуясь одним из выражений вашего профессионального языка, могу сказать: Леон Келлог, несомненно, «твердый орешек», — он еще раз прихлебнул свой напиток и достал из пачки сигарету. — Вот, — продолжил он, прикурив, — пару дней назад он сказал мне, что получил сведения об этой напасти — сухопутных креветках, обитающих на Бете. Он предложил мне возглавить проект и выяснить, что и как.

— Ну и что?

— Я провел исследования. Связался и переговорил с двумя людьми, затем написал рапорт и отправил ею ему. Этим я дернул за спусковой крючок; мне необходима пара недель, чтобы выбрать из этого что-нибудь реальное.

— Что вы рассказали ему?

— Факты. Сдерживающим фактором размножения креветок является погода. Их яйца созревают в почве, а весной молодые, еще незрелые креветки выползают наверх. Если там идет дождь,

большинство из них тонет в своих норах или сразу же после выхода из них. Прошлая весна была самой сухой за все это столетие на Континенте Бота, и большинство креветок уцелело, а так как они могут размножаться и партеногенезом, все их самки отложили яйца и количество их снова увеличилось, как годовые кольца на деревьях. Эта весна была еще суше, так что теперь сухопутные креветки буквально заполонили всю центральную часть континента Бета. И я не знаю, что с ними можно поделать.

— Хорошо. Так он думал, что вам это известно?

— Я не знаю, о чем он думал. Вы психолог, так вот и попытайтесь представить себе это. Я отправил ему рапорт вчера утром. Он, казалось, был вполне удовлетворен им. Сегодня в полдень он послал за мной и сказал мне, что сделано еще не все возможное. Он пытался утверждать, что количество осадков на континенте Бета в норме. Это глупо. Я отослал его к метеорологам и климатологам, откуда я и получил эту информацию. Он выразил недовольство тем, что служебные новости доходили до него в последнюю очередь. Я ответил, что дал ему все имеющиеся у меня сведения. Он сказал, что просто не может употребить их. Ему нужны были другие объяснения.

— Если им не нравятся факты, то не информируйте их, а если им нужны иные факты, придумайте их для них, — сказала она. — Это типичное отклонение от реальности. Не психоз и даже не психоневроз. И, уж конечно, не здравомыслие. — Она уже допила первую порцию и сейчас медленно потягивала вторую. — Знаете, это довольно интересно. У него есть какая-нибудь теория, которая может конкурировать с вашей?

— Нет, это мне известно. У меня сложилось впечатление, что он не хочет при всех обсуждать вопрос об осадках на континенте Бета.

— Странно. В последнее время на континенте Бета не происходило ничего особенного?

— Нет. Мне ничего не известно, — ответил он. — Конечно, осушение болот являюсь причиной сухой погоды, в прошлом году и в этом, но я не вижу… — его собственный стакан был пуст, и когда он наклонил над ним кувшинчик, из него вытекло всего несколько капель. Он посмотрел на кувшинчик, выжидая. — Как вы думаете, не стоит ли нам перед обедом повторить коктейль? — спросил он.

2

Джек Хеллоуэй опустил манипулятор перед группкой сборных хижин. Мгновение он сидел неподвижно, осознав свою усталость, затем выбрался из кабины управления, прошел по траве к двери главной жилой хижины, открыл дверь и, потянувшись, повернул выключатель. Затем, поколебавшись, он посмотрел на Дариус.

Вокруг него виднелось широкое кольцо, и Джек вспомнил о замеченных им клочках перистых облаков, в полдень собравшихся над его головой. Может быть, вечером пойдет дождь. Эта засуха не может продолжаться вечно. В последнее время он оставлял манипулятор открытым на всю ночь. Теперь он решил загнать его в ангар. Джек пошел и открыл дверь под навес, затем вернулся к машине и отвел ее в ангар. Когда он вернулся к жилой хижине, он увидел, что оставил дверь широко открытой.

— Вот ведь проклятый дурак! — упрекнул он себя. — Туда же могли забраться креветки!

Он быстро осмотрел жилую комнату — под сборной конторкой и под письменным столом,

под оружейной пирамидой, под стульями, за экраном связи и видеоэкраном, за металлическим шкафчиком библиотеки микрофильмов — и ничего не нашел. Затем он повесил свою шляпу, взял пояс с пистолетом, положил пистолет на стол и пошел в ванную комнату вымыть руки.

Как только он включил свет, кто-то внутри душевой сказал испуганным голосом:

— Уиииик!

Джек быстро повернулся и увидел два больших глаза, таращившихся на него из клубочка золотистого меха. Что бы это ни было, у него была круглая голова, большие уши и лицо, похожее на человеческое. При этом оно было ростом около фута. У него были две крошечные ручки с широко отставленными большими пальцами. Чтобы получше рассмотреть это существо, Джек присел на корточки.

— Привет, парниша, — сказал он. — Раньше я не видел ничего подобного. Во всяком случае, кто же вы такой?

Маленькое существо серьезно посмотрело на него и робким голосом произнесло:

— Уиик.

— Ну, точно: вы Маленький Пушистик, вот вы кто.

Он осторожно придвинулся, чтобы не напугать его резкими движениями, продолжая говорить:

— Держу пари, вы проскользнули сюда, когда я оставил дверь открытой. Ну, а если Маленький Пушистик обнаружил открытую дверь, почему бы ему не войти в нее и не осмотреться?

Джек слегка коснулся его. Существо отпрянуло, затем вытянуло маленькую ручку и ощупало материю его рубашки. Джек погладил его и сказал, что у него самый мягкий и шелковистый мех, который он когда-либо видел. Затем он взял его на колени. Существо довольно уикнуло и обхватило ручонками его шею.

— Ну, точно, мы ведь станем хорошими друзьями, не так ли? Может, вы хотите чего-нибудь поесть? Я думаю, мы с вами можем что-нибудь найти.

Джек посадил его на руку, поддерживая как младенца — по крайней мере, ему казалось, что он помнит, как надо держать младенцев. Детишки были теми существами, которых он не мог обмануть и которым он помогал, если чем-то мог им помочь. Он выпрямился. Вес существа был около пятнадцати — двадцати фунтов. Сначала существо начало в панике отбиваться, потом затихло и, казалось, начало даже наслаждаться

тем, что его носят на руках. В жилой комнате Джек сел в кресло, стоявшее возле торшера, и стал разглядывать своего нового знакомого.

Это было млекопитающее — у него были довольно развитые молочные железы для Заратуштры — и это поставило Джека в тупик. Существо не было приматом в земном смысле этого слова. Оно не было похоже ни на что земное и даже ни на одно существо, обитающее на Заратуштре. Двуногое существо, основывающее на мой планете свой собственный класс. Это был Маленький Пушистик, и это было все, чем Джек мог охарактеризовать его.

Этот вид был самым лучшим из всех обитателей планеты класса 3. На планетах класса 3, на таких, как Локи, Шише или Тори, давать названия было очень простым делом. Вы указываете на что-то и спрашиваете туземца, и тот выплескивает на вас целый поток звуков, которые могут означать: «Пра каво эта вы спрашиваете?», а вы берете фонетический алфавит, и имярек получает имя. Но на Заратуштре не у кого спрашивать. Значит, его имя будет Маленький Пушистик.

— Чего бы вам хотелось поесть, Маленький Пушистик? — спросил Джек. — Откройте ваш ротик и позвольте посмотреть папочке Джеку,

чем это вы жуете.

Осмотрев зубы Маленького Пушистика, он признал, что за исключением того, что челюсти его закруглялись, ею зубы были очень похоти на человеческие.

— Вы, вероятно, всеядны. А как вам понравится нечто вкусненькое из Аварийного Запаса Космических Сил, Внеземной Рацион Тип Три? — спросил он.

Маленький Пушистик издал звук, словно выражал согласие попробовать это. Это было сравнительно безопасно. Внеземным Рационом Тип Три могло питаться некоторое количество млекопитающих Заратуштры без всяких вредных для них последствий. Он принес Маленького Пушистика на кухню и поставил его на пол, затем достал консервную банку с полевым рационом, открыл ее, отломил маленький кусочек и передал его гостю, Пушистик взял кусок золотисто-коричневого кекса, понюхал его, восторженно уикнул и засунул в рот сразу весь кусок.

— Это уж точно. Вам в жизни никогда не приходилось пробовать ничего подобного!

Он разделил кекс пополам, разломив одну половину на небольшие кусочки и положил их на блюдце. Может быть, Маленький Пушистик к

тому же еще и хотел пить. Джек начал наливать воду в миску, в какую он налил бы ее для собаки, потом посмотрел на сидевшего на корточках и евшего обеими руками гостя и изменил свое решение. Он сполоснул пластиковый стаканчик-колпачок от пустой бутылки из-под виски и поставил его перед глубокой чашкой с водой. Малюсенький Пушистик хотел пить, и ему не надо было показывать, для чего служит стаканчик.

Было уже поздно готовить себе что-нибудь существенное. Он обнаружил в холодильнике какие-то остатки и смешал их с тушенкой. Пока все это разогревалось, он сел за кухонный стол и закурил трубку. Язычок пламени, вырвавшийся из зажигалки, отразился в глазах Маленького Пушистика, но что по-настоящему испугало его, так это папочка Джек, дышащий дымом. Он сидел, наблюдая за этим до тех пор, пока через несколько минут не разогрелась тушенка, а трубка не была отложена в сторону. Затем Маленький Пушистик начал доедать свой Внеземной-Три.

Внезапно он нетерпеливо уикнул и убежал в жилую комнату. Через несколько секунд он вернулся назад с чем-то длинным и металлическим. Он положил это на пол возле себя.

— Что вы там взяли, Маленький Пушистик?

Позвольте взглянуть на это папочке Джеку.

Он осмотрел этот предмет и узнал в нем свой собственный однодюймовый резец по дереву. Он вспомнил, что оставил его снаружи после какой-то работы неделю назад, но не смог найти его, когда вернулся, чтобы его подобрать. Это обеспокоило его: люди, небрежно относящиеся к своему снаряжению, не живут долго в дикой местности. Кончив есть, он отнес посуду в раковину и присел на корточки рядом со своим новым другом.

— Позвольте папочке Джеку взглянуть на это, Маленький Пушистик, — сказал он. — О, я не отберу это у вас. Я хочу только посмотреть.

Лезвие было тупым и зазубренным; резец использовался для того, для чего он не был приспособлен. В качестве лопаты, рычага и тому подобного, а также в качестве оружия. Это был универсальный инструмент, как раз подходящий по размерам для Маленького Пушистика. Он положил его на пол, откуда взял, и занялся мытьем посуды.

Некоторое время Маленький Пушистик с интересом наблюдал за ним, а затем занялся исследованием кухни. Некоторые вещи, которые он хотел рассмотреть, Джек убрал от него. Сначала это сердило гостя, но затем он понял, что эти

вещи ему не нужны. Наконец, вся посуда была перемыта.

В жилой комнате также было много вещей для исследования. Одной из них была корзина для бумаг. Маленький Пушистик обнаружил, что она может разгружаться, и быстро опорожнил ее, вытащив оттуда все, что не вывалилось само. Он оторвал кусочек бумаги, пожевал его и с отвращением выплюнул. Затем он обнаружил, что измятая бумага может быть расправлена, и расправил несколько листков, затем он обнаружил, что она может еще и складываться. Затем, весело уикая, он запутался в использованной магнитной ленте. В конце концов он потерял к этому интерес и отошел. Джек поднял его на руки и отнес обратно.

— Нет, Маленький Пушистик, — сказал он, — нельзя опорожнить корзину, а потом уйти от нее. Вы уберете все это назад. — Он коснулся корзины и сказал медленно и отчетливо: — Корзина… для… бумаг. — Затем он повернул ее так, чтобы Маленький Пушистик мог помогать ему, и, подняв кусочек бумаги, подбросил его на высоту плеч Маленького Пушистика. Затем подал его Маленькому Пушистику и повторил: — Корзина… для… бумаг…

Маленький Пушистик посмотрел на него и сказал что-то, что могло быть фразой: «Что с вами, папочка, вы сошли с ума или еще что-нибудь?» Тем не менее, после нескольких попыток он взял бумажку и бросил ее в корзину. В течение нескольких секунд он собрал все, за исключением коробки из-под патронов, сделанной из яркого пластика, и широкогорлой бутылки с винтовой нарезкой. Он выставил их и спросил:

— Уиик?

— Да, можно их взять. Идите сюда; позвольте папочке Джеку кое-что показать вам.

Он показал Маленькому Пушистику, как можно открывать и закрывать коробку. Затем, положив так, чтобы было видно, он взял бутылку, отвернул пробку и снова завернул.

— Ну, а сейчас попробуйте сделать то же самое.

Маленький Пушистик вопросительно взглянул на него, затем взял бутылку и зажал ее коленями. Неудачно. Он попытался вертеть пробку в противоположную сторону и только еще туже завернул ее. Он заунывно уикнул.

— Нет, продолжайте. Вы сможете это сделать.

Маленький Пушистик снова взглянул на бутылку. Затем он попытался повернуть пробку в

другую сторону и ослабил ее. Он уикнул, что не могло означать ничего другого, кроме как «Эврика!», и, быстро сняв ее, поднял вверх. Выслушав похвалу, он осмотрел бутылку и пробку, ощупал резьбу, а затем снова завернул пробку.

— Знаете, Маленький Пушистик, вы не лишены остроумия, — потребовалось всего несколько секунд, чтобы понять, насколько он умен. Маленький Пушистик хотел знать, почему вы вращали пробку в одну сторону, когда закрывали ее, и в другую, когда открывали, и он узнал это. По способности к приручению он превосходил всех самых умных животных, которых когда-либо видел Джек. — Я пойду расскажу о вас Бену Рейнсфорду.

Подойдя к экрану связи, он набрал кодовый номер лагеря натуралиста, находившегося в пятидесяти милях вниз по Змеиной Реке, если считать от Холодного Ручья. Экран связи действовал автоматически, он вспыхнул, как только был набран код. Перед объективом на той стороне стояла карточка с надписью: «Ушел в поле. Вернусь к пятнадцати часам. Запись включена».

— Бен, это Джек Хеллоуэй, — сказал он. — Я только что столкнулся кое с чем интересным, — он кратко описал, как все произошло. — Я наде-

юсь, он останется у меня, пока ты не вернешься. Он вообще не похож ни на что, что я когда-либо видел на этой планете.

Маленький Пушистик был разочарован, когда Джек отключил экран: это заинтересовало его. Джек поднял его и посадил к себе на колени.

— Сейчас, — сказал он, протягивая руку к пульту управления. — Смотри сюда, сейчас мы увидим кое-что красивое.

Он наугад включил экран, на нем появилось изображение множества костров, мерцающих там, где люди Компании сжигали мертвые леса, чтобы исследовать Большие Болота Черной Воды. Маленький Пушистик испуганно вскрикнул, обвил ручками шею папочки Джека и спрятал лицо в складках его рубахи. Да, лесные пожары, иногда начинающиеся от молний, были страшными для Маленького Пушистика. Джек переключил канал, и на экране появилось другое случайное изображение (на этот раз это был вид с верхней части Дома Компании в Мэллори-Порте, расположенном тремя временными поясами западнее) с панорамой расстилающегося внизу города и пылающего солнца, заходящего на западе. Маленький Пушистик изумленно смотрел на это чудо. Это было довольно впечатляющее зрелище

для маленького парнишки, который всю свою жизнь провел среди огромных деревьев.

Сначала он увидел космопорт и множество других вещей, однако вид планеты целиком, как она видна с Дариуса, привел его в замешательство. Затем, в середине симфонии, передаваемой из Оперного Театра Мэллори-Порта, он изогнулся, спрыгнул на пол и, схватив свой резец, вскинул его на плечо, словно двуручный меч.

— Какого дьявола… О-хо-хо!

Сухопутная креветка, которая, должно быть, вползла, когда была открыта дверь, пересекала комнату. Маленький Пушистик пробежал мимо нее и опустил лезвие резца на шею креветки, изящно обезглавив ее. Мгновение он смотрел на свою жертву, затем занес над ней резец, дважды плашмя ударил по ее спине и разбил панцирь. Затем он начал выдергивать мертвую креветку из панциря, обрывая кусочки мяса и с удовольствием съедая их. Разделавшись с большим куском, он вырубил из панциря жала креветки и использовал их для того, чтобы вытащить наименее доступные кусочки. Когда Пушистик закончил, он начисто вылизал пальцы и снова взобрался на подлокотник кресла.

— Нет, — Джек указал на остатки панциря. —

Корзина для бумаг.

— Уиик?

— Корзина для бумаг.

Маленький Пушистик подобрал остатки панциря креветки, сбросив их туда, где им надлежало быть. Затем он вернулся, взобрался на колени папочки Джека и сел смотреть картины, появляющиеся на экране, до тех пор пока не заснул.

Джек осторожно поднял его и заботливо уложил на теплое сидение кресла, затем пошел на кухню, налил себе выпивки, поставил ее на большой стол, закурил трубку и начал записывать в дневник события, происшедшие в тот день. Через некоторое время Маленький Пушистик проснулся и, обнаружив, что колени, на которых он заснул, исчезли, безутешно уикнул.

Сложенное одеяло в углу спальни было удобной постелью, однако Маленький Пушистик сначала убедился, что там нет насекомых. Он перенес к постели бутылку и пластиковую коробку и положил их на пол рядом с одеялом. Затем он подбежал к выходной двери жилой комнаты и, уикнув, попросился выйти. Отойдя на расстояние около двадцати футов от дома, он, пользуясь резцом, выкопал небольшую ямку и, убедившись, что она подходит для его целей, осторожно заполнил ее и

бегом вернулся назад.

Вероятно, в естественных условиях Пушистики жили стаями и имели свои дома-берлоги, гнезда или что-то подобное. Никто не хочет, чтобы в его доме был беспорядок, и когда юные особи устраивают его, родители могут отшлепать их, чтобы научить хорошим манерам. Теперь этот дом был домом Маленького Пушистика, и он знал, как он должен вести себя.

На следующее утро Джек поднялся на рассвете и попытался откопать Маленькою Пушистика из-под одеяла. Помимо того, что он был самым эффективным истребителем сухопутных креветок, он был еще и первоклассным будильником. Но лучше всего было то, что он стал Маленьким Пушистиком папочки Джека. Он захотел выйти; тем временем Джек взял переносную камеру и заснял все происходящее на пленку. Здесь нужна была маленькая дверца с пружиной, чтобы Маленький Пушистик мог действовать самостоятельно. Все было разработано за завтраком. Потребуется всего пара часов, чтобы сделать и установить ее. Маленький Пушистик все понял, как только увидел дверь и сообразил, как пользоваться ею, чтобы выйти.

Джек вернулся в мастерскую, разжег огонь в

переносном горне и отковал острое, довольно широкое лезвие в четыре дюйма длиной, а на конце рукоять для этого импровизированного оружия-шпаги в фут длиной и четверть дюйма в диаметре. Когда он кончил, лезвие оказалось тяжелее, и чтобы сбалансировать его, он на другом конце приварил круглую ручку. Маленький Пушистик тотчас же понял, что это такое. Отбежав в сторону, он для практики выкопал пару ямок, а затем стал обшаривать траву в поисках сухопутной креветки.

Джек с камерой последовал за ним и заснял пару сцен убийства креветок, выполненных со спокойствием и поразительной точностью. Маленький Пушистик не мог добиться такой сплоченности движений (удар-шлеп-шлеп) за неделю с тех пор, как он нашел резец по дереву.

Зайдя в сарай, Джек начал искать нечто, даже не представляя себе, как это может выглядеть, и обнаружил это там, куда мог выбросил Маленький Пушистик, когда нашел резец. Это была палка из твердого дерева в фут длиной, обточенная и гладко отшлифованная, вероятно, куском песчаника. На одном ее конце было нечто похожее на весло с достаточно острым лезвием, чтобы обезглавить креветку, другой конец был заострен. Он

отнес пашу в хижину и сел за стол исследовать ее через увеличительное стекло. На остром конце налипли кусочки почвы — он использовался как кирка. Веслоподобный конец использовался в качестве лопаты, секиры и дробителя панцирей. Маленький Пушистик точно знал, что ему нужно, когда он изготавливал эту вещь. Он хранил ее до тех пор, пока она была настолько совершенна, насколько это было возможно, и выбросил без сожаления, когда ему попалось нечто более совершенное.

В конце концов Джек убрал все в верхний ящик стола. Он подумал о том, что пришло время ленча, когда Маленький Пушистик ворвался в хилую комнату, схватил свое новое оружие и возмущенно уикнул.

— Что случилось, малыш? У вас неприятности? — Джек поднялся, подошел к оружейной пирамиде, взял винтовку и осмотрел комнату. — Покажите папочке Джеку, что там такое.

Маленький Пушистик проследовал за ним к большой двери, предназначенной для людей, готовый, если возникнет необходимость, броситься назад. Неприятностью оказалась гарпия — нечто по размерам и поведению похожее на земного птеродактиля юрского периода, достаточно боль-

шое, чтобы заглотить Маленького Пушистика за один прием. Она, должно быть, уже бросилась на него один раз и готовилась напасть во второй. Напоровшись на пулю, выпущенную из шестимиллиметрового ружья, она перекувыркнулась в воздухе и камнем упала вниз.

Маленький Пушистик, удивленно смотревший на все это, несколько мгновений понаблюдал за мертвой гарпией, а затем отыскал отлетевшую стреляную гильзу. Он схватил ее и выставил вперед, как бы спрашивая, может ли он взять ее. Получив разрешение, он побежал с гильзой в спальню. Когда он вернулся, папочка Джек поднял его, перенес в ангар и усадил в кабину управления манипулятора.

Вибрация генератора антигравитационного поля и ощущение подъема сначала обеспокоили Маленького Пушистика, но когда они подцепили гарпию крюком и подняли ее на высоту пятисот футов, он начал наслаждаться полетом. Они бросили гарпию на пару миль выше по ручью, который на новейших картах значился как Ручей Хеллоуэя, а затем, возвращаясь назад, сделали широкий круг возле гор. Маленький Пушистик считал, что это было развлечение.

После ленча Маленький Пушистик вздремнул

на кровати папочки Джека. Джек отвел манипулятор к прииску, произвел пару выстрелов, обнаживших кремень, и нашел еще один солнечный камень. Такое бывало не часто. Он редко находил камни два дня подряд. Когда он вернулся в лагерь, Маленький Пушистик в стороне от хижины долбил еще одну сухопутную креветку.

После обеда — его стряпня тоже нравилась Маленькому Пушистику, если только не была слишком горячей — они пошли в жилую комнату. Джек вспомнил, что в письменном столе, куда он убрал деревянную палку-инструмент, он видел болт с гайкой, и, достав их оттуда, он показал все это Маленькому Пушистику. Тот несколько мгновений рассматривал их, затем сбегал в спальню и принес оттуда бутылку с завинчивающейся пробкой. Он отвернул пробку, завернул ее снова, а затем навернул гайку на болт и показал ее Джеку.

— Видишь, папочка? — уикнул он это или что-то в этом роде. — Теперь все получилось.

Затем он свернул с бутылки пробку, положил туда болт с гайкой и закрыл бутылку снова.

— Уиик, — сказал он с заметным удовольствием.

Причина его удовлетворения была ясна. То,

что он делал, было доведено до конца. Бутылочная пробка и гайка принадлежали к общему классу вещей-что-наворачивались-на-другие-предметы. Чтобы снять их, нужно поворачивать их влево, чтобы надеть — вправо, только сначала нужно убедиться, что нарезка зацепилась. Но поскольку он смог понять, в каком случае нужно крутить вправо, в каком — влево, это значило, что он мог размышлять о свойствах предметов, не имея их перед глазами, и это значило, что он обладает абстрактным мышлением. Может быть, это несколько отвлеченное понятие, но…

— Вы знаете, папочка Джек завел у себя очень умного Маленького Пушистика. Вы взрослый Маленький Пушистик или еще Маленький Пушистик-дитя? Держу пари, что вы профессор, доктор Пушистик.

Желал бы он знать, что сделает профессор, если окажется таким, каким он предстал вначале, продолжая работать дальше, и усомнится ли он когда-нибудь в правильности того, что нужно разбирать вещь на части, как он это делал сейчас. Когда-нибудь Джек может вернуться домой и найти что-нибудь важное разобранным или, еще хуже, разобранным и собранным неправильно. В конце концов Джек пошел в чулан и копался там

до тех пор, пока не нашел оловянную канистру. Вернувшись, он обнаружил, что Маленький Пушистик взобрался на стул, нашел в пепельнице его трубку и, затянувшись, закашлялся.

— Эй, я не думаю, что это полезно для вас!

Он забрал трубку, вытер ее о рубашку и сунул в рот, затем поставил канистру на пол, а Маленького Пушистика опустил рядом с ней. В канистре было около десяти фунтов камней. Впервые поселившись здесь, он собрал коллекцию минералов, но когда он нашел то, что ему было нужно, он выбросил все, кроме двадцати или тридцати самых лучших образцов. Теперь он был доволен, что сохранил их.

Маленький Пушистик взглянул на канистру, решил, что крышка относится к классу вещей-которые-наворачиваются-на-другие-предметы, и снял ее. Внутри поверхность крышки была зеркально-блестящей, и это позволило ему сделать небольшое открытие: он увидел в ней самого себя. Он удовлетворенно уикнул и заглянул в канистру. Это, решил он, относится к классу вещей, которые-могут-выгружаться, как корзина для бумаг, и он тут же высыпал содержимое на пол. Затем он начал исследовать камни и разбирать их по цветам.

Исключая интерес к красочным картинам на экране, это было первым реальным доказательством, что Пушистики воспринимают и понимают цвета. Он продолжал трудиться и еще увереннее доказал это, раскладывая камни в различные кучки, разбив их по оттенкам, от куска аметистоподобного кварца до темно-красных камней. Ну, может быть, он ввел радугу. Может быть, он жил возле большого водопада, где всегда бывает радуга, когда светит солнце. Или, может быть, для него вполне естественно видеть цвета.

Затем, перебирая все камни, он начал классифицировать их, складывая из них странные круглые и спиральные узоры. Каждый раз, заканчивая узор, он счастливо уикал, привлекая к себе внимание, некоторое время глядел на него, а затем отодвигался и принимался за новый. Пушистик был способен получать удовольствие от творчества. Он делал бесполезную работу, изготовляя узоры и любуясь ими.

Наконец он запихнул камни обратно в канистру и покатил ее в спальню, поместив среди других своих сокровищ. Укладываясь спать, он положил свое новое оружие на одеяло рядом с собой.

На следующее утро Джек раскрошил целую

плитку Рациона Три, положил на блюдечко, налил в чашку воды и, убедившись, что не осталось ничего, что бы мог повредить Пушистик или обо что он мог бы пораниться, направил свой манипулятор к шурфам. Он проработал все утро, но, разбив около полутора тонн породы, ничего не нашел. Затем он произвел серию выстрелов, срезав ими верхний слой песчаника и обнажив новый пласт кремня, затем сел под дерево с шарообразной кроной, чтобы съесть свой ленч.

Примерно через полчаса он вернулся к работе, нашел какую-то окаменевшую медузу, которая не потребляла необходимых веществ в необходимых комбинациях, а немного погодя он нашел одну за другой четыре конкреции, и в двух из них были солнечные камни, а сделав еще четыре или пять срезов, он обнаружил третий солнечный камень. Возможно, он наткнулся на легендарное Место Погребения Медуз! Далеко за полдень, когда он перебрал весь кремень, у него уже было девять солнечный камней, включая темно-красного гиганта с дюйм в диаметре. Должно быть, в древнем океане существовало какое-то течение, стянувшее множество медуз в одно место. Он хотел срезать еще несколько футов песчаника, но, решив, что уже поздно, вернулся в лагерь.

— Маленький Пушистик! — позвал он, открыв дверь в жилую комнату. — Где вы, Маленький Пушистик? Папочка Джек разбогател! Мы отпразднуем это!

Тишина. Он позвал снова: ни ответа, ни топота ног. Вероятно, подумал Джек, очистив окрестности от креветок, он пошел поохотиться подальше в лес. Стянув с плеча ружье и бросив от на стол, он прошел на кухню. Большая часть Рациона Три исчезла. В спальне он обнаружил, что резец аккуратно лежит по диагонали одеяла, а из камней, высыпанных из канистры, Пушистик сложил узор.

Поставив обед на плиту, Джек вышел и некоторое время звал его, затем смешал себе виски с содовой, принес в гостиную и уселся, чтобы просмотреть сегодняшние находки. Сначала он был довольно недоверчив, но потом все-таки осознал, что добыл камней за день, по крайней мере, на пятьдесят пять тысяч солей. Он сложил их в мешочек и, потягивая виски, предался приятным мечтам, пока колокольчик плиты не сообщил ему, что обед готов.

Он ел в одиночестве — впервые за все эти годы он делал это неохотно, неожиданно еда стала противной — а вечером, перебрав номера своей

микрофильмотеки, он обнаружил только книги, которые читал и перечитывал десятки раз, или те; которые держал для справок. Несколько раз ему казалось, что он слышит скрип открываемой маленькой дверцы, но каждый раз он ошибался. И конце концов — лег спать.

Проснувшись, он тут же посмотрел на сложенное одеяло, но резак по-прежнему лежал поперек него. Прежде чем уехать на прииск, он раскрошил еще немного Рациона Три и сменил воду в чашке. В тот день, найдя еще три солнечных камня, он механически и без всякого удовольствия сложил их в мешочек. Закончив работу пораньше, он целый час описывал круги вокруг лагеря, но так ничего и не обнаружил. Рацион Три, раскрошенный на кухне, был не тронут.

Может, малый встретил нечто огромное, оказавшееся ему не по зубам, даже с его прекрасным новым оружием — эльфо-дрозда, лешего или другую гарпию. Или, может быть, ему надоело торчать на одном месте, и он двинулся дальше.

Нет. Ему здесь нравилось. Он веселился и был счастлив. Джек грустно покачал головой. Когда-то он тоже жил в приятном месте, где мог быть счастливым, если бы не помнил о своих обязанностях. И он ушел, оставив там опечаленных людей.

Может быть, Маленький Пушистик поступил точно так же. Может быть, он так и не осознал, как много он здесь значил и каким пустым стало без нет это место.

Джек отправился на кухню за выпивкой, но остановился и задумался. Выпьешь из жалости к себе, а потом, пожалев себя, выпьешь еще, а когда обе порции смешаются внутри твоего желудка, ты начнешь пить все подряд, что попадается под руку, и в конце концов впадешь в беспробудный запой. Нет, перед тем как идти спать, он выпьет только одну-единственную порцию виски с содовой, хотя, может быть, это и будет для него совершенно бесполезно.

3

Проснувшись, он протер глаза и посмотрел на часы. Было десять вечера с небольшим. Подошло время выпить еще и ложиться окончательно. Он тлело поднялся, вышел на кухню, плеснул виски в стакан и, перенеся его на стал, уселся и достал дневник. Он почти закончил описание этого дня, когда маленькая дверца позади него открылась и тоненький голосок неожиданно произнес:

— Уиик.

Джек обернулся.

Тонкий звук нетерпеливо повторился. Маленький Пушистик придерживал открытую дверь, а отвечал кто-то снаружи. Затем вошел еще один Пушистик, и еще; всего их было четверо, а один из них нес на руках маленький ворочающийся клубочек белой шерсти. У всех у них были палки, подобные той, что лежала в ящике стола. Они остановились посреди комнаты, смущенно оглядываясь. Затем, бросив свое оружие, Маленький Пушистик подбежал к Джеку. Отставив кресло в сторону, Джек подхватил Маленького Пушистика и уселся с ним на пал.

— Так вот почему ты убежал и заставил волноваться папочку Джека! Ты хотел, чтобы твоя семья тоже была здесь.

Остальные сложили свои палки рядом со стальным оружием Маленького Пушистика и нерешительно подошли ближе. Джек заговорил с ними, и Маленький Пушистик повторял то же самое — по крайней мере, было похоже, что это так — и вот один из вновь пришедших подошел к Джеку и потрогал пальцем его рубашку, а другой потянулся и потрогал его за усы. Вскоре все они, включая и маму с ребенком, ползали по нему. Детеныш был настолько маленьким, что поместился в ладони Джека, но через минуту он уже взобрался к нему на плечо, а потом уселся на его голове.

— Эй, родичи, вы хотите обедать? — спросил Джек.

Маленький Пушистик выразительно уикнул: это слово он понимал. Джек пошел на кухню и предложил им холодное мясо степняка и жареные плоды шарообразного дерева. Пока они опустошали пару больших сковородок, он вернулся в жилую комнату, чтобы осмотреть то, что они принесли с собой. Две палки были деревянными, как и та, что Маленький Пушистик

выбросил в сарае. Третья была сделана из рога, а четвертая, вероятно, из плечевой кости животного вроде зебролопы. Там была также так называемая дубина, выполненная на уровне раннего неолита, и осколок кремня, по форме напоминающий апельсиновую дольку, около пяти дюймов в длину. Если бы его изготовил человек, он мог бы называться скребком. Некоторое время Джек ломал над ним голову, но, заметив идущие по краю зазубрины, решил, что это пила. Было еще три очень хороших тонких ножа и несколько ракушек, вероятно, служащих сосудами для питья.

Когда он заканчивал осмотр, вошла Пушистик-мама. Она, казалось, что-то заподозрила, но теперь убедилась, что собственность ее семьи не растащена и не поломана. Пушистик-малыш одной ручонкой вцепился в ее мех, а другой держал плод шарообразного дерева. Засунув остатки плода себе в рот, он взобрался на Джека и снова уселся на его голове. Следовало бы отучить его от этого. Скоро он станет слишком большим для таких похождений.

Через несколько минут вернулись все остальные члены семьи, толкаясь и счастливо уикая, начали бегать друг за другом. Мама сползла с

колен Джека и присоединилась к потасовке, а Пушистик-малыш, спрыгнув с его головы, приземлился на спину матери. Он-то думал, что потерял Маленького Пушистика, а здесь теперь, черт побери, появилось пять Пушистиков и еще малыш. Когда они навозились и устали, он сделал для них в жилой комнате постели и перенес туда одеяло Маленького Пушистика и все его сокровища. Когда в спальне находился один Маленький Пушистик, это было замечательно — но пятеро и маленький ребенок было слишком много для полного счастья.

Малыш и все остальные, копошась в его кровати, на следующее утро слишком рано разбудят его.

На следующее утро он сделал стальные инструменты в виде шпаг для каждого из них и с полдюжины на случай, если появятся другие Пушистики. Он сделал также маленький топорик с рукояткой из твердого дерева, из лезвия мото-пилы — ножовку и из четвертьдюймовой плоской пружины — полдюжины маленьких ножей. Неприятностей по поводу изъятия собственности Маленьких Пушистиков было гораздо меньше, чем он ожидал. У них было развито чувство собственности, но они прекрасно понимали все

выгоды обмена. Он спрятал все деревянные, роговые, костяные и каменные поделки в ящик стола. Так Хеллоуэй положил начало коллекции оружия и орудий труда Пушистиков с Заратуштры. Вполне возможно, что он завещает ее Федеральному Институту Ксенобиологии.

Конечно, все семейство тут же испытало новые инструменты-шаги на креветках, а Джек следовал за ними с кинокамерой. За утро они истребили полторы дюжины креветок, и поэтому ленч был съеден без всякого интереса, хотя они сидели и откусывали маленькие кусочки, подражая ему. Закончив, они забрались на плащ, расстеленный на его кровати. А он провел эти полдня, бродя по лагерю и выполняя работы, которые он откладывал месяцами. Под вечер все Пушистики выбежали наружу, чтобы немного прогуляться на траве перед домом.

Джек был на кухне и готовил еду, когда они через маленькую дверцу ворвались в жилую комнату, что-то взволнованно выкрикивая. Маленький Пушистик и один из самцов прошли на кухню. Маленький Пушистик встал на четвереньки и, оттопырив мизинец и большой палец, поднес руку к нижней челюсти, а указательный палец он держал прямо. Затем он выбросил

вперед правую руку и издал лающий звук, не похожий ни на один из тех звуков, что он издавал раньше. Прежде чем Джек понял, Пушистику пришлось проделать это еще раз.

Здесь существовал очень большой и опасный хищник под названием «чертов зверь» — очередной пример зоологического разнообразия не населенных разумными существами планет — у него был один рог на лбу и два на нижней челюсти, расположенные по бокам. Для Пушистика это было уже кое-что, впрочем, для человека тоже был повод поволноваться. Джек отложил в сторону разделочный нож и вкуснятника, которого он разделывал, вытер руки, прошел в гостиную и, произведя быстрый подсчет, убедился, что никто из семейства Пушистиков не пропал. Затем, подошел к оружейной пирамиде.

На этот раз вместо шести миллиметрового ружья, которое он использовал против гарпии, он взял большую 12,7-миллиметровую скорострельную винтовку, проверил, заряжена ли она, и сунул в карман несколько запасных патронов. Маленький Пушистик выбежал вслед за ним и указал на левый угол хижины. Остальные члены семьи оставались внутри.

Пройдя около двенадцати футов, Джек стал

поворачиваться против часовой стрелки, осматриваясь. В северном направлении чертова зверя не было, и он уже повернулся было к востоку, когда из-за его спины выскочил Маленький Пушистик и указал на что-то позади него. Он обернулся как раз вовремя, чтобы заметить готового броситься на него сзади чертова зверя; голова его с рогами была опущена. Ему следовало бы подумать об этом: чертов зверь мог быть хитрым и охотиться на охотника.

Джек инстинктивно прицелился и нажал курок. Крупнокалиберная винтовка взревела и ударила его в плечо, а пуля, попав в чертова зверя, отбросила его тело весом около полутонны назад. Вторая пуля вонзилась чуть пониже поганкоподобного уха. Животное спазматически содрогнулось и застыло. Джек машинально передернул затвор, но стрелять в третий раз не было необходимости. Чертов зверь был так же мертв, каким он мог быть сам, не предупреди его Маленький Пушистик.

Джек поблагодарил за это Маленького Пушистика, который спокойно перебирал пустые гильзы. Затем, потирая плечо, куда ударила винтовка, он вошел в дом и поставил оружие в пирамиду. Используя манипулятор, он выволок

тело чертова зверя с территории лагеря и прикрепил его на верхушке дерева, где оно представляло собой приятное, но загадочное угощение для гарпий.

Вечером после еды произошел еще один переполох. Семейство, уставшее от возни, собралось в жилой комнате, где Маленький Пушистик демонстрировал ему принцип действия вещей-которые-навертываются-на-другие-предметы на примере широкогорлой бутылки и болта с гайкой, когда что-то огромное зарычало прямо над их головами. Они все замерли, посмотрели на потолок, а затем отбежали и остановились перед пирамидой. Это, вероятно, было что-то более серьезное, чем чертов зверь, а что мог поделать папочка Джек, если у него чего-нибудь катастрофически не хватает? Они испуганно следили за папочкой Джеком, подошедшим к двери, открывшим ее и шагнувшим наружу. В конце концов, никто из них не слышал раньше клаксона полицейского аэрокара.

Кар, изящно накренившись, опустился на траву перед лагерем и выключил антигравитационное поле. Два человека в мундирах выбрались из него, и в лунном свете он узнал обоих: лейтенанта Джорджа Ланта и его водителя Ахмеда Кхадра.

Приветствовав их, он спросил:

— Что-нибудь не в порядке?

— Нет. Просто мы решили посетить вас и посмотреть, как вы тут устроились, — ответил Лант. — Мы не часто залетаем сюда. Не было ли у вас каких-нибудь неприятностей в последнее время?

— Нет, после того раза ничего, — тот раз, это, когда пара лесных бродяг, безработных пастухов с юга, которые где-то прослышали про мешочек, который он носил у себя на шее, появились тут. Все, что должны были сделать полицейские — это убрать трупы и написать рапорт. — Входите и на некоторое время забудьте о своем оружии. У меня есть кое-что, что я хочу показать вам.

Маленький Пушистик вышел из дома и дернул его за штанину. Джек остановился, поднял его и посадил на плечо. Отдыхающее семейство, вероятно, решило, что но неопасно, и, подойдя к двери, теперь выглядывало наружу.

— Эй! Что это за черти? — спросил Лант, резко останавливаясь на полпути от своего кара.

— Пушистики. Скажите, вы никогда раньше их не видели?

— Нет, не видели. Кто они?

Полицейские приблизились, и Джек, прогнав

Пушистиков с дороги, шагнул в дом. Лант и Кхадра остановились в дверях.

— Я точно вам говорю. Они Пушистики. Название — это все, что мне известно о них.

Два Пушистика подошли и посмотрели снизу вверх на лейтенанта Ланта. Один из них сказал:

— Уиик?

— Они хотят знать, что вы такое, так что интерес взаимен.

Лант на мгновение замялся, затем снял ремень с кобурой и повесил на одну из вешалок, прикрепленных к внутренней стороне двери. Сверху он подвесил свой берет. Кхандра быстро последовал его примеру. Это означало, что они временно считают себя не на службе, и если им предложат, могут даже выпить. Один Пушистик, чтобы на него обратили внимание, подергал за штанину Ахмеда Кхадру, а Пушистик-мама подняла малыша, показывая его Ланту. Кхандра немного нерешительно поднял Пушистика, который пытался привлечь его внимание.

— Раньше я никогда не видел ничего подобного этому, Джек, — сказал он. — Откуда они появились?

— Ахмед, вы ничего не знаете о них, — укорил ею Лант.

— Он не повредит мне, лейтенант; они ведь безвредны, Джек? — он взглянул на пол, и к нему подошла еще пара Пушистиков. — Почему вы не хотите познакомиться с ними? Они очень милы.

Джордж Лант не мог позволить своему подчиненному делать то, что он боялся делать сам. Он тоже сел на пол, и Мамочка принесла ему своего малыша. Малыш немедленно перескочил на его плечо и попытался влезть на голову.

— Расслабься, Джордж, — сказал ему Джек. Они хорошие. Пушистики всего лишь хотят подружиться.

— Меня всегда немного пугают чужие формы жизни, — сказал Лант. — Уж вы-то должны бы знать, что случилось.

— Они не чуждая форма жизни, они млекопитающие с Заратуштры. Как те форма жизни, которую вы едите на обед каждый день с тех пор, как прибыли сюда. Их биохимия тождественна нашей. Думаете, они могут наградить нас чем-то вроде «узора в горошек» или чем-нибудь подобным? — он поставил Маленького Пушистика на пол рядом с остальными. — Мы изучаем эту планету двадцать пять лет, и никто не видел здесь ничего подобного.

— Поймите, лейтенант, — вмешался Кхадра, —

Джеку лучше знать.

— Ладно… Они умные ребята. — Лант снял малыша с головы и отдал его Мамочке. Маленький Пушистик ухватился за один конец цепочки от свистка и попытался выяснить, что там, на другом конце. — Держу пари, их слишком много для вас.

— Вот вы и познакомились с ними. Будьте как дома, а я пойду и быстро приготовлю выпивку и закуску.

Пока он был на кухне, наполняя сифон содовой и доставая из холодильника лед, в гостиной пронзительно заверещал полицейский свисток. Когда Джек открывал бутылку виски, в кухню лихо влетел Маленький Пушистик, дуя в свисток, а большинство членов семейства, пытавшихся отнять свисток, преследовали его. Для Пушистиков он открыл банку Внеземного-Три. Как только он сделал это, в гостиной заверещал другой свисток.

— У нас на посту их целая коробка из-под обуви, — крикнул Лант, перекрывая шум. — Мы пришлем вам еще парочку, когда снова будем дежурить.

— Хорошо, что они действительно понравились вам, Джордж. Я хочу сказать, что Пушистики

оценят это. Ахмед, я полагаю, вы возьмете на себя обязанности бармена, а я тем временем раздам детишкам сладости.

Пока Кхадра смешивал коктейли, а Джек раздавал Пушистикам Внеземной-Три, Лант опустился в удобное кресло, а Пушистики устроились на полу перед ним, все еще с любопытством разглядывая его. Наконец Внеземной-Три на время отвлек их мысли от свистков.

— Что я хочу знать, Джек, так это то, откуда они взялись, — сказал Лант, взяв свой стакан. — Я здесь на службе пять лет и никогда ничего похожего не видел.

— Я здесь на пять лет больше и тоже никогда не видел их раньше. Я думаю, они Спустились с севера, из местности, расположенной между Кордильерами и Западным побережьем. Воздух там просматривался на десять тысяч футов, а несколько поездок, сделанных то там, то тут, ничто по сравнению с тем, что надо сделать, чтобы по-настоящему исследовать эту местность. Если она кому и известна, то только Пушистикам.

Он начал рассказывать о своей первой встрече с Маленьким Пушистиком и через какое-то время добрался до резца по дереву и до обезглавливания сухопутных креветок. Лант и Кхадра с изумлени-

ем посмотрели друг на друга.

— Вот это да! — сказал Кхадра. — Я находил панцири с выбранным мясом, разбитые именно таким способом, как вы описали. Но не у всех же у них есть резцы по дереву. Как вы думаете, чем они обычно пользуются?

— А вот этим! — Джек рывком открыл ящик стола и достал оттуда несколько предметов. — Один из них бросил Маленький Пушистик, когда нашел мой резец. Остальные принесли другие, когда пришли сюда.

Лант и Кхадра встали и подошли поближе, чтобы взглянуть на вещицы. Лант попытался доказать, что Пушистики не могли сделать этого сами. Но он не смог убедить в этом даже самого себя. Покончив с Внеземным-Три, Пушистики выжидающе смотрели на демонстрационный экран, и Джек вдруг подумал, что никто из них, кроме Маленького Пушистика, никогда не видел этого. Затем Маленький Пушистик прыгнул в кресло, которое освободил Лант, дотянулся до выключателя и повернул его. На экране возникло пустое пространство залитой лунным светом равнины. Картинка транслировалась телекамерой пастухов, пасших степняков, установленной на металлической вышке. Это было не очень ин-

тересно. Маленький Пушистик бесцельно вертел селектор и в конце концов нашел трансляцию вечернего футбольного матча из Мэллори-Порта. Это было великолепно. Он спрыгнул вниз и присоединился к другим, расположившимся перед экраном.

— Я видел Зеленых Обезьян и Кхолпхов Фрейна, которые тоже могли включать обзорный экран и пользоваться селектором, — сказал Лант. Это прозвучало, словно отзвук последних возражений перед капитуляцией.

— Кхолпхи Фрейна умные, — согласился Кхадра. — Они пользуются инструментами.

— Они изготовляют инструменты? Или пользуются тем, что им дадут? — Никто ничего не ответил. — Нет, никто не делает их, кроме гуманоидов, подобных нам, и Пушистиков.

Это было произнесено впервые; но прежде чем сказать это, он все обдумал. Он понял, что все время сам себя убеждал в этом. Это поразило лейтенанта и его водителя.

— Значит, вы думаете… — начал Лант.

— Они не говорят и не разводят огня, — решительно произнес Ахмед Кхадра.

— Ахмед, вам хорошо должно быть все известно. Правило какого бы то ни было теста о речи

и разведении огня не может распространяться на все.

— Это критерий, установленный законом, — поддержал Лант своего подчиненного.

— Это закон дилетантов, которые постановили, что поселенец на новой планете не может вступать в контакт с убивающими и берущими в рабство туземцами и утверждать, что те обладают разумом — ведь они могут только охотиться и убивать животных, — сказал Джек. — Все, кто имеет речь и разводит огонь, разумные существа, да. Это закон. Но это не значит, что те, кто не делает это, неразумны. Я не видел, чтобы Пушистики разводили огонь, но так как мне бы не хотелось, вернувшись домой, обнаружить пожарище, то я и не учу их этому. И я уверен, что у них есть какое-то средство общения между собой.

— Бен Рейнсфорд еще не видел их? — спросил Лант.

— Бен где-то бродит. Я вызвал его сразу, как только здесь появился Маленький Пушистик. Но он вернется только в пятницу.

— Да, все правильно, я об этом забыл. — Лант все еще с сомнением смотрел на Пушистиков. — Хотелось бы мне услышать, что он скажет о них.

Если Бен скажет, что они безопасны, Лант по-

верит ему. Бен — эксперт, а Лант уважал мнение экспертов. А до тех пор, пока он не уверится… Завтра первым делом он, вероятно, проведет медицинское исследование себя и Кхадры, чтобы быть уверенным, что они не подцепили кое-каких неприятных насекомых.

4

На следующее утро Пушистики довольно спокойно проводили манипулятор. Он не был каким-то ужасным чудовищем, он был тем, что папочка Джек взял с собой на прогулку. Утром он нашел только один средненький солнечный камень, а после обеда — два хороших. Вернувшись домой пораньше, он обнаружил все семейство в гостиной: Пушистики опорожнили корзину для бумаг и теперь снова загружали ее. Кажется, еще одна сухопутная креветка забралась в дом: ее разбитый панцирь лежал в корзине вместе с другим мусором. Накормив Пушистиков, он усадил их в аэроджип, и они совершили продолжительную прогулку в юго-западном направлении.

На следующий день он определил местонахождение жилы кремня на другой стороне ущелья и потратил большую часть утра, взрывая песчаник вокруг нее. Он решил, что в следующий раз, когда он будет в Мэллори-Порте, он приобретет себе хороший мощный экскаватор. Он взорвал русло ручья, пустив его в сторону от запруды, но не обнаружив выхода кремня, плюнул на все это до

завтра. Вернувшись назад, он увидел еще одну гарпию, кружащуюся над лагерем. Он догнал ее на манипуляторе и выстрелом из пистолета сбросил вниз. Гарпии, вероятно, нашли Пушистиков такими те вкусными, какими Пушистики находили сухопутных креветок. Когда он вошел в гостиную, все семейство сидело под пирамидой.

На следующий день он разбил жилу кремня и нашел три больших солнечных камня. Было действительно похоже, что здесь находилось Кладбище Мертвых Медуз. Он закончил работу около полудня, и когда перед ним открылась панорама лагеря, он увидел стоящий на лужайке аэроджип и невысокого мужчину с рыжей бородой в выцветшей куртке цвета хаки. Его окружали Пушистики, и он сидел на скамейке перед кухонной дверью. Камера и какое-то другое снаряжение лежало так, чтобы Пушистики не смогли достать его. Пушистик-малыш, конечно, сидел на его голове. Он взглянул вверх, пошевелился, а затем передал малыша матери и поднялся.

— Ну, что вы о них думаете, Бен? — спросил Джек, как только посадил свой манипулятор.

— Бог мой, не спрашивайте меня сейчас об мом! — ответил Бен Рейнсфорд и рассмеялся. —

По пути домой я завернул на полицейский пост. Я думаю, что Джордж Лант стал величайшим из лгунов в Галактике. Вернувшись домой, я прослушал запись вашего рассказа, и вот я здесь.

— Долго ждали?

Как только было отключено антигравитационное поле манипулятора, Пушистики бросили Рейнсфорда и столпились под ним. Джек спрыгнул вниз, в они последовали за ним, цепляясь за его брюки и счастливо уикая.

— Не так уж и долго, — Рейнсфорд посмотрел на часы. — О, боже, уже три с половиной часа. Ну, время пролетело так быстро. Вы знаете, у ваших ребят отличный слух. Они услышали вас задолго до того, как это сделал я.

— Вы видели, как они убивают сухопутных креветок?

— Ничего себе! Я истратил на это целую пленку, — он качнул головой. — Джек, это почти невероятно.

— Вы, конечно, останетесь и пообедаете у меня?

— Вы устали и гоните меня? Мне бы хотеть побольше услышать о них. Если хотите, мы можем снять о них фильм. Согласны?

— С удовольствием. Мы сделаем это после того,

как поедим. — Он сел на скамью, и Пушистики начали устраиваться около него. — Первым был Маленький Пушистик. Остальных он привел через два дня. Это Пушистик-Мама и Пушистик-Малыш. А это Майк и Майзи. Если бы вы проследили, как целенаправленно обезглавливает креветок вот этот, вы не стали бы спрашивать, почему я назвал его Ко-Ко.

— Джордж сказал, что вы называете их Пушистиками. Вы хотите, чтобы это стало официальным названием?

— Конечно. Кто же они такие, если не Пушистики?

— А подкласс позвольте назвать вашим именем, — сказал Рейнсфорд. — Семейство Пушистики, род Пушистик, вид Пушистик Хеллоуэя. ПУШИСТИК ПУШИСТЫЙ ХЕЛЛОУЭЯ. Ну и как?

Это должно быть прекрасно, подумал Джек. В конце концов, они больше не пытаются латинизировать внеземную биологию.

— Я полагаю, что сюда их привели необычайно размножившиеся сухопутные креветки.

— Да, конечно, Джордж говорил, что вы думаете, будто они пришли сюда с севера. Пожалуй, это единственное место, откуда они могли прийти. Это, вероятно, только авангард; вскоре Пушисти-

ки появятся повсеместно. Просто удивительно, как быстро они размножаются.

— Не очень быстро. В этой компании три самца и две самки и только один малыш, — он ссудил Майка и Майзи с колен. — Я пойду приготовлю обед. А вы пока можете осмотреть вещицы, которые они принесли с собой.

Джек поставил обед в духовку, взял виски с содовой и принес в гостиную, а Рейнсфорд все еще сидел за столом, разглядывая артефакты. Он взял стакан с виски, рассеянно сделал маленький глоток и поднял голову.

— Джек, эти вещицы изумительны, — сказал он.

— Даже больше. Они уникальны. Единственная коллекция оружия и орудий труда жителей Заратуштры.

Бен Рейнсфорд неожиданно резко взглянул вверх.

— Вы полагаете, будто я думаю, что они… — спросил он. — Да, именно так я и думаю, — он отпил немного виски, поставил стакан, поднял оружие, сделанное из полированного рога. — Если что-то — извините, тот, кто смог выполнить подобною рода работу, является для меня вполне подходящим туземцем. — Он немного поколе-

бался. — Да, Джек, вы говорили, что мы сможем отснять пленку. Могу я передать копию Юану Джимензу? Он шеф отдела науки Компании, который занимается изучением млекопитающих. Мы с ним обмениваемся информацией. В Компании есть еще один человек, который хотел бы это увидеть — Герд ван Рибик. Он ксенонатуралист, как и я, но он в основном интересуется эволюцией животных.

— Почему бы и нет? Пушистики — научное открытие. А открытия обязательно должны публиковаться.

Маленький Пушистик, Майк и Майзи вышли из кухни. Маленький Пушистик вспрыгнул на подлокотник кресла и включил видеоэкран. Покрутив настройку, он нашел картину горящих лесов, сжигаемых для осуществления плана Большой Черной Воды. Майк и Майзи восторженно закричали, словно пара ребят, смотрящих фильм ужасов. Они уже знали, что ничто из того, что происходит на экране, не может повредить им.

— Вы не будете возражать, если они прибудут сюда и посмотрят Пушистиков?

— Пушистикам это может понравиться. Они любят общество.

Вошедшие Мамочка, Малыш и К°-Ко, казалось,

одобрили то, что происходило на экране, и тоже уселись, чтобы посмотреть. Когда на кухонной плите зазвонил колокольчик, они все поднялись, а Ко-Ко вспрыгнул на стул и выключил экран. Бен Рейнсфорд на мгновение задумался.

— Вы знаете, у меня много женатых знакомых, которые тратят массу времени на то, чтобы научить своих восьмилетних детей выключать экран, когда они посмотрят передачу, — произнес он.

После обеда они потратили час на то, чтобы заснять на пленку всю историю о Пушистиках. Когда все было сделано, Бен Рейнсфорд добавил несколько комментариев и выключил звукозапись. Он взглянул на свои карманные часы.

— Двадцать ноль-ноль. Значит, в Мэллори-Порте сейчас семнадцать ноль-ноль, — сказал он. — Если я позвоню прямо сейчас, Джименза еще можно застать в научном центре. Он обычно задерживается.

— Вызывайте. Давайте покажем ему Пушистиков? — Джек отодвинул пистолет и патронташ, лежащие на столе, и посадил туда Маленького Пушистика, Пушистика-Маму и малыша, затем поставил стул в сектор обзора экрана связи и сел, взяв на колени Майка, Майзи и К°-Ко. Рейнсфорд

набрал кодовую комбинацию, затем поднял Малыша и посадил от себе на голову.

Экран вспыхнул и прояснился. С него смотрел молодой человек с честным, открытым лицом, ища взглядом того, кто хотел видеть его.

— Да ведь это Беннет, вот приятный сюрприз, — начал он. — Я не надеялся… — он осекся и испустил звук изумления. — Как называется то, что на столе перед вами? — спросил он. — Я никогда не видел ничего…

А ЧТО ЭТО У ВАС НА ГОЛОВЕ?

— Семейство Пушистиков, — сказал Рейнсфорд. — Самцы, самки и детеныш, — он снял малыша и передал его матери. — Разновидность ПУШИСТИК ПУШИСТЫЙ ХЕЛЛОУЭЯ с Заратуштры. Джентльмен слева от меня — Джек Хеллоуэй, специалист по добыче солнечных камней, первооткрыватель Пушистиков. Джек, это Юан Джименз.

Джек сцепил руки и потряс ими, приветствуя Джименза древнекитайским жестом, используемым для приветствия по каналу связи. Тот сделал то же самое, но проделал он весьма рассеянно. Он не мог отвести глаз от Пушистиков.

— Откуда они взялись? — спросил он. — Вы уверены, что они местные?

— Они еще не совсем доросли до космических кораблей, доктор Джименз. По моему мнению, это ранний палеолит.

Джименз подумал, что Джек шутит. Раздался смех, который, подобно лампочке, может быть включен и выключен. Но Рейнсфорд заверил его, что Пушистики действительно местные.

— То, что мы узнали о них, запечатлено на пленке, — сказал он. — Время демонстрации где-то около часа. Вы можете включить скорость в шестьдесят метров в минуту? — Джименз переключил свой магнитофон. — Прекрасно. Посидите, пока мы закончим перезапись. И еще, вы можете вызвать Герда ван Рибика? Я бы хотел, чтобы он тоже увидел то; это немного расшевелит его.

Когда Джименз приготовился, Рейнсфорд нажал кнопку воспроизведения. Около минуты магнитофон издавал высокий переливчатый писк. Пушистики выглядели испуганными. Затем все кончилось.

— Когда вы посмотрите запись, я думаю, вам с Гердом захочется прибыть сюда и посмотреть на этих маленьких человечков. Если сможете, захватите с собой какого-нибудь психолога, способного оценить процесс мышления Пушистиков. Джек

не ошибается насчет раннего палеолита. Но если они и не разумны, то отстают от разума всего лишь на какую-то долю миллиметра.

Джименз выглядел таким же испуганным, как и Пушистики.

— Вы, конечно, не думаете так? — Он перевел взгляд на Джека, затем снова на Рейнсфорда. — Хорошо, когда мы посмотрим ленту, я вызову вас. Вы западнее нас на три временных пояса? Значит, мы постараемся сделать это еще до вашей полуночи — по-нашему, в двадцать один ноль-ноль.

Вызов прозвучал на полчаса раньше. Вместо кабинета на экране была гнилая комната. На переднем плане стоял портативный видеомагнитофон и низкий столик с легкой закуской и выпивкой. Рядом с Джимензом стояли еще два человека. Первый в хорошем настроении, с бледным, истощенным лицом, был примерно одних лет с Джимензом. Другим была женщина с блестящими черными волосами а улыбкой Моны Лизы. Сонные Пушистики, которые не ушли спать, подкупленные Рационом-Три, сразу те после вызова проявили к этому интерес. Это было гораздо интереснее, чем экран обзора.

Джименз представил своих компаньонов: Герд ван Рибик и Рут Ортерис.

— Рут из подразделения доктора Мейлина, она сотрудничает в юношеском суде и школьном департаменте. Она будет работать с вашими Пушистиками как квалифицированный ксенопсихолог.

— Да, я работала с внеземными существами, — сказала женщина. — Я была на Локи, Торе и Шеше.

Джек кивнул.

— Вы были на некоторых из моих планет. Вы прибудете сюда?

— О, да, — сказал ван Рибик. — Мы прилетим завтра, но это не доставит вам никаких неприятностей. У меня есть достаточно вместительная лодка, чтобы дать нам всем троим укрытие на ночь. Так как нам найти ваш лагерь?

Джек рассказал ему это и сообщил координаты по карте. Ван Рибик записал их.

— Есть одна оговорка, хотя мне и не хочется говорить об этом снова. С этим маленькими людьми надо обращаться деликатно, не так, как с подопытными животными. Вы не будете вредить или надоедать им, не будете заставлять их делать то, чего они не хотят?

— Мы понимаем это. Мы ничего не будем делать с Пушистиками без вашего одобрения. Не

нужно ли вам чего-нибудь? Мы можем захватить это с собой.

— Да, нужно. Три ящика Рациона-Три и немного игрушек. Я расплачусь, когда вы прибудете сюда. Доктор Ортерис, вы просмотрели ленту или нет? Хорошо, подумайте, что бы вы хотели иметь, если бы вы были Пушистиком, и привезите это.

5

Виктор Грего медленно и задумчиво смял сигару.

— Да, Леонард, — терпеливо проговорил он, — это очень интересное и, несомненно, важное открытие, но я не пойму, чего вы боитесь. Вы боитесь, что Беннет Рейнсфорд загубит вас? Или вы подозреваете, что Беннет Рейнсфорд задумал дьявольский заговор против Компании и, значит, против человеческой цивилизации?

Леонард Келлог с выражением страдания посмотрел на него.

— Я говорю о том, Виктор, что оба они, и Рейнсфорд, и этот Хеллоуэй, кажется, убеждены, что эти существа, которых они называют Пушистиками, не совсем животные. Они полагают, что это разумные существа.

— Нет, это… — он резко оборвал себя, как только смысл высказывания Келлога дошел до него. — Боже мой, Леонард! Я искренне молю вас о прощении, я не порицаю все, что вы приняли это так близко к сердцу. Это может сделать Заратуштру обитаемой планетой четвертого класса.

— А у Компании права на владение необитаемой планетой четвертого класса, — добавил Келлог. — На владение *необитаемой* планетой. Если на Заратуштре будет открыта какая-нибудь раса разумных существ, все права Компании автоматически становятся недействительными.

— Вы знаете, что получится, если это окажется правдой?

— Ну, я полагаю, право на владение может быть пересмотрено, и даже теперь, когда Колониальная Служба узнает, что обнаружено на этой планете, они сделают все, если Компания расщедрится…

— Они не пересмотрят право на владение, Леонард. Правительство Федерации просто заявит, что у Компании было достаточно времени, чтобы окупить первоначальные капиталовложения, и я надеюсь, что разрешат нам, так великолепно проявившим себя, владея этой планетой, остаться здесь на общественных началах.

Обширные равнины на Континентах Бота и Дельта со стадами степняков, и каждый степняк, не имевший тавра Компании, все невыкаченные минеральные ресурсы и невозделанные пахотные земли — все летело к чертям. Космическая линия Земля — Бальдур — Мэрдок может ли-

шиться своего монопольною права голоса, и суды могут доставить ей множество неприятностей, и в любом случае Компания лишится права монополии на экспорт-импорт и пробкой вылетит отсюда. А незаконно поселившиеся здесь все разграбят и завалят все дело…

— Ну, почему мы не являемся мой богатейшей компанией «Юггдрейсил», сидящей на груде гуано на единственном континенте! — воскликнул он. — Пять лет назад они имели больше денег от навоза летучих мышей, чем мы получали со всей этой планеты!

Главный акционер и лучший друг Компании Ник Эммерт тоже может оказаться вне игры, а Генеральный Управляющий Колониями может прибыть сюда с регулярными войсками и прекратить все эти бюрократические проволочки. Затем выборы — и каждый Том, Дик и Гарри, недовольный действиями Компании, может попытаться преступить закон. И, конечно же, Комиссия по Делам Колоний со своим длинным носом…

— Но не могут же они отнять у нас все права! — настаивал Келлог. Кого он пытался обмануть, самого себя? — Это же несправедливо! — словно утверждал он. — Это же не наша вина! В голосе Виктора была бездна терпения.

— Леонард, попытайтесь понять, что Правительство Земной Федерации не может доказывать, вопя пронзительным сопрано, справедливо это или нет, или это вообще ошибка. С того времени, как Правительство Федерации обнаружило, что вместе с правом они дали Компании и привилегии, оно очень сожалеет об этом. Эта планета гораздо лучше, чем когда-либо была Земля, даже до Атомной Войны. Теперь же, когда у них появилась возможность вернуть ее назад, даже благоустроенную, вы думаете, они не сделают этот? Что остановит их? Если эти создания на Континенте Бета — разумные существа, наше право — не ценная бумага, написанная крупными буквами, а клочок туалетной бумажки, и это конец всему, — он на мгновение замолк. — Вы видели эту пленку, переданную Рейнсфордом Джимензи? Может ли он или Хеллоуэй с уверенностью утверждать, что эти существа действительно разумны?

— Ну, нет, не уверен. Хеллоуэй постоянно говорит о них как о людях, но ведь он всего лишь старый изыскатель. Рейнсфорд не утверждает ни того, ни другого, но он оставляет дверь широко открытой для любого решения.

— Если допустить, что в их докладе изложена

правда, могут эти Пушистики быть разумными?

— Если допустить, то да, — устало сказал Келлог. — Они могут быть разумными.

Так оно, вероятно, и было, если уж Леонард Келлог уверился в этом.

— В таком случае, ваши люди, которые отправятся на Континент Бета сегодня утром, увидят разум и будут развлекаться с ним как с научной проблемой, совершенно не принимая во внимание никакие юридические аспекты. Леонард, пока они не подадут какой-либо рапорт, пошлите следствию обвинение.

Келлогу, казалось, не понравилось это. Это значило, что надо было проявить власть и быть жестоким с людьми, а он очень этого не любил. Он неохотно кивнул.

— Да, мне кажется, надо это сделать. Виктор, разрешите мне немного подумать над этим. Два слова о Леонардо: если вы поручили ему что-то, от чего он не может увильнуть или передать это другому, он будет работать. Возможно, не с радостью, но добросовестно.

— Я возьму с собой Эрнста Мейлина, — наконец проговорил он. — Рейнсфорд не очень силен в некоторых разделах психологии. Он может обмануть Рут Ортерис, но не Эрнста Мейлина. — Нет,

после того, что я скажу первым. — Он задумался. — Мы заберем Пушистиков у Хеллоуэя. Когда мы опубликуем отчет об открытии, мы воздадим должное Рейнсфорду и Хеллоуэю — мы даже оставим название, которое они придумали для них — но мы ясно покажем, что, несмотря на то, что они выглядят очень симпатичными, Пушистики не являются расой разумных существ. Если Рейнсфорд будет продолжать делать подобные заявления, мы обвиним его в преднамеренном обмане.

— Что он может еще сообщить в своем отчете Институту Ксенобиологии?

Келлог покачал головой.

— Я думаю, он хочет обмануть наших людей, чтобы получить поддержку некоторых своих научных утверждений, подтвердить приписываемые ему и Хеллоуэю исследования. Вот почему я вылечу на Континент Бета как можно скорее.

Келлог убеждал себя, что как только он прибудет на континент Бета, его планы осуществятся. К тому же, вероятно, он убеждал себя и в том, что доклад Рейнсфорда был лишь чистой ложью.

— Что он и сделает, если его не остановить. А через год здесь будет целая армия исследователей с Земли. К тому времени хотелось бы полностью

дискредитировать и Рейнсфорда, и Хеллоуэя. Леонард, вы заберете этих Пушистиков-у Хеллоуэя, и я лично гарантирую, что к тому времени их уже не будет в распоряжении исследователей. Пушистики, — размышляя, сказал он. — Вероятно, они покрыты мехом?

— На ленте Хеллоуэя виден их мягкий и шелковистый мех.

— Хорошо. Подчеркните это в вашем докладе. Как только он будет опубликован, Компания предложит две тысячи солей за каждую шкурку Пушистика. Когда сюда прибудет кто-нибудь с Земли, кого приведет доклад Рейнсфорда, мы их всех уже переловим.

Келлог начал проявлять беспокойство.

— Но, Виктор, это же геноцид!

— Вздор! Геноцид — это истребление расы разумных существ. Эти же — покрытые мехом животные. Вот вы с Эрнстом Мейлином и докажите это.

Пушистики, играющие на лужайке перед лагерем, замерли в неподвижности. Их лица повернулись на запад. Затем они все побежали к скамейке возле кухонной двери и вскарабкались на нее.

— Что это? — заинтересовался Джек Хеллоуэй.

— Они услышали аэроджип, — ответил Рейнсфорд. — Так же они вели себя вчера, когда вы возвращались на своей машине, — он посмотрел на скатерть, которую они развернули под деревьями с перистыми листьями. — Все готово?

— Все, кроме ленча. Вот теперь я их вижу.

— Джек, ваши глаза лучше моих. О, и я их вижу. Надеюсь, ребята хорошо встретят их, — сказал он озабоченно.

С тех пор, как он прибыл сюда, он в первый раз так нервничал. Эти люди из Мэллори-Порта не были уж так важны сами по себе. У Бена в научных кругах было более громкое имя, чем у всего этого сброда, вместе взятого и работающего на Компанию. Он волновался за Пушистиков.

Выросший из едва заметного пятнышка аэробот по спирали спускался на землю. Когда он совершил посадку и отключил антигравитацию, они направились к нему, а Пушистики, спрыгнувшие со скамейки, побежали рядом с ними.

Из бота вылезли три человека. Первой была Рут Ортерис, одетая в свитер и брюки, заправленные в короткие сапоги. Герд ван Рибик, очевидно, представлял себе характер предстоящих работ: он надел прочные сапоги и старую выцветшую куртку цвета хаки, а в руках у него было надеж-

ное оружие. Это показывало, что он знает, на что можно нарваться в этом Пидмонте. Юан Джименз был в том же полу-спортивном костюме, в котором он появился на экране связи прошлым вечером. Все они держали в руках фотоаппаратуру. Пока они обменивались рукопожатиями и приветствиями, Пушистики расшумелись, требуя к себе внимания. В конце концов, все, и Пушистики, и люди сели к импровизированному столу, расставленному под деревьями.

Рут Ортерис села на траву возле Мамочки и Малыша. Малыш тотчас же заинтересовался серебряным амулетом с цепочкой, висевшим на ее шее и очаровательно позванивающим. Затем он попытался взобраться к ней на голову. Ей пришлось потратить некоторое время на то, чтобы осторожно, но твердо отбить у него охоту к этому. Юан Джименз сидел на корточках между Майком и Майзи и, попеременно осматривая их, что-то говорил по-латыни в микрофон миниатюрного диктофона, висевшего у него на груди. Герд ван Рибик опустился на складной стул и взял на колени Маленького Пушистика.

— Вы знаете, это поразительное семейство, — сказал он. — Не просто что-либо открыть на планете после двадцати пяти лет колониза-

ции, но обнаружить нечто уникальное, вроде Пушистиков… Смотрите, у них нет ни малейших признаков хвоста, а на планете нет других бесхвостых млекопитающих, которые хотя бы отдаленно были похожи на них. Возьмите себя; мы относимся к довольно большому виду, около пятидесяти видов приматов. Но эти маленькие парнишки вообще не имеют никаких родственников на планете.

— Уиик?

— А ему это безразлично или нет? — ван Рибик слегка похлопал Маленького Пушистика. — Теперь вы знаете самого маленького гуманоида, можете быть в этом уверены. Охо-хо, но что же дальше?

Ко-Ко, взобравшись на колоны Рейнсфорда, вдруг спрыгнул на землю, схватил свой инструмент, оставленный возле стула, и рванулся вперед. Все вскочили на ноги, гости достали камеры, Пушистики казались взволнованными. Что это, еще одна сухопутная креветка или что-то другое?

Ко-ко остановился перед креветкой, ткнул ее в нос инструментом, чтобы она остановилась, и принял драматическую позу. Взмахнув своим оружием, он опустил его на шею креветки. Затем

он почти печально посмотрел на нее и пару раз сильно ударил плашмя. Потом оттащил ее в сторону и начал есть.

— Теперь понятно, почему вы назвали его Ко-Ко, — сказала Рут, нацеливая свою камеру. — Остальные проделывают это по-другому?

— Ну, Маленький Пушистик, например, бежит рядом с креветкой, вертится вокруг нее и, выбрав удобный момент, наносит сильный удар. Майк и Майзи сначала переворачивают креветку, а потом, когда она уже лежит на спине, обезглавливают ее. Мамочка сначала сильно бьет ее по ногам. Но обезглавливание и взламывание панциря с нижней части — но делают все.

— Это основное, — сказала Рут. — Бессознательное. Техника же убийства вырабатывается либо самообучением, либо копированием. Когда Малыш начнет убивать своих собственных креветок, вероятнее всего, он сделает это так же, как это делает Мамочка.

— Эй, смотрите! — крикнул Джименз. — Он выбирает креветку для себя!

До конца ленча они говорили исключительно о Пушистиках. Сами же предметы дискуссии ели то, что им давали, и переуикивались мелку собой. Герд ван Рибик предположил, что они обсуждают

необычные особенности людей с Земли. Юан Джименз обеспокоенно, как бы желая выяснить, насколько серьезно он это говорит, посмотрел на него.

— Знаете, что произвело на меня самое большое впечатление? В отчете говорилось об инциденте с чертовым зверем, — сказала Рут Ортерис. — Любое животное, находящееся в контакте с человеком, в случае опасности пытается привлечь его внимание, но я никогда не слышала, чтобы хоть одно из них использовало образную пантомиму. Этого не делают ни земные шимпанзе, ни Кхолпхи Фрейна. Маленький Пушистик действительно символически изобразил его, абстрактно показав отличительные особенности, характерные для чертова зверя.

— Вы думаете, что жест вытянутой руки с согнутым указательным пальцем означал винтовку? — спросил Герд ван Рибик. — Он раньше видел, как вы стреляли?

— Не думаю, чтобы это могло быть чем-то другим. Он как бы говорил мне: «Снаружи большой и мерзкий чертов зверь; выстрелите в него и сделайте с ним то же, что и с гарпией». А если бы он не подбежал ко мне и не указал назад, этот чертов зверь мог бы убить меня.

Джименз нерешительно сказал:

— Я понимаю, что мои слова невежливы. Вы знаете Пушистиков. Но почему вы так сверх-антропоморфичны? Зачем наделять их собственными характерными особенностями и душевными качествами?

— Джименз, сейчас у меня еще нет ответа на этот вопрос. И я не думаю, что тут вообще можно что-то решить. Подождите немного, поживите подольше в обществе Пушистиков, а потом спросите это снова, только спросите не меня, а самого себя.

— Вот и вы, Эрнст, увидели эту проблему.

Леонард Келлог говорил так, словно укладывал слово на слово, как бы прижимая их пресс-папье и выжидая. Эрнст Мейлин сидел неподвижно, облокотившись на стол и подперев ладонями подбородок. Несколько морщин дугами обозначились вокруг его рта.

— Да. Я, конечно, не юрист, но…

— Это не юридический вопрос. Это дело психологов.

Пути отступления Эрнсту Мейлину были отрезаны. И он внял это.

— Прежде чем выразить свое мнение, я должен увидеть их. Лента Хеллоуэя с вами? — когда

Келлог кивнул, Мейлин продолжил: — Никто из них в открытую не утверждает разумность Пушистиков?

Келлог ответил ему так же, как и Виктору Грего, добавив только:

— Отчет почти полностью состоит из неподтвержденных утверждений Хеллоуэя и касается вещей, в которых он является единственным свидетелем.

— О, — Мейлин позволил себе сдержанно улыбнуться. — Он не дал более точного определения своим наблюдениям. Но для этого дела существует Рейнсфорд. Кроме своей основной специальности ксенонатуралиста, он в совершенстве владеет юриспруденцией и психологией. Он, правда, не особенно критически относится к заявлениям других людей. Что же касается его собственных наблюдений, то как мы узнаем, не включил ли он ошибочные выводы в свои образные утверждения?

— Как мы узнаем, что он не мистифицирует нас намеренно?

— Но, Леонард, это довольно серьезное намерение. — Это случалось и раньше. Например, тот парень, который высек в пещерах Кении символы Покойных Горных Марсиан. Или утверждение

Эллермана о скрещивании земных мышей с ворантилбрами Торы. Или человек Нижнего Пильта, вернувшийся в первый доатомный век?

Мейлин кивнул.

— Никто из нас не любит вспоминать о подобных вещах, но, как вы справедливо заметили, это было. Вы знаете, Рейнсфорд тоже принадлежит к типу людей, делающих нечто подобное. Настоящий индивидуалистический эгоист. Плохо приспосабливающийся тип личности. Поговаривают, что он хочет сделать какое-то сенсационное открытие, которое гарантировало бы ему положение в научном мире, на что, как он думает, он имеет право. Он находит одинокого пожилого изыскателя, к лагерю которого приблудились некие маленькие животные. Старик сделал их своими любимцами, обучил нескольким трюкам и в конце концов убедил себя, что они такие же люди, как и он. Это оказалось удобным случаем для Рейнсфорда: такой подарок судьбы, как открытие новой разумной расы, он примет с удовольствием. Это открытие приведет весь научный мир к его ногам, — он снова улыбнулся.

— Да, Леонард, это вполне возможно.

— Помните, какой грандиозный скандал разразился с гибридом Эллермана? Значит, наша

прямая обязанность остановить это до того, как в нашем деле разразиться научный скандал.

— Сначала мы должны посмотреть эти записи и поглядеть, что же мы имеем в своих руках. Затем мы должны создать совершенную, не подверженную ничьему влиянию лабораторию для изучения этих животных и показать Рейнсфорду и его сообщникам, что они не смогут безнаказанно всучить научному миру эти нелепые утверждения. Если мы не переубедим их, то нам ничего не останется, кроме публичного разоблачения.

— Я уже видел запись, но давайте просмотрим ее еще раз. Мы должны проанализировать те трюки, которым Хеллоуэй обучил этих животных, и посмотреть, как они их демонстрируют.

— Да, конечно. Не стоит это откладывать, — сказал Мейлин. — Нам надо решить, какое мы сделаем заявление и какие доказательства нам нужны для его подтверждении.

После обеда Пушистики, как обычно, играли на лужайке, но когда в глубокой ложбине начали сгущаться сумерки, они все вернулись в дом и занялись одной из своих новых забав, привезенных из Мэллори-Порта, — большим ящиком разноцветных шаров и коротких палочек из

прозрачного пластика. Они не знали, что это был набор для макетирования молекул, но они быстро поняли, что палочки могут входить в отверстия в шарах и что из этого можно собрать трехмерные конструкции.

Это было гораздо интереснее цветных камней. Они сделали несколько экспериментальных форм, затем разобрали их и начали создавать одну большую конструкцию. Несколько раз они целиком или частично разбирали ее и начинали снова и снова, сопровождая свои действия частым уиканьем и жестикулируя.

— У них есть художественный вкус, — сказал Герд ван Рибик. — Я видел много абстрактных скульптур, которые и вполовину не были так хороши, как сделанная ими композиции.

— К тому же у них хорошая техника, — сказал Джек. — Они имеют понятие о равновесии и центре силы тяжести. Собрав эту конструкцию, они не пере-тяжелили верхнюю ее часть.

— Джек, я все время думаю о том, что вы предложили мне спросить у самого себя, — сказал Джименз. — Знаете, я пришел сюда, полный подозрений. Не то, чтобы я сомневался в вашей честности, нет; просто я думал, что вы с вашей очевидной любовью к Пушистикам наделили их

большей разумностью, чем они обладают. Теперь я думаю, что вы преуменьшили ее. Они не совсем по-настоящему разумны, но я не видел ничего похожего.

— Почему не совсем? — спросил ван Рибик. — Рут, мы в этот вечер совершенно не слышим вас. О чем вы думаете?

Рут Ортерис встрепенулась.

— Герд, слишком рано высказывать подобные мнения. Я знаю, во время их совместной работы они действительно выглядели так, словно переговаривались между собой, но я просто не могу выделить речь из этого уик-уик-уик.

— Оставьте в покое формулу «язык-разжигание-огня», — сказал ван Рибик. — Раз они работают вместе над общим проектом, значит, они как-то общаются между собой.

— Это не общение, это сигнализация.

— А что вы скажете относительно Эллен Келлер? — спросил Рейнсфорд. — Значит, она начала говорить разумно только после того, как Анна Салливен обучила ее каким-то словам?

— Нет, конечно нет. Она училась только чувствовать образы, ограничивая ощущения, — Рут с укоризной посмотрела на Рейнсфорда; он пробил брешь в одном из ее фундаментальных постула-

тов. — Конечно, она унаследовала строение мозга разумных существ, — она сделала паузу, ожидая, что кто-нибудь спросит, откуда она знает, что у Пушистиков иное строение мозга.

— В продолжение спора я могу сказать, что без наличия разума не может быть изобретена речь, — сказал Джек.

Рут засмеялась.

— Вы заставили меня вспомнить колледж. В первый год обучения это был один из жгучих вопросов среди студентов-психологов, присутствующих на сессиях. Став второкурсниками, мы поняли, что это только спор о яйце и курице, и оставили его.

— А зря, — сказал Рейнсфорд. — Это хороший вопрос.

— Он был бы хорошим, если бы у него было решение.

— Может, вы и правы, — сказал Герд. — А возможно, ключ к разгадке находится в самом вопросе. Я говорю это к тому, что эти парнишки балансируют на самом краю разума, но еще не перевалили на эту сторону.

— Держу пари на все солнечные камни в моем мешочке, что они уже перевалили за этот край.

— Ну, может быть, они действительно в какой-

то степени разумны, — предположил Джименз.

Рут Ортерис воскликнула в ответ на это:

— Вы словно дискутируете о существе, недостаточно мертвом или недостаточно беременном! Здесь надо говорить либо да, либо нет.

Через некоторое время Герд ван Рибик сказал:

— Вопрос о разуме в моей области так же важен, как и в вашей, Рут. Разум — это результат эволюции, прошедшей через естественный отбор. Характерные особенности психики являются наиболее важным шагом в эволюции некоторых видов, включая и наш собственный.

— Подождите минутку, Герд, — сказал Рейнсфорд. — Рут, что вы на это скажете? Нет ли здесь хоть какого-то признака разума?

— Нет. Здесь есть признаки процесса мышления — или, если вы предпочитаете, смышлености — точно так же, как существуют признаки температуры. Когда психологи будут в состоянии обращаться с наукой, словно с лекарством, мы будем в состоянии отградуировать процесс мышления, как мы градуируем термометры. Но разум качественно отличается от не-разума. Это нечто большее, чем просто высокая степень мышления. Вы можете назвать это точкой кипения мышления.

— Черт побери, мне кажется, это неплохая аналогия, — сказал Рейнсфорд. — Но что получится, если эта точка кипения повысится?

— Это как раз то, что мы обнаружили, — ответил ему ван Рибик. — Это то, о чем я только что говорил. О том, как возникает разум, сегодня мы знаем не больше, чем в нулевом году или шестьсот пятьдесят четвертом доатомном.

— Подождите минутку, — прервал его Джек. — Раньше мы копали как-то глубже, а теперь согласились на определение разумности.

Ван Рибик засмеялся.

— Вы когда-нибудь пробовали добиться у биолога определения жизни? — спросил он. — Или определения цифры у математика?

— Вернемся назад, — Рут посмотрела на Пушистиков, которые рассматривали свою конструкцию из разноцветных шаров, как бы выискивая, куда они могли присоединить еще что-нибудь, не испортив узора. — Я говорю: уровень процесса мышления разума качественно отличается от неразумного процесса мышления тем, что он способен создавать символические идеи и способен передавать их, а также способен к обобщению и формированию абстрактного мышления. Вот, я ведь не говорила вам о речи и разжигании огня

или говорила?

— Маленький Пушистик символизирует и обобщает, — сказал Джек. — Изобразив три рога, он символизировал чертова зверя, показав длинную вещь, которая нацеливается и производит шум, он символизировал винтовку. Винтовка убивает животных. Гарпия и чертов зверь — оба они животные. Если винтовка убила гарпию, она убьет и чертова зверя.

Юан Джименз задумчиво нахмурился. Он посмотрел вверх и спросил:

— Какая низшая разумная раса нам известна?

— Юггдрейсильские Кускры, — сказал ван Рибик. — Кто-нибудь из вас был на Юггдрейсиле?

— Однажды на Мимире я видел человека, который назвал другого человека сыном кускры, — сказал Джек.

— Я провел среди них два года, — ответил Герд. — Они разводят огонь; я давал им для этого все необходимое. Изготовляя дротики, они обжигают концы палок. И они говорят. Я выучил их язык, все восемьдесят два слова. Некоторых из них я научил пользоваться мачете, и они не увечили себя, а одному умственному гиганту я даже доверил носить свое снаряжение, когда он был под моим наблюдением, но я никогда не

разрешал никому из них трогать мою винтовку или камеру.

— Могут ли они обобщать? — спросила Рут.

— Милая, они ничего не могут делать, кроме этого! Каждое слово на их языке — обобщение высшего порядка. ХРУСХА — живая вещь. ПУСХА — плохая вещь. ДЖЕЙСТХА — вещь, которую едят. Хотите, чтобы я продолжил? Осталось только семьдесят девять слов.

Прежде чем его остановили, от экрана связи прозвучал сигнал вызова. Не успел Джек включить его, как Пушистики сорвались с места и выстроились перед экраном. Вызвавший его человек был в сером мундире. У него были седые волнистые волосы, а его лицо выглядело так же, как будет выглядеть лицо Юана Джименза двадцать лет спустя.

— Добрый вечер. Хеллоуэй слушает.

— О, мистер Хеллоуэй, добрый вечер, — человек на экране потряс руками и расплылся в ослепительной улыбке. — Я Леонард Келлог, шеф научною отдела Компании. Я просмотрел ленту, сделанную вами о… о Пушистиках. — Он взглянул на пол. — Что это за животные?

— Это Пушистики. — Джек надеялся, что это прозвучало убедительно. — Разве вы их не

узнали? Сейчас у меня в гостях доктор Беннет Рейнсфорд, а также доктор Джименз, доктор ван Рибик и доктор Ортерис, — уголком глаза он видел ерзающего Джименза, словно тот сидел на муравьиной куче, ван Рибика, спрятавшегося под маской беспристрастности, и Бена Рейнсфорда, пытавшегося подавить усмешку. — Вы, вероятно, хотите задать нам кое-какие вопросы, но вам не видно всех нас. Поэтому подождите минутку, пока мы все не рассеемся.

Игнорируя вежливый протест Келлога и его заверения, что в этом нет необходимости, он поставил стулья перед экраном. Так как эффекта внезапности не получилось, он просто передал Пушистиков по кругу, дав Маленькою Пушистика Бену, Ко-Ко — Герду, Майзи — Рут, Майка — Джимензу, а Мамочку с Малышом взял себе на колени.

Малыш, как и ожидалось, немедленно взобрался к нему на голову. Это, казалось, привело Келлога в замешательство. Джеку пришла в голову мысль, что он мог бы научить Малыша показывать нос по какому-нибудь незаметному сигналу.

— Теперь относительно записанной мною ленты, — начал он.

— Да, мистер Хеллоуэй, — с каждой минутой улыбка Келлога становилась все более механической. Не отводя взгляда от Малыша, он чувствовал, что тревожится все больше и больше. — Должен признаться, я был в высшей степени поражен, узнав об этих созданиях.

— И решили посмотреть, какой я великий лгун. Я не виню вас, я сам еще полностью не могу поверить в это.

— О, нет, мистер Хеллоуэй, вы меня неправильно поняли. Мне и в голову не приходило ничего подобного.

— Не думаю, что это так, — сказал Рейнсфорд, не стараясь быть особенно вежливым. — Если вы помните я поручился за все, записанное мистером Хеллоуэем.

— Конечно, помню, Беннет; для этого не нужны поручители. Разрешите мне поздравить вас с замечательным научным открытием. Совершенно новый подкласс млекопитающих…

— Который может стать девятой внеземной разумной расой, — добавил Рейнсфорд.

— Вот те на, Беннет! — Келлог отбросил улыбку и сделал вид, будто он шокирован неожиданностью. — Вы шутите? — он снова посмотрел на Пушистиков, натянуто улыбнулся и фальшиво

рассмеялся.

— Мне казалось, вы просмотрели ленту, — сказал Рейнсфорд.

— Конечно, сообщение просто замечательно. Но утверждать, что они разумные… Только потому, что они обучены некоторым трюкам и используют палки и камни в качестве оружия… — Улыбка исчезла с его лица, он снова стал серьезен. — Такое можно утверждать только после тщательного исследования.

— Хорошо, я не буду утверждать, что они разумны, — ответила ему Рут Оргерис. — До… послезавтра. Но вполне возможно, что так оно и есть. Их способность обучаться и рассуждать находится примерно на уровне способности восьмилетних детей. Детей землян. К тому же они стоят выше некоторых рас, признанных разумными. Их не обучали никаким трюкам; они учатся, наблюдая и рассуждая.

— Доктор Келлог, уровень процесса мышления — не моя специальность, — продолжил Джименз, — но они имеют все физические характеристики, которыми обладает любая разумная раса — нижние их конечности специализированы для передвижения, а верхние — для манипулирования предметами, вертикальное положение тела,

стереоскопическое зрение, восприятие цветов, рука с отставленным большим пальцем — все эти характеристики мы рассматриваем как предпосылки к развитию разума.

— Я думаю, что они разумны, — сказал Герд ван Рибик, — но важно не это, а тот факт, что они стоят на пороге разума. Это первая раса, обнаруженная нами, стоящая на этом уровне развития. Я полагаю, что изучение Пушистиков поможет решить проблему возникновения разума у некоторых рас.

Слушая их, Келлог яростно тряс головой; теперь он был готов немедленно прекратить все это.

— Это изумительно! Научное открытие! Вы, конечно, понимаете, как бесценны эти Пушистики! Они немедленно должны быть доставлены в Мэллори-Порт, где в лабораторных условиях их могут изучить квалифицированные психологи и…

— Нет.

Джек снял Малыша со своей головы и передал его спрыгнувшей на пол Мамочке. Это был рефлекс, подсознательно он понимал, что не нуждается в оправдании своих поступков перед человеком на экране, удаленным от него на двадцать пять сотен миль.

— Забудьте о том, что вы говорили, — добавил

он.

Келлог проигнорировал его слова.

— Герд, у вас есть аэробот; организуйте какие-нибудь удобные клетки…

— КЕЛЛОГ!

Человек на экране осекся на полуслове и с негодованием посмотрел на него. Уже много лет к нему никто не обращался просто по фамилии, и, вероятно, первый раз в жизни кто-то посмел крикнуть на него.

— Вы слышите меня, Келлог? Тогда прекратите говорить о клетках. Это не просто животные.

— Но, мистер Хеллоуэй! Разве вы не понимаете, что эти маленькие существа должны быть тщательно изучены? Вы хотите, чтобы они заняли свое законное место в иерархии природы?

— Если вы хотите их изучить, приезжайте сюда. Можете заниматься этим до тех пор, пока не надоедите им или мне. Поскольку Пушистики любопытны, их уже изучают. Доктор Рейнсфорд, а также трое ваших людей, да и сам я тоже изучаю их.

— А что касается квалифицированных психологов, — добавила Рут Ортерис голосом, холодным, как абсолютный нуль по шкале Кельвина, — вы не можете признать меня квалифицированным

профессионалом?

— О, Рут, вы же знаете, что я не имел в виду ничего подобного. Пожалуйста, не поймите меня неправильно… Но это в высшей степени специализированная работа…

— Да. А сколько специалистов по Пушистикам работает в вашем Научном Центре, Леонард? — поинтересовался Рейнсфорд. — Единственный, кого я могу назвать, это Джек Хеллоуэй, а он находится здесь.

— Ну, я подумал о докторе Мейлине, шефе психологов Компании.

— Он тоже может прибыть и оставаться здесь столько, сколько захочет, но прежде чем что-то сделать с Пушистиками, он должен будет спросить моего разрешения, — сказал Джек. — Когда вас ждать?

Немного подумав, Келлог решил прибыть на другой день, но не спросил, как добраться до лагеря. Он попытался вернуться к разговору о разуме, но бросил это, потерпев поражение. Когда экран погас, в гостиной воцарилось напряженное молчание. Затем Джименз с упреком сказал:

— Джек, вы были не очень-то вежливы с доктором Келлогом. Может, вы и не понимаете этого, но он очень важный и влиятельный человек.

— Но не для меня, поэтому мне незачем быть с ним особенно вежливым. Это не такой человек. Если вы уступаете ему, он всегда извлекает из этого выгоду.

— Я не знал, что вы знакомы с Деном, — сказал ван Рибик.

— Я никогда не видел этого человека раньше. Просто он относится к очень обширному и распространенному типу людей, — он повернулся к Рейнсфорду: — Вы думаете, что они с Мейлином завтра действительно приедут сюда?

— Конечно. Вы знаете, либо нам придется остерегаться, либо в течение года с Земли придет сообщение об открытии на Заратуштре новой разумной расы «ПУШИСТИК ПУШИСТЫЙ КЕЛЛОГА». Как сказал Юан, доктор Келлог очень влиятельный человек. Теперь он станет еще значительнее.

6

Голос, записанный на ленте, смолк; еще некоторое время проигрыватель жужжал, не издавая ни звука. Двойной щелчок сработавшего фотоэлемента громко прозвучал в тишине, открылся один сегмент противосолнечной защиты и закрылся другой, на противоположной стороне купола. Космический командор Алекс Напьер поднял глаза и посмотрел на расстилавшийся перед ним, видимый под острым углом пейзаж Ксеркса и на мрачное безвоздушное пространство за тревожным закрытым горизонтом. Затем он взял трубку и выколотил ее в пепельницу. Никто ничего не говорил. Он подумал и снова начал набивать свою трубку.

— Ну, джентльмены? — наконец произнес он.

— Панчо? — капитан Конрад Грибьенфельд, Начальник Штаба, повернулся к лейтенанту Убарре, шефу психологов.

— Можно ли верить этому материалу? — спросил Убарра.

— Я знал Джека Хеллоуэя еще тридцать лет назад, на Фенрисе. Сейчас ему должно быть около

семидесяти лет. Если он говорит, что видел это, я ему верю. Беннет Рейнсфорд тоже абсолютно надежен.

— Что вы скажете об агенте? — настаивал Убарра.

Конрад и офицер Разведки Стефан Элборг обменялись взглядами. Капитан кивнул, и Элборг сказал:

— Один из лучших. Наш воспитанник, лейтенант. Военный Резерв. Можно спокойно доверять ему, Панчо.

— Это радует меня, — сказал Убарра. — Вы зяте, это именно то, на что я всегда подсознательно надеялся, но и боялся, как бы этого не произошло.

— Вы имеете оправдания нашего вмешательства там, внизу? — спросил Грибьенфельд.

Убарра несколько мгновений смотрел на него отсутствующим взглядом.

— Нет. Нет, я имею в виду случай начинающего свое развитие разума. В данном случае нашего священного правила о речи и разжигании огня не совсем достаточно. Стефан, как это привлекло наше внимание?

— В ночь на последнюю пятницу это было передано нам из Центра Контактов Мэллори-Порта. В ходу было несколько копий, снятых

с этой ленты. Наш агент достал одну из них и переправил в Центр Контактов, а оттуда, с комментариями агента, она попала к нам, — ответил Элборг. — Как положено, Центр Контактов установил надзор за Домом Компании и, чтобы играть наверняка, за резиденцией. Хотя там, кажется, нет основания для того, чтобы трубить сбор и вооружить людей. Но в субботу после полудня — по времени Мэллори-Порта — мы получили донесение, что Леонард Келлог уничтожил копию ленты, которую Джименз сделал для картотеки, и побеспокоил Виктора Грего. Грего сразу понял, что тот имеет в виду. Он отправил Келлога и Эрнста Мейлина, шефа психологов Компании, на Континент Бета с приказом объявить заявление Рейнсфорда и Хеллоуэя мистификацией. Затем Компания решила отлавливать Пушистиков для добычи меха, надеясь на то, что прежде чем кто-либо с Земли успеет прибыть сюда и проверить рассказ Рейнсфорда, весь род Пушистиков будет уничтожен.

— Я раньше не слышал этих подробностей.

— Мы можем это доказать, — заверил Элборг.

Командор не спеша раскурил трубку. Черт побери, он не хочет вмешиваться, но также не хочет отказываться от несения Военно-Космической

службы. К тому же его беспокоило оправдание вмешательства в дела планеты-колония — при этом всегда начинается следствие и частенько заканчивается трибуналом. А суперсессия гражданской власти выступает против Службы Порядка. Конечно, существуют и другие, более важные принципы: суверенитет Федерации Земли, неприкосновенность Конституции Федерации, а также права внеземных разумных существ. Конрад Грибьенфельд тоже, казалось, задумался об этом.

— Если Пушистики разумные существа, то Компания, Администрация Колоний да и все остальные окажутся здесь незаконными, — сказал он. — Но пока что Заратуштра — необитаемая планета четвертого класса, и это все, что нам нужно запомнить.

— Если нас не вынудят, мы не будем вмешиваться. Панчо, я думаю, решение будет зависеть от вас.

Панчо Убарра ужаснулся.

— Боже мой, Алекс! Не хотите ли вы сказать… Кто я? Никто. Ординарный доктор медицины и шеф психологов. Почему лучшие мозги Федерации…

— Панчо, они на Земле, а не на Заратуштре.

В пятистах световых годах отсюда. Шесть месяцев полета туда и шесть обратно. Интервенция, конечно, мое дело, но решение о разумности — ваше. Я не завидую вам, но не могу освободить вас от этого.

К предложению Герда ван Рибика, что все гости будут ночевать на борту аэроджипа, никто не отнесся серьезно. Герд разместился в свободной комнате хижины, Юан Джименз вместе в Беном Рейнсфордом отправился ночевать в его лагерь. Рут Ортерис залезла в кабину бота. На следующее утро, пока Джек, Рут и Герд завтракали, на экране связи появился Рейнсфорд. Он и Джименз решили взять аэроджип и пройти вдоль Холодного Залива. Они думали, что в лесах может оказаться много Пушистиков.

Герд и Рут решили провести утро в лагере и познакомиться с Пушистиками поближе. Плотно позавтракавшее семейство не стало разыскивать сухопутных креветок, а занялось одной из своих новых забав, большим разноцветным мячом. Некоторое время они катали его по траве, но потом решили поберечь его для вечерней возни и отнесли в дом. Время от времени, скорее ради спортивного интереса, чем для добывания пищи, кто-нибудь из них отходил посмотреть, нет ли

где поблизости сухопутной креветки.

Рут, Герд и Джек сидели на траве, лениво беседовали, и каждый старался придумать отговорку, чтобы не идти мыть посуду. Мамочка и Малыш рыскали в высокой траве. Вдруг Мамочка пронзительно вскрикнула и бросилась к сараю. Она пропустила Малыша вперед и, подгоняя, шлепала его по нижней части плоской стороной своего инструмента.

Джек бросился к дому за ружьем. Герд схватил камеру и вспрыгнул на стол. Первой, кто заметил причину беспокойства Мамочки, была Рут.

— Джек! Смотрите, вон там! — она указала на край поляны. Два чужих Пушистика!

Джек выглянул из дома, отложил винтовку, взял свою кинокамеру, два запасных инструмента для Пушистиков и немного Рациона-Три. Когда он появился снова, два вышедших на опушку Пушистика стояли друг возле друга и осматривались. Оба они были самками, и оба держали в руках деревянные инструменты.

— У вас много пленки? — спросил Джек у Герда. — Рут, сюда, снимайте тоже. — Он передал ей свою камеру. — Держитесь подальше от меня и снимайте, как я подойду, что они будут делать. Я попробую сторговаться с ними.

Он пошел вперед, держа стальное оружие в заднем кармане, а Рацион-Три в руке. Он мягко говорил, успокаивая вновь прибывших. Подойдя настолько, чтобы не вспугнуть их, он остановился.

— Позади вас вышла наша группа, — прокомментировал Герд. — Выстроились в правильную линию нападения. Оружие вскинуто на левое плечо. Теперь они остановились примерно в тридцати футах позади вас.

Джек отломил кусочек Рациона-Три, положил его в рот и проглотил. Затем он отломил два больших куска и протянул им. Хоть это было и соблазнительно, но оба Пушистика не выказали поспешности. Он бросил оба куска на несколько футов по направлению к ним. Один из Пушистиков ринулся вперед, подхватил один кусок и бросил его компаньону, затем схватил другой и побежал с ним назад. Они встали рядом, откусили по маленькому кусочку и издали звук восхищения.

Его собственное семейство, казалось, не одобрило этого расточительства деликатеса на посторонних. Однако два чужака решили, что они могут, не опасаясь, подойти ближе, и вскоре они уже брали куски Рациона-Три из его рук. Затем

Джек достал два инструмента из своего кармана и ухитрился показать им, что он хочет торговаться. Чужие Пушистики одновременно и восхищенно, и недоверчиво смотрели на новое оружие. Для его собственного семейства это оказалось уже слишком, и оно приблизилось, сердито уикая.

Чужие самки отступили на несколько шагов, держа наготове свое новое оружие. Каждому казалось, что драки не избежать, но никто не хотел ее. Наблюдая за ними, Джек вспомнил историю Старой Земли, когда подобная ситуация могла быть чревата серьезными неприятностями. Затем вперед выдвинулся Ко-Ко, волоча за собой свой инструмент, настроенный явно миролюбиво. Он, мягко уикая, приблизился к самкам и дотронулся сначала до одной, а потом до другой. Потом он положил свое оружие на землю и поставил на него ногу. Обе самки начали гладить и ласкать его.

Кризис миновал. Пушистики воткнули свое оружие в землю, подошли ближе и стали гладить чужаков. Затем все они уселись в круг и, издавая легкое уиканье, стали ритмично раскачиваться. В конце концов Ко-Ко и обе самки поднялись, взяли свое оружие и направились к лесу.

— Джек, останови их! — крикнула Рут. — Они уходят!

— Если они хотят уйти, я не имею права их останавливать.

Когда они подошли к лесу, Ко-Ко остановился, воткнул оружие в землю и, вернувшись к папочке Джеку, обхватил руками его колени и уикнул. Джек, не поднимая его, погладил. Одна из самок выдернула его инструмент, и обе они медленно пошли назад. Маленький Пушистик, Мамочка, Майк и Майзи тоже побежали назад. Пушистики, счастливо уикая, стали обнимать друг друга. Затем они всей толпой вошли в дом.

— Все сняли, Герд? — спросил Джек.

— Да. Все-таки это привычное для меня дело. А что случилось?

— Вы сделали первый фильм о встрече между племенами и засняли некоторые из обычаев Пушистиков Заратуштры. Это дом наших Пушистиков, и, естественно, они не хотели пускать в него каких-то чужаков. Они вынуждали их убраться восвояси. Затем Ко-Ко решил, что у них неплохая внешность и с ними можно объединиться. Это сразу изменило положение. Семейство уселось вместе с ними в круг, чтобы попрощаться с Ко-Ко и рассказать подружкам, какого хорошего мужа они приобрели. Когда они уходили, Ко-Ко вспомнил, что не попрощался со мной, и вернулся.

Самочки подумали, что они не будут в тягость для этой семьи, тем более, что папочка Джек сделал для них столько хорошего. А в настоящее время семейство, вероятно, демонстрирует вновь прибывшим сокровища их семьи. Знаете, они поженятся и создадут хорошую, крепкую семью.

Самочек назвали Златовлаской и Золушкой. Пока готовили ленч, они все сидели в гостиной перед включенным обзорным экраном. После ленча семейство отправилось в спальню, чтобы вздремнуть на кровати папочки Джека. Пока Герд и Рут вместе записывали то, что они сделали за день, Джек проявлял кинопленку. Когда они уже заканчивали, Пушистики решили порезвиться и поохотиться на креветок.

Пушистики услышали аэрокар прежде, чем его смогли услышать люди, и взобрались на скамейку возле кухонной двери. Это был патрульный полицейский кар. Когда он совершил посадку, из него выбрались двое полицейских и сказали, что они остановились, чтобы посмотреть на Пушистиков. Когда Джек объяснил им, откуда у него появились новые Пушистики, они переглянулись.

— Если появятся еще, вызовите нас и задержите их до нашего прихода, — сказал один из

полицейских. — У нас развелось множество креветок, и мы хотели бы, чтобы они поселились у нас на посту.

— А как к этому отнесется Джордж? — спросил Джек. — Когда он был здесь, они, кажется, напугали его.

— Он уже оправился от этого страха, — ответил полицейский. — Он связался с Рейнсфордом, и Бен подтвердил, что они совершенно безопасны. Да, еще Бен говорил, что они разумны.

Джек начал рассказывать полицейским о том, что делали Пушистики. Он еще говорил, когда Пушистики услышали другой аэрокар. Это были Бен Рейнсфорд и Юан Джименз. Едва было отключено антигравитационное поле, как они вывалились из кабины и вытащили камеру.

— Джек, там полно Пушистиков, — еще издали начал Рейнсфорд. — Все они идут в этом направлении. Мы видели их более пятидесяти — четыре семьи, а также одиночки и пары. Я уверен, что мы видели только десятую часть того, что там есть.

— Утром мы слетаем туда на каре, — сказал один из полицейских. — Бен, скажите поточнее, где вы были.

— Я покажу вам это на карте, — затем он заметил Златовласку и Золушку. — Эй! Откуда у вас

эти девушки? Раньше их здесь не было.

От полянки за ручьем, через который вместо мостика было переброшено бревно, в лагерь вела тропинка. Подлетевшему большому аэрокару Джек велел совершить посадку на этой полянке. На носовой палубе бота стояли два человека — Келлог и, вероятно, Эрнст Мейлин. Третий человек отключил антигравитацию и вышел из кабины, расположенной на корме бота. Мейлин не понравился Джеку. У него было угрюмое, скрытное лиц, он высокомерно-предубежденно смотрел на все сверху вниз. Третьим был молодой человек. Его лицо ничего не выражало, но пиджак у его левой руки недвусмысленно топорщился. Представляя его, Мейлин сказал:

— Курт Борч, мой ассистент.

Подойдя к лагерю, он снова представил его, не только Бону Рейнсфорду, но также ван Рибику, Джимензу и даже Рут Ортерис, которая казалась немного сбитой с толку. Мейлин заметил это и сказал ей, что Борч работал с персоналом, разрабатывающим тесты особого рода. Это озадачило ее еще больше. Никто из вновь прибывших не казался особенно счастливым от присутствия полицейских, поэтому, когда патрульный кар поднялся в воздух, все с облегчением вздохнули.

Келлог сразу же заинтересовался Пушистиками, присел на корточки и начал рассматривать их. Он что-то сказал Мейлину, который поджал губы, покачал головой и ответил:

— Мы не сможем назвать их разумными до тех пор, пока не обнаружим в их поведении то, что не может быть объяснено никакими другими гипотезами. Вероятно, было бы более безопасно не называть их разумными, а продолжить проверку этого предположения.

Лейтмотив был установлен. Келлог выпрямился и в вежливых выражениях типа «конечно, доктор, я согласен, вы не обнаружили этого, но с другой стороны, вы должны согласиться...» начал выяснять разницу между научным исследованием и научным доказательством. Джименз частично согласился с высказываниями Келлога и вежливо отклонил все, сказанное Мейлином. Борч молчал; он стоял и с нескрываемой враждой смотрел на Пушистиков. Герд и Рут пошли помогать готовить обед.

Они вынесли из дома стол и расположились на лужайке, с интересом наблюдая за Пушистиками. Келлог и Мейлин избегали разговоров о них. Когда опустились сумерки в гостиной, и Келлог, приняв вид председательствующего должност-

ного лица, начал дискуссию ка интересующую всех тому. Некоторое время, не давая никому вставить ни слова, он распространялся о том, каким важным открытием являются Пушистики. Последние, игнорируя его, начали разбирать конструкцию из шаров и палочек. Златовласка и Золушка с интересом наблюдали за ними, а затем начали помогать.

— Плохо то, — говорил Келлог, — что большинство наших данных основывается на непроверенных утверждениях мистера Хеллоуэя. Только не поймите меня неправильно. Сам я ни на мгновение не сомневаюсь в том, что мистер Хеллоуэй записал на ленту, но вы должны понять, что профессиональные ученые очень неохотно принимают недоказанное, так что нам надо подумать, как поточнее определить наблюдения.

— Вздор, Леонард! — нетерпеливо прервал его Рейнсфорд. — Я профессиональный ученый и с гораздо большим, чем у вас, стажем, и я допускаю то, что утверждает Джек Хеллоуэй. Люди, которые, подобно Джеку, долго живут на пограничных планетах, очень осторожные и внимательные наблюдатели.

— Пожалуйста, не поймите меня неправильно, — снова повторил Келлог. — Я не сомневаюсь

в утверждениях мистера Хеллоуэя. Я думаю о том, как эго воспримут на Земле.

— Не беспокойтесь об этом, Леонард. Я поручился за надежность Джека, и Институт принял мой рапорт. К тому же я могу рассказать даже больше, чем Джек, рассказать о своих личных наблюдениях.

— Да, существует еще кое-что, кроме устных утверждений, — вмешался Герд ван Рибик. — Все это снято на пленку. У нас есть неплохой фильм о Пушистиках.

— О, да, вы упоминали о фильме, — сказал Мейлин. — Вы проявили пленку?

— Да, кроме того, что было снято в лесу после полудня. То, что проявлено, мы можем посмотреть прямо сейчас.

Он опустил экран перед оружейной пирамидой и закрыл проектор. Когда свет погас, Пушистики, начавшие новую конструкцию из шаров и палочек, раздраженно зауикали, но затем, когда на экране появился Маленький Пушистик, копающий ямку резцом по дереву, чтобы совершить свой вечерний туалет, начали возбужденно уикать и размахивать руками. Особенно этим заинтересовался Маленький Пушистик: если он и не узнал себя, то он узнал свой резец. Затем на

ленте появился момент, когда Маленький Пушистик убивает сухопутную креветку, свинчивает с болта гайку и навинчивает ее снова. Потом шли кадры о приходе семейства и играх Пушистиков. И, наконец, были кадры о приеме в семейство Златовласки и Золушки.

— Боюсь, что тот фильм, который мы с Юаном сняли под пологом леса, не настолько хорош, как этот, — сказал Рейнсфорд, когда закончилась демонстрация и снова зажегся свет. — Мы главным образом снимали спины Пушистиков, скрывающихся в кустах. Хотя и это было сделать очень трудно. Мы летели на аэроджипе, а у них необычайно острый слух. Но я уверен, что мы в их руках легко разглядим инструменты, подобные тем, которые Джек выторговал у новых Пушистиков в последнем сюжете фильма.

Мейлин и Келлог, с подобием ужаса на лицах, переглянулись.

— Вы не творили нам, что их там много вокруг, — сказал Мейлин, словно обвинял присутствующих в двуличии. Он повернулся к Келлогу. — Это меняет ситуацию.

— Да, действительно, Эрнст, — с удовольствием произнес Келлог. — Это очень удобный случай. Мистер Хеллоуэй, я понимаю, что эта местность

принадлежит вам, так как вы законно купили эту землю. Правильно? Вы можете разрешить нам разбить лагерь на опушке, где сейчас стоит наш бот? Неплохо было бы поставить сборный домик в районе Краснот Холма, где Компания создала бы для нас группу, и мы бы перестали вам надоедать. Сегодня мы устроимся в боте, а завтра утром вернемся в Мэллори-Порт. У вас есть какие-нибудь возражения?

У Джека были возражения. От их бурной деятельности у него заболела голова, особенно затылок. Но если он не разрешит Келлогу разбить лагерь на опушке, эта троица, перебравшись на семьдесят или восемьдесят миль в сторону, уйдет с его земли. Он знал, что они сделают потом. Они поймают живых или усыпленных газом Пушистиков, посадят в клетки и начнут мучить их своими экспериментами с лабиринтами и электрошоком. Они убьют нескольких из них для анатомического исследования, а может даже начнут кромсать живьем. Если же они станут делать нечто подобное на его земле, он может защитить Пушистиков.

— Нет. Я только хочу напомнить вам, чтобы вы с уважением обращались с этим маленьким народцем.

— О, мы ничего не сделаем вашим Пушистикам, — сказал Мейлин.

— Вы не причините боли ни одному Пушистику. Во всяком случае, не больше одного раза.

На следующее утро, когда Джек завтракал со своими гостями, в лагерь в сопровождении Курта Борча, надевшего старую одежду и перевесившего свой пистолет на пояс, вошел Келлог. Он держал в руке список вещей, которые хотел затребовать для своего лагеря. Казалось, они не имели ни малейшего представления об устройстве лагеря. Джек внес некоторые предложения, которые они приняли. Он просмотрел список. В нем было много научного оборудования, включая рентгеновскую установку. Джек резким движением вычеркнул ее.

— Мы не знаем, каков уровень радиационной толерантности у Пушистиков, и я не позволю подвергать опасности жизнь хотя бы одного из моих Пушистиков.

К его удивлению, никто не возразил ему. Герд, Рут и Келлог сели в аэроджип и полетели на север. Вслед за ними улетели Рейнсфорд, Джименз и Мейлин. Немного покрутившись в лагере, Борч сел в аэробот и направился к Красному Холму. Оставшись один, Джек побродил по лагерю, затем

вернулся в дом и, проявив оставшуюся пленку, сделал три копии со всего отснятого материала. К полудню Борч вернулся назад, за ним следовала пара мрачных сельскохозяйственных ботов. К пяти часам люди Компании воздвигли новый лагерь у Красного Холма. Среди других вещей они доставили сюда два больших аэроджипа.

После полудня вернулись два первых улетевших джипа. Их пассажиры заметили почти сотню Пушистиков и обнаружили три стоянки, две среди камней и одну в дупле шарообразного дерева. Две из них были брошены, а третья была еще занята, и около каждой из них были вырыты туалетные ямки.

Келлог настоял, чтобы за обедом в новом лагере роль хозяев исполнили Джек и Рейнсфорд. Еда, доставленная уже готовой и только разогретая, была превосходной.

Когда Джек и Рейнсфорд вернулись в свой лагерь, Пушистики уже покончили с ужином и сидели в гостиной, начав строить новую конструкцию из... — он так и не мог придумать для этого другого названия — шаров и палочек модели молекул. Златовласка подошла к нему, одной рукой протянула ему пару скрепленных шаров, а другой дернула его за брючину.

— Да, я вижу. Это очень красиво, — сказал он ей.

Она дернула его еще сильнее и показала на то, что делали другие. В конце концов он понял.

— Она хочет, чтобы я поработал с ними, — сказал он. — Бен, вы знаете, где кофе. Вскипятите воду и заварите его, а я займусь с ними.

Когда Бен принес кофе, Джек сидел на полу и соединял палочками шары. Это было самое забавное из того, что Бен видел за последние два дня. Бен улыбнулся и раскрошил Рацион-Три для Пушистиков.

— Да, кажется, из-за всего этого я должен махнуть рукой на свой лагерь, — сказал Рейнсфорд, наливая кофе. — Жаль, что я не разбил его рядом с вашим, но все оправдания сейчас звучат лишь так: «Но я не знал, что так получится».

— Черт, я тоже не знал, что все так получится. — Джек поднялся, взял чашечку с кофе, подул на него, чтобы кофе немного остыл. — Кстати, что вы думаете о визите Келлога? Все, что он говорил, прилетев сюда, так же фальшиво, как банкнот в девять солей.

— Это как раз то, о чем я говорил вчера вечером, — отозвался Рейнсфорд. — Он не хочет, чтобы открытия на Заратуштре делали люди,

не принадлежащие к Компании. Вы заметили, что они с Мейлином пытались отговорить меня от отправки рапорта на Землю прежде, чем они смогут провести исследования Пушистиков? Он хочет первым отправить свой рапорт. Ладно, черт с ними со всеми! Знаете, что я сделал? Вчера дома я не спал всю ночь и составил подробный рапорт. Завтра утром я отдам его Джорджу Ланту, чтобы тот переслал ею в Мэллори-Порт вместе с корреспонденцией полиции. Прежде чем кто-либо из этой банды узнает, что я отправил рапорт, он будет уже на корабле, отлетающем на Землю. У вас есть копии вашего фильма?

— Около полутора миль пленки. Я снял копии со всего материала.

— Хорошо. Копию мы отправим тоже. Через год Келлог прочитает об этом в газетах. — Бен на мгновение задумался, а потом сказал: — Герд, Рут и Юан теперь переберутся в другой лагерь. А я, если позволите, завтра переберусь сюда. Пока это шайка поблизости, советую вам не отпускать Пушистиков далеко. Я помогу вам проследить за ними.

— Бен, вы хотите забросить все свои дела?

— Все, что я сейчас делаю, это учусь быть Пушистиком, а здесь единственное место, где я могу

этим заниматься. Я увижу вас завтра, после того как побываю на полицейском посту.

Люди в лагере за ручьем — Келлог, Мейлин, Борч, ван Рибик, Джименз и Рут Ортерис — еще не ложились, когда Рейнсфорд подошел к своему аэроджипу. Проследив за его отлетом, Джек вернулся в дом. Поиграв немного со своей веселой семейкой, он подошел к постели и лег спать. На следующее утро Джек проследил, как в одном аэроджипе улетели Келлог, Рут и Джименз, а вскоре после этого в другом аэроджипе покинули лагерь Мейлин и ван Рибик. Казалось, Келлог не хотел оставлять без присмотра тех людей, которые прибыли сюда первыми. Он хотел действовать наверняка.

Через некоторое время с юга прилетел аэроджип Бена Рейнсфорда и опустился на траву. Джек помог ему разобрать багаж, а затем они уселись выкурить трубки и понаблюдать за играющими в траве Пушистиками. Джек случайно обратил внимание на Курта Борча, бесцельно бродившего вокруг своего лагеря.

— Я отправил рапорт, — сказал Рейнсфорд и выжидающе посмотрел на Джека. — Сейчас он уже должен быть в почтовом боте, а завтра в это время он уже будет мчаться через гиперпростран-

ство по направлению к Земле. Но для остальных — это секрет. Посмотрим, как Лен Келлог и Эрнст Мейлин в поте лица будут уговаривать нас не отсылать рапорты, — он хихикнул. — Я сообщил, что они разумны; еще раз просмотрев все записи, я не увидел никакой альтернативы этому.

— Черт меня побери, если я ее вижу. Вы слышали это, ребята? — спросил он Майка и Майзи, которые в надежде получить что-нибудь интересное подошли поближе. — Дядюшка Бен говорит, что вы разумные.

— Уиык?

— Они хотят знать, хорошо это или плохо. Что же нам сейчас делать?

— Ничего. Около тогда придется потерпеть. Через шесть месяцев корабль достигнет Земли, Институт сделает официальное заявление в печати, а затем отправит сюда исследовательскую группу, в которую войдут люди из других заинтересованных университетов и институтов. Я думаю, Правительство тоже отправит кого-нибудь. Вы же знаете, что все нецивилизованные туземцы колонизированных миров опекаются Федерацией Земли.

Джеку не очень-то это понравилось. Меньше всего он хотел иметь дело с чиновниками Прави-

тельства, а его Пушистики опекались папочкой Джеком Хеллоуэем. И он сказал это вслух.

Рейнсфорд подхватил Майзи и погладил ее.

— Хороший мех, — сказал он. — За подобный мех дадут хорошую цену. Все так и будет, если мы не добьемся, чтобы их признали разумными существами.

Он посмотрел на вновь воздвигнутый лагерь. Ввел ли Леонард Келлог, какую выгоду может извлечь Компания из меха Пушистиков?

В полдень вернулись аэроджипы: сначала Мейлина, потом Келлога. Все прошли в дом. Через час перед лагерем Келлога совершил посадку полицейский кар, доставивший Джорджа Ланта и Ахмеда Кхадру. Келлог вышел наружу, поговорил с ними, а затем повел их в жилую хижину. Спустя полчаса лейтенант и его помощник подняли свой кар и, перелетев через ручей, совершили посадку на лужайке. Пушистики в надежде получить обещанные свистки, побежали встречать их и повели в гостиную. Лант и Кхадра сняли береты, но не торопились расстегивать портупеи.

— Мы отправили вашу посылку, Бен, — сказал Лант. Он сел и посадил себе на колени Златовласку. Золушка устроилась рядом. — Джек, что надо здесь людям, обосновавшимся за ручьем?

— Вы еще не поняли этого?

— О, их помыслы можно увидеть за милю против ветра. А на первом месте стоит Борч. Хотелось бы мне посмотреть на его пальчики. Держу пари, они хранятся не в нашей картотеке. Все они, как машинка в уборной, хотят что-то скрыть и в то же время боятся делать это. Когда мы были там, говорил один Келлог. Каждый, кто пытался что-нибудь сказать, сразу те замолкал под его взглядом. Келлог не любит ни вас, Джек, ни вас, Бен, а самое главное, он не любит Пушистиков. Большинство из них не любят Пушистиков.

— Сегодня утром я уже высказал вам свою точку зрения, — сказал Рейнсфорд. — Они не хотят, чтобы открытия на этой планете делались без участия Компании. Это отнюдь не делает им чести. Вспомните, что стало с людьми, которые нашли первый солнечный камень.

Джордж Лант помрачнел, задумался и нахмурился.

— Я не думаю, что дело только в этом. Когда мы говорили с этими людьми, они довольно свободно признали, что вся честь открытия Пушистиков принадлежит только вам. Но Келлог не считает, что это очень ценное открытие. Он много спрашивал о вас, Джек. И к тому же задал

несколько вопросов, словно проверяя мои умственные способности. — Лант нахмурился еще больше. — Как бы мне хотелось спросить его кое о чем — под детектором лжи!

Келлог не хочет, чтобы Пушистиков признали разумными. Если их не признают… то они будут просто пушными зверями. Джек представил себе откормленное общество вдов высокопоставленных лиц Земли и Бальдура, которые прогуливаются, обернув вокруг своей жирной туши шкурки Маленького Пушистика и Мамочки, Майка и Майзи, Ко-Ко, Златовласки и Золушки. К его горлу подступила тошнота.

7

Во вторник алое солнце вскарабкалось на тяжелое медное небо. Воцарились жара и безветрие. Пушистикам, разбудившим папочку Джека своим пересвистыванием, это не понравилось, они были раздражены и беспокойны. В конце концов, может быть, просто пойдет дождь. За завтраком Бен сказал, что слетает в свой лагерь и привезет некоторые вещи, которые он не захватил сразу, а сейчас они ему нужны.

— Я прихвачу охотничье ружье, — сказал он. — Может быть, удастся подстрелить зебролопу. Я думаю, немного свежего мяса нам не повредит.

Позавтракав, Рейнсфорд забрался в свой аэроджип и улетел. Мейлин и Келлог важно прогуливались перед своим лагерем и разговаривали. Когда появились Рут Ортерис и Герд ван Рибик, они остановились и прервали разговор. Затем, перебросившись с ними несколькими словами, Герд и Рут поднялись по тропинке.

Пушистики, бродившие по траве в поисках креветок, заметили их. Маленький Пушистик, Ко-Ко и Златовласка побежали навстречу. Рут подхва-

тила Златовласку на руки, а Ко-Ко и Маленький Пушистик побежали впереди. Пришедшие поздоровались с Джеком, допивающим кофе. Рут вместе с Златовлаской села в кресло, Маленький Пушистик вспрыгнул на стол и стал выискивать сладости, а когда Герд растянулся на траве, Ко-Ко уселся на ею груди.

— Златовласка — мой любимый Пушистик, — сказала Рут. — Она приятнейшее существо. Конечно, все они довольно милы. Здесь они так нежны и доверчивы, однако в лесу они очень пугливы.

— Да, в лесу у них нет папочки Джека, присматривающего за ними, — сказал Герд. — Я думаю, они очень нежны друг с другом, но у них там много врагов, которых они боятся. Вы знаете, в этом есть какие-то предпосылки для разума. Он развивается у некоторых небольших животных, сравнительно беззащитных, живущих в окружении больших и опасных врагов, которых они не могут обогнать или победить. Поэтому, чтобы выжить, они должны мыслить. Так было с нашими отдаленными предками и с Маленькими Пушистиками, которые решили свою альтернативу — стать разумными или исчезнуть.

Рут, казалось, встревожилась.

— Герд, доктор Мейлин не нашел абсолютно ничего, что бы указывало на их разум.

— О, Мейлин, будь он проклят! Я думаю, он намеренно пытается доказать, что Пушистики неразумны.

Рут испуганно посмотрела на него.

— С тех пор как он появился здесь, это так и лезет из него. Вы психолог, поэтому не говорите мне, что не видите этого. Вероятно, если Пушистиков признают разумными, это опровергнет какую-нибудь его теорию, а он думает только о себе. Ему не хочется этого признавать, ему это не нравится. Вы видите, что с самого начала он интеллектуально и морально стал бороться против этой идеи. Но ведь они целый год могут сидеть с карандашом и линейками, высчитывать дифференциальные уравнения и ничего их не убедит.

— Доктор Мейлин пытается... — раздраженно начала Рут, но затем остановилась. — Джек, простите нас. Мы не хотели затевать здесь этот спор. Мы пришли, чтобы наблюдать за Пушистиками. Что ты нашла, Златовласка?

Златовласка играла серебристым брелком, висевшим на шее Рут. Она поднесла его к уху и наслаждалась, встряхивая его. Он издавал мелодичный звон. В конце концов она подняла его

вверх и спросила:

— Уиик?

— Да, подружка, можешь взять его. — Рут сняла цепочку с шеи и, сделав на ней три петли, надела ее на голову Златовласки. — Теперь это твоя собственность.

— О, вы не должны давать ей подобные вещи.

— А почему нет? Это дешевая побрякушка. Хлам. Джек, вы были на Локи и знаете, что это такое. Я носила ее только потому, что она у меня была, а Златовласке она нравится больше, чем мне.

В соседнем лагере поднялся аэроджип и завис возле них. Ею пилотировал Юан Джименз. Мейлин высунул голову из окна и предложил Рут лететь с ними, предупредив Герда, что Келлог вылетит через несколько минут и возьмет его с собой. Когда Рут забралась в джип и тот улетел, Герд сдвинул Ко-Ко, устроившегося у него на груди, и достал из кармана рубашки сигареты.

— Не знаю, какой дьявол вселился в нее, — сказал он, наблюдая за удаляющимся джипом. — Хотя, вероятно, она получила Указание Свыше. Келлог говорит, что Пушистики просто маленькие неразумные животные, — горько заключил он.

— Вы тоже работаете на Келлога, или нет?

— Да. Но все-таки он не навязывает мне своего мнения. Знаете, я подумал, что согласился на эту работу в недобрый час… — он поднялся, подтянул ремень, чтобы сбалансировать вес пистолета, висевшего справа и бинокля — слева, и внезапно сменил тему: — Джек, Бен Рейнсфорд уже отправил свой рапорт на Пушистиков?

— Ну?

— Если нет, то поторопите его.

Продолжать разговор не было времени. Из лагеря за ручьем поднялся джип Келлога и приблизился к ним.

Джек решил оставить посуду и после ленча вымыть сразу всю. По лагерю Келлога бродил Курт Борч, поэтому Джек постоянно следил за Пушистиками и возвращал их, если они приближались к переходному мостику. Прошло время ленча, а Бен Рейнсфорд все еще не вернулся, хотя охота на зебролопу, тем более с воздуха, занимает немного времени. Пока он ел, с северо-востока на бешеной скорости вернулся один из джипов и исторгнул Эрнста Мейлина, Юана Джименза и Рут Ортерис. Им навстречу торопливо вышел Борч. Перебросившись несколькими словами, они все прошли в дом. Немного погодя появился

другой джип, летевший даже быстрее первого. Он совершил посадку. Келлог и ван Рибик тоже поспешили в жилую хижину. Больше никого не было видно. Джек пошел в кухню мыть тарелки, а Пушистики — в спальню подремать.

Джек уже вернулся в гостиную, когда в открытую дверь постучал ван Риск.

— Джек, можно с вами поговорить? — спросил он.

— Конечно. Входите.

Ван Рибик вошел и расстегнул ремень. Подвинув стул так, чтобы видеть входную дверь, он сел и положил кобуру с пистолетом на пол у своих ног. Затем, без всякого перехода, он на четырех или пяти языках начал проклинать Леонарда Келлога.

— Ладно, в принципе я с ним согласен, но что же все-таки случилось? — спросил Джек.

— Вы знаете, что собирается сделать этот сын кугхра? — вопросом на вопрос ответил Герд. — Он и этот… — тут он воспользовался языком двойного мира Шиниона, более гнусным, чем Смешанный Язык Земли. — Этот тупоголовый шарлатан Мейлин готовит рапорт, обвиняющий вас и Бена Рейнсфорда в умышленной научной мистификации. Вы якобы сговорились с

Рейнсфордом, обучили Пушистиков некоторым трюкам и сами изготовили артефакты, чтобы Пушистики были признаны разумными существами. Джек, если бы это проклятое богом дело не было так зловонно и презренно, оно могло бы стать величайшей шуткой века!

— Они хотят, чтобы вы тоже подписали этот рапорт?

— Да. Я сказал Келлогу, что он может… — то, что может сделать Келлог, было ужасным и физически невозможным. Герд снова начал ругаться, а затем закурил сигарету и немного успокоился. — А произошло вот что. Келлог и я прошли вверх по ручью, туда, где вы работали, а затем свернули на равнину, к источнику. Так вот, среди упавшего строевого леса мы обнаружили лагерь Пушистиков. Возле него мы нашли маленькую могилку, в которой Пушистики похоронили одного из своих соплеменников.

Джек ожидал чет-то подобного. И все же это сообщение поразило его.

— Вы хотите сказать, что они хоронят мертвецов? Как выглядит могилка?

— Небольшая каменная пирамида, имеющая в основании три стороны, примерно по полтора фута каждая, и около фута высотой. Келлог ска-

зал, что это просто туалетная яма, но я был уверен в том, что это такое на самом деле. Я вскрыл ее. Завернутого в траву Пушистика они сначала присыпали землей, потом завалили камнями, а сверху сложили пирамиду. Это была искалеченная кем-то самка, возможно, ее искалечил кустарниковый домовой. Вот, возьмите, Джек. Они положили туда ее инструмент.

— Они хоронят мертвых! Что делал Келлог, когда вы вскрывали могилу?

— Трясся поблизости. Я сделал снимки могилки и, как осел, распространялся о том, как важно это открытие и как оно доказывает их разумность. А он вызвал второй джип и приказал им немедленно возвращаться. Как только Келлог рассказал им о том, что мы обнаружили, Мейлин вскинул свай белый рыбий живот и поинтересовался, что мы сделали для сокрытия этого. Я ответил ему, и Келлог выставил меня. Они не рискнут признать Пушистиков разумными.

— Потому что Компания хочет торговать мехом Пушистиков?

Ван Рибик с удивлением посмотрел на Джека.

— Мне это и в голову не приходило. Да и им, по-моему, тоже. Нет. Просто, если Пушистиков признают разумными существами, права Компа-

нии автоматически станут недействительными.

Джек выругался.

— Ах я дряхлый, выживший из ума старикашка! Боже мой, я же знаю колониальные законы, я побывал на большем количестве пограничных планет, чем вам лет. И я даже не подумал об этом, а это, видимо, и есть настоящая причина. Что же теперь, Герд? Вы с Компанией или против?

— Против. В банке у меня достаточно денег, чтобы вернуться на Землю, да еще я кое-что могу получить за свой бот и некоторые другие вещи. Ксенобиологу можно не бояться безработицы. Например, можно пойти по стопам Бена. А когда я вернусь на Землю, я все выложу об этой сделке!

— Если вернетесь. Прежде чем вы поднимете на борт корабля, с вами может произойти какой-нибудь несчастный случай. — Джек на мгновение задумался. — Вы знаете геологию?

— Немного; я исследовал ископаемые. Я также немного палеонтолог и зоолог. Что дальше?

— Что вы скажете на предложение остаться здесь и вместе со мной искать останки медуз? Мы не можем действовать быстрее, но пока я работаю в одном месте, вы сможете разведать другое. Кстати, вдвоем мы сможем дольше оставаться в живых.

— Что вы имеете в виду, Джек?

— Разве я этого не сказал?

Ван Рибик поднялся и протянул руку. Джек обошел вокруг стола и пожал ее. Затем он вернулся назад и надел свою портупею.

— Возьмите оружие. Вероятно, ружье есть только у Борча, но…

Ван Рибик застегнул ремень, затем достал пистолет и проверил, как патроны входят в патронник.

— Что будем делать? — спросил он.

— Ну, попробуем не переступать рамки закона. А сейчас я вызову полицейских.

Он набрал код на устройстве связи. Экран засветился, и на нем появился вид полицейского поста. Сержант узнал Джека и улыбнулся.

— Ха, Джек. Как ваше семейство? — спросил он. — Я загляну к вам как-нибудь вечерком посмотреть на них.

— Вы можете увидеть их прямо сейчас. — Ко-Ко, Златовласка и Золушка вышли из спальни. Джек поднял их и поставил на стол. Сержант был очарован. Затем он заметил, что ни Герд, ни Джек не сняли оружия даже дома. Глаза его сузились.

— У вас возникли проблемы, Джек? — спросил он.

— Есть небольшая проблемка. Однако она может превратиться в большую. У меня здесь гости, которые злоупотребляют моим гостеприимством. Я бы хотел их выставить. Если сюда прибудет пара человек в голубых мундирах, это поможет мне сохранить несколько патронов.

— Я понял вас. Джордж предупреждал, что вы можете пожалеть о приглашении этой шайки в свой лагерь, — сказал он. — Вы поняли меня, Три? У Джека Хеллоуэя небольшая неприятность — незаконное поселение. Да, ну и что? Он предоставил им эту возможность, а теперь передумал. Они дали ему для этого повод. Да, уверен. Джек Хеллоуэй довольно миролюбив. Хорошо. Идите и поторопите его гостей. Это относится к Кару Три. Говорит Кальдерон. — Он отвернулся от микрофона. — Джек, проследите за гостями около часа.

— Благодарю, Фил. Залетайте как-нибудь вечерком, когда появится возможность отложить оружие.

Джек выключил экран и набрал новый код, вызвав людей Компании на Красном Холме.

— О, привет, Джек. Доктор Келлог удобно устроился?

— Я хочу, чтобы вы запихнули всю вашу банду в шаланду и вывезли ее с моего заднего двора.

— Но он хотел бы остаться здесь еще на пару недель.

— Я изменил свои намерения. После захода солнца его уже не должно быть на моей земле.

Человек Компании встревожился.

— Джек, у вас неприятности с доктором Келлогом? — спросил он. — Он большой человек в Компании.

— Он говорил мне об этом. Однако вы все-таки заберите их отсюда.

Он выключил экран.

— Знаете, — сказал он, — было бы порядочным предупредить Келлога. Как его вызвать?

Герд подошел и набрал один из сложных специальных кодов Компании. На экране появился Курт Борч.

— Я хочу поговорить с Келлогом.

— Доктор Келлог в настоящее время очень занят.

— Проклятье! Передайте ему, что сегодня день вашего переселения. Вся ваша шайка должна покинуть мою территорию до восемнадцати ноль-ноль.

Борч отодвинулся в сторону, и появился Келлог.

— Что за вздор? — раздраженно спросил он.

— Вам приказано переехать. Хотите знать, почему? Герд ван Рибик расскажет вам это; мне кажется, он забыл вам кое-что сообщить.

— Вы не можете выгнать нас. Вы дали разрешение…

— Разрешение аннулировано. Я связался с Майком Хенненом на Красном Холме; он выслал шаланду за вашими пожитками. Лейтенант Лант тоже выслал пару полицейских. Надеюсь, когда они прибудут, вы уже погрузите свои личные вещи в аэробот.

Пока Келлог пытался объяснить, что его неправильно поняли, Джек отключил экран связи.

— Кажется, все. По крайней мере, до захода солнца, — добавил он. — А сейчас рискнем нарушить правила и вспрыснуть наше новое партнерство. Затем мы выйдем наружу и понаблюдаем за неприятелем.

Когда они вышли и сели на скамейку возле кухонной двери, враги уже начали действовать. Келлог, вероятно, для проверки, связался с Майком Хенненом и полицейским постом, и теперь у нет уже многое было собрано и упаковано. Наконец появился Курт Борч, неся антигравитационный подъемник, и стал сваливать в кучу ящики багажа, а Джименз ходил рядом, уравнове-

шивая груз. Затем Джименз забрался в аэробот, а Борч, переправив груз к нему, вернулся в хижину. Это повторилось несколько раз. Тем временем Келлог и Мейлин обменивались взаимными упреками. Из дома, неся портфель, вышла Рут Ортерис и села на край стала под навесом.

Никто из них не наблюдал за Пушистиками. Джек вдруг заметил одного, который спускался по тропинке к мостику через ручей. По отблеску серебра на его шее он узнал Златовласку.

— Посмотрите на этого глупого ребенка, — сказал он. — Подождите, Герд, я принесу ее назад.

Он спустился к ручью. Когда он подошел к мостику, Златовласка скрылась за одним из аэрокаров, оставленных перед лагерем Келлога. Едва он приблизился к нему, как послышался звук, которого он не слышал никогда прежде — тонкий пронзительный визг, словно кто-то подтачивал зубья пилы. Почти сразу же после этого закричала Рут:

— Нет! Леонард, прекратите!

Обежав джип, Джек сразу же понял, кто это кричал. Златовласка лежала на земле, ее мех покраснел от крови. Над ней стоял Келлог. Его белые башмаки были окровавлены. Прежде, чем Джек успел подбежать к нему, он ударил ногой

по маленькому, истекающему кровью тельцу, и в то же мгновение что-то хрустнуло под кулаком Джека, ударившего Келлога в лицо. Келлог пошатнулся и попытался прикрыться руками. Он издал сдавленный стон, и в это мгновение мозг Джека пронзила идиотская мысль, что тот пытается сказать: «Пожалуйста, не поймите меня неправильно». Захватив левой рукой рубашку Келлога, он снова ударил его кулаком, затем еще раз и еще. Он не мог осознать, сколько времени он избивал Келлога, когда услышал голос Рут:

— Джек! Оглянитесь! Сзади!

Отбросив Келлога, он прыгнул в сторону, одновременно поворачиваясь и доставая свое оружие. В двадцати футах, наставив на него пистолет, стоял Курт Борч.

Едва вытащив пистолет из кобуры, Джек сделал первый выстрел, затем второй. На рубашке Борча расползлось красное пятно, что дало возможность прицелиться для третьего выстрела. Но Борч был уже не в состоянии стрелять. Он выронил пистолет, медленно опустился на колени и упал на живот, ткнувшись лицом в кучу сложенных вещей.

Подоспевший ван Рибик сказал:

— Джименз, поднимите руки. И вы, Келлог,

тоже.

Упавший Келлог попытался встать. Из его носа хлестала кровь, и он пытался остановить ее, прижав рукав куртки к носу. Встав, он повернулся и ткнулся в Рут Ортерис, которая раздраженно и оттолкнула его от себя. Затем она подошла к маленькому раздавленному тельцу и опустилась на колени. На шее Златовласки едва слышно звякнул серебряный колокольчик. Рут заплакала.

Вылезший из аэробота Юан Джименз в ужасе смотрел на труп Курта Борча.

— Вы убили от! — обвиняюще заорал он. Затем, что-то пробормотав себе под нос, он вдруг побежал к дому.

Герд ван Рибик выстрелил, и пуля впилась в землю у его ног.

— Стойте на месте, Юан, — сказал Герд, — или лучше помогите доктору Келлогу; он, кажется, немного пострадал.

— Вызовите полицейских, — сказал Мейлин. — Рут, идите вы; они не станут стрелять в вас.

— Не беспокойтесь. Я уже вызвал их.

Джименз вытащил из кармана кусок тряпки, оказавшийся носовым платком, и попытался остановить кровь, текущую из носа его начальника. Келлог пробовал объяснить Мейлину, что

он ничего не мог поделать.

— Этот звереныш напал на меня… Он пытался поранить меня своим дротиком…

Рут посмотрела на него снизу вверх. Все Пушистики столпились вокруг Златовласки; они, вероятно, прибежали сразу же, как только услышали крик.

— Она подошла к нему и подергала его за брюки, привлекая внимание, — сказала Рут. — Она хотела, чтобы он полюбовался ее украшением, — голос Рут прервался. Прошло некоторое время, прежде чем она смогла продолжать. — А он ударил ее ногой и затоптал до смерти.

— Помолчите, Рут, — приказал Мейлин. — Существо атаковало Леонарда; оно могло серьезно ранить его.

— Так это и было! — все еще держа кусок тряпки у коса, Келлог приподнял брючину и показал шрам на ноге. Так можно было поцарапаться о шиповник. — Посмотрите сами.

— Да, вижу, ну и что? Я видела, как вы ударили ее ногой и прыгнули на нее. А все, что она хотела, это показать зам свою новую игрушку.

Джек начал раскаиваться, что сразу же не пристрелил Келлога. Пушистики попытались поставить Златовласку на ноги. Поняв, что это

бесполезно, они снова опустили труп и согнулись над ним, издавая мягкое жалобное уиканье.

— Ладно, но когда сюда прибудут полицейские, вы молчите, — сказал Мейлин. — Я сам им все расскажу.

— Запугиваете свидетелей, Мейлин? — сказал Герд. — Вспомните, что на полицейском посту есть детектор лжи, — он заметил, что Пушистики подняли головы и смотрели на юго-восток. — А вот и полиция.

Однако это был аэроджип Бена Рейнсфорда, с одной стороны которого была привязана туша зебролопы. Он сделал круг над лагерем Келлога и быстро совершил посадку. Едва джип коснулся земли, как Рейнсфорд, держа пистолет наготове, выпрыгнул из него.

— Что случилось, Джек? — спросил он, затем внимательно посмотрел на Златовласку, Келлога, Борча и пистолет возле его тела. — Я предвидел это. Кто-нибудь из них должен был поднять на вас оружие; они называют это самоубийством.

— Примерно так оно и есть. Кстати, у вас в джипе есть кинокамера? Снимите Борча и Златовласку. А затем приготовьтесь, и если Пушистики начнут что-нибудь делать, снимайте их. Думаю, вы не разочаруетесь.

Рейнсфорд недоуменно пожал плечами и пошел к джипу за камерой. Мейлин сказал, что как человек, имеющий патент доктора медицины, он обязан осмотреть Кейлога. Герд ван Рибик проводил его в дом за медицинским инструментарием для оказания первой помощи. Когда они снова появились в дверях, сначала Мейлин, а за ним Герд с автоматическим пистолетом в руках, возле аэроджипа Рейнсфорда спустился полицейский кар. Но это был не Кар Три. Из него выпрыгнул лейтенант Лант с расстегнутой кобурой. Ахмед Кхщра говорил с кем-то по радио.

— Что случилось, Джек? Почему не дождались нас?

— Этот маньяк напал на меня и убил человека! — крикливо начал Келлог, указывая на труп Борча.

— Вас тоже зовут Джек? — спросил Лант.

— Меня зовут Леонард Келлог. Я шеф отдела Компании…

— Тогда помолчите, пока вас не спросят. Ахмед, вызови пост, пусть пришлют Кнаббера и Юримитси со следственным оборудованием, и узнай, что задержало Кар Три.

Мейлин открыл аптечку первой помощи. Герд на виду у полицейских убрал пистолет в кобуру.

Келлог, еще державший сырую тряпку у носа, продолжал вопить:

— Он убил человека, заберите его! Почему вы его не арестовываете?

— Джек, уберите их куда-нибудь, чтобы ни мы их, ни они нас не слышали, — сказал Лант. Он взглянул на Златовласку. — Что здесь произошло?

— Смотри, лейтенант! У него пистолет! — предостерегающе крикнул Мейлин.

Они отошли и сели на антигравитационный генератор одного из арендованных джипов. Джек начал рассказ с визита Герда ван Рибика.

— Да, я и сам подумывал об этом, — с отвращением сказал Лант. — Но я не думал, что они взорвутся так быстро. Дьявол! Ладно, продолжай.

Он дослушал рассказ Джека и спросил:

— Вы ударили Келлога, когда он топтал Пушистика. А вы пытались ею остановить?

— Нет. Вы правы. Если хотите, можете наказать меня за это.

— Да, хочу, и я накажу всю эту банду. А этот малый, Борч, уже держал оружие в руках, когда вы повернулись? Больше ничего не говорите, Джек. Это была просто самооборона. Как вы думаете, кто-нибудь из этой банды будет говорить правду

без детектора лжи?

— Думаю, Рут Ортерис.

— Пришлите ее сюда, если вам не трудно.

Рут сидела с Пушистиками, а возле нее с камерой наготове стоял Рейнсфорд. Пушистики раскачивались и заунывно уикали. Рут кивнула, поднялась и пошла туда, где ее ожидал Лант.

— Что здесь случилось, Джек? — спросил Рейнсфорд. — И на чьей он стороне? — он кивнул в сторону ван Рибика, стоявшего позади Келлога и Мейлина и державшего руку на кобуре.

— На нашей. Он оставил Компанию.

Он снова начал рассказывать случившееся, но не успел он кончить, как в зоне видимости появился Кар Три. Свободное пространство перед лагерем Келлога переполнилось. Джек надеялся, что рабочая группа Майка Хеннена на время останется в стороне. Лант, закончив с Рут, поговорил с Джимензом, Мейлином и Келлогом. Затем он и один из прилетевших на Каре Три направились туда, где стояли Джек и Рейнсфорд. Заметив это, к ним присоединился Герд ван Рибик.

— Джек, — начал Лант, — Келлог обвиняет вас в убийстве. Я говорил, что это была простая самооборона, но он и слушать не хочет. Так что по закону я вынужден вас арестовать.

— Прекрасно, — Джек расстегнул ремень с кобурой и передал его Ланту. — Теперь, Джордж, я выдвигаю обвинение против Леонарда Келлога. Я обвиняю его в незаконном и неоправданном убийстве разумного существа, исконной уроженки планеты Заратуштра, известной под именем Златовласка.

Он взглянул на маленькое раздавленное тельце и шестерых Пушистиков, которые оплакивают его.

— Но, Джек, они же не признаны разумными существами.

— Разумное существо не то, которое признали разумным, а то, чей процесс мышления стоит на уровне разума.

— Пушистики разумные существа, — сказал Рейнсфорд. — Это мнение квалифицированного ксенобиолога.

— Двух ксенобиологов, — добавил Герд ван Рибик. — Это тело разумного существа. А это, человек, который убил его. Вперед, лейтенант, делайте свое дело!

— Эй! Подождите минутку!

Пушистики поднялись, просунули свои инструменты под тельце Златовласки и подняли его на стальных древках. Как только Золушка

подняла орудие своей сестры и пошла вперед, Бен Рейнсфорд нацелил свою камеру на эту траурную процессию. Пушистики несли тельце к дальнему углу опушки, подальше от лагеря. Рейнсфорд опустил камеру и торопливо пошел за ними, боясь пропустить что-нибудь интересное.

Они опустили тело. Майк, Майзи и Золушка начали копать, остальные разошлись собирать камни. Сзади подошел Джордж Лант. Он снял берет и держал его в руках. Когда маленькое, завернутое в траву тельце было опущено в могилку, он скорбно склонил голову.

Едва последний камень был уложен на вершину пирамиды и церемония похорон закончилась, Джордж надел берет, вытащил пистолет и проверил патронник.

— Ну, что ж, Джек, — сказал он. — Теперь я могу арестовать Леонарда Келлога за убийство разумного существа.

8

Джека Хеллоуэя и раньше отпускали под залог, но никогда с него не брали так много. Это было почти все его состояние. Но когда он вывалил на стол перед Джорджем Лантом из мешочка пылающие от тепла его тела солнечные камни и попросил того отобрать несколько из них на сумму в двадцать пять тысяч солей, глаза Лесли Кумбеса расширились, а челюсть Мохаммеда Али О'Брайена отвисла.

Лесли Кумбес взглянул на бутылку виски в своей руке и потянулся в шкаф за другой. Одна для Гуса Бранхарда, другая для остальных. Здесь было широко распространено мнение, что именно благодаря виски Густав Адольфус Бранхард практиковал очень редко, защищая, в основном, вооруженных бродяг и похитителей степняков. Но это было не так. Никто на Заратуштре не знал причины этого, но это было не виски. Виски было только орудием, при помощи которого Гус Бранхард обретал ясность мысли.

Он сидел в самом большом кресле гостиной, но все же оно было мало для него. Лицо этого чело-

века было украшено взъерошенными рыжими волосами и спутанной рыжей бородой. Он был одет в выцветшую грязную куртку с обоймой для винтовочных патронов на груди, а вместо рубашки — разорванная майка, из-под которой тоже торчали рыжие волосы. Между нижней частью ею шорт и верхней частью потрепанных носков тоже были сплошные заросли волос. На одном его колене сидела Пушистик-Мамочка, на другом — Майк и Майзи, а на его голове устроился Малыш. Едва увидев Гуса, Пушистики сразу же признали его. Наверное, они подумали, что это Большой Пушистик.

— Аах! — громыхнул он, едва бутылка появилась возле него. — Только в надежде на это и стоит жить.

— Ладно, только не давайте пробовать ребятишкам. Маленький Пушистик уже пытался закурить трубку, и я не хочу, чтобы у них в семье появился алкоголик.

Гус наполнил стакан. Проделав это на безопасном расстоянии, он быстро перелил в себя от содержимое.

— У вас славная семейка, Джек. Они произведут в суде отличное впечатление, если только Малыш не попытается взобраться на голову

судьи. Присяжные, увидев их и услышав рассказ Ортерис, оправдают вас и выразят Келлогу вотум недоверия.

— Я не беспокоюсь об этом. Я хочу не обличить Келлога.

— Лучше побеспокоиться, Джек, — сказал Рейнсфорд. — На слушании дела большинство будет против нас.

Лесли Кумбес, адвокат Компании, слишком быстро прилетел сюда из Мэллори-Порта. Да еще Мохаммед Али О'Брайен, Генеральный Прокурор Компании, выступивший в роли Главного Обвинителя.

Оба они пытались опровергнуть заявление Хеллоуэя о самозащите и выставить Келлога как убившею опасное дикое животное. Когда у них ничего не вышло, они объединились против Пушистиков. После этого было высказано недовольство судом. Лейтенант Лант в качестве полицейского судьи имел очень ограниченную власть.

— Вы видите, насколько далеко они зашли?

— Надеюсь, вы не хотите, чтобы они преуспели в мы? — мрачно произнес Рейнсфорд.

— Что вы хотите сказать? — спросил Бранхард. — Как вы думаете, что они сделают?

— Не знаю. Это меня и беспокоит. Мы угрожаем Компании Заратуштры, а Компания хочет безопасности, — ответил Рейнсфорд. — Они попытаются сфабриковать что-нибудь против Джека.

— А кто определяет наличие разума? И как? Ну, Кумбес и О'Брайен согласятся принять за доказательство формулу «Речь и разведение огня».

— Ха! — воскликнул Бранхард. — Суд уже утвердил это сорок лет назад, на Мисхии. Дело о детоубийстве. Женщина обвинялась в убийстве собственного ребенка. Ее адвокат опирался на то, что убийством называется лишение жизни разумного существа. Разумное существо — это существо, которое может говорить и разводить огонь, а новорожденный младенец не может этого делать. Ходатайство отклонили. Суд постановил: пока способность говорить и разжигать огонь является единственным доказательством разумности, невозможно утверждать что-либо, не составив законного доказательства отсутствия разума. Если О'Брайен и не знает этого, а я сомневаюсь, что он это знает, то Кумбес знает об этом наверняка, — Бранхард налил себе очередную порцию виски и опорожнил стакан быстрее, чем до него смогли дотянуться окружавшие его разум-

ные существа. — Знаете, что? Держу пари и могу поклясться, что первое, что сделает Хэм О'Брайен, вернувшись в Мэллори-Порт, это внесет ОТКАЗ ИСТЦА ОТ ИСКА на оба обвинения. От него примут отказ от иска на Келлога, а обвинение против Джека отправят в суд. Он может сделать эту глупость, но Лесли Кумбес не позволит ему это.

— Но если он уберет из дела Келлога, — сказал Герд ван Рибик, — то на суде Джека никто и слова не произнесет о разуме.

— Я произнесу во весь голос. Вы все знаете колониальный закон. Убийца, несмотря на то, что он совершил уголовное преступление, может выдвинуть обвинение против любого другого лица. Я буду утверждать, что Леонард Келлог убил разумное существо. Джек Хеллоуэй, пытаясь предотвратить это, поступил законно, а Курт Борч, в попытке прийти на помощь Келлогу, сам оказался виновным в уголовном преступлении, и, следовательно, всякое обвинение, выдвинутое против Джека Хеллоуэя, является не обоснованным. Придерживаясь этой точки зрения, я скажу великое множество слов и приведу доказательства разумности Пушистиков.

— Ваши доказательства будут перепроверяться, — заметил Рейнсфорд. — Психологами. Я

полагаю, вы знаете, что на этой планете только психологи пользуются привилегиями, дарованными Компанией Заратуштры, — он допил то, что оставалось в стакане, посмотрел на кусочки льда, оставшиеся на дне, и снова налил себе. — Я бы не хотел, чтобы это произошло.

— Уфф! — Вздрогнув от неожиданности, Мамочка-Пушистик взглянула вверх. — Интересно, что сейчас делает Виктор Грего.

Виктор Грего положил на место телефонную трубку.

— Лесли на яхте, — сказал он. — Они сейчас прибудут. Завернут в больницу, чтобы оставить Келлога, и сразу сюда.

Ник Эммерт откусил маленький кусочек тоста. У него были рыжеватые волосы, тусклые глаза и широкое, массивное лицо.

— Должно быть, Хеллоуэй использовал слишком сильное средство, чтобы привести его в порядок, — сказал он.

— Лучше бы он убил его! — раздраженно сказал Виктор Грего и увидел возмущение на лице Главного Резидента.

— Вы действительно хотите этого, Виктор?

— Ни черта я не хочу! — Виктор махнул рукой в сторону проигрывателя, на котором они только

что прослушали ленту, переданную с яхты. — Он задира, который удирает, когда запахнет жареным. Знаете, какая эпитафия будет написана на могиле Компании?

«ПИНКОМ К СМЕРТИ ОТ ПУШИСТИКОВ БЛАГОДАРЯ ЛЕОНАРДО КЕЛЛОГУ».

Если бы Келлог сохранил голову ясной и избежал столкновения с Хеллоуэем, все было бы отлично. Даже непростительное убийство Пушистика и стрельба Борча были бы не так плохи, если бы не это глупое обвинение в убийстве. Сам же спровоцировал Хеллоуэя, да еще недоволен, что ему набили морду.

Да еще этот человек Келлога, ван Рибик, который вызвал взрыв. Сам я не знаю Рибика, но Келлог-то должен был знать своих подчиненных. Он должен был знать, что можно доверять этому человеку, а что нельзя.

— Но, Виктор, они же не признали Леонарда виновным в убийстве, — сказал Эммерт. — Не за убийство же этого маленького существа…

Пара людей, посланных начальником тюрьмы, могла бы пригласить Леонарда Келлога во двор тюрьмы и пустить ему пулю в затылок, что не было бы большой потерей. Можно было заделать дыру, через которую лились неприятности для

Компании Заратуштры, зафрахтовав какое-нибудь судно. К тому же можно было сделать так, чтобы Келлог не появился на суде. Договор о двадцати пяти тысячах солей мог быть аннулирован; это было бы наказанием для Компании. Нет, все же не это было причиной их нежелания суда над Хеллоуэем.

— Виктор, вы хотите, чтобы я ушел, когда они придут? — спросил Эммерт, отправляя в рот очередной ломтик тоста.

— Нет, нет. Сиди. Мы в последний раз работаем вместе. Потом мы будем избегать всего, что может походить на тайный створ.

— Ладно, к счастью, я кое-что могу сделать, вы знаете, это, Виктор, — сказал Эммерт.

Да, он знал это. В самом наихудшем случае, если права Компании станут недействительными, он мог бы даже повеситься, чтобы спасти если и не Компанию, то хотя бы Виктора Грего. Но если Заратуштра будет переклассифицирована, для Ника все кончено. Его титул, его социальное положение, ею синекура, его системы подкупа и приработка, ею вымышленные имена, прикрывающие расчетный счет Компании — все вылетит в трубу. Поэтому Ник должен был сделать все, что он мог — как бы мало это ни было.

Он посмотрел на приподнявшийся глобус Заратуштры, слегка поворачивающийся в оранжевом луче прожектора. На Континенте Бета, где Леонард Келлог убил Пушистика по имени Златовласка и Джек Хеллоуэй пристрелил убийцу, которого звали Курт Борч, была полная темнота. К черту такого убийцу! Он мог делать выстрел в спину, а не позволять убить себя. У Борча альтернатива была не лучше, чем у Келлога. Какое дело завалил! Что он не мог подобрать для работы людей получше? А Хэм О'Брайен! Нет, он не винил себя за О'Брайена. О'Брайен был человеком Ника Эммерта. К тому же он не обкрадывал Ника.

Коммуникатор, стоявший на столе, звякнул, и женский голос сообщил, что пришел мистер Кумбес со своими спутниками.

— Прекрасно. Проводите их блюда.

Первым вошел Кумбес. Высокий, элегантный, ни тени тревоги на лице. Случись сейчас внезапная бомбардировка или землетрясение, он неизменно остался бы безмятежно спокойным. Выбрав Кумбеса главой адвокатов, Компания нашла лучшее применение его эмоциям. Мохаммед Али О'Брайен был не так высок, не так элегантен и не так спокоен. Его кота была почти черной — он родился на Агни, под жарким солнцем клас-

са В3. Его лысая голова блестела, а большой нос сопел сквозь заросли лохматых белых усов. Что можно сказать о нем? Он единственный человек на Заратуштре, который может важничать, находясь внизу.

Позади них выстроились остальные участники экспедиции на континент Бета — Эрнст Мейлин, Юан Джименз и Рут Ортерис. Мейлин чуть выдвинулся вперед и высказал сожаление, что с ними нет доктора Келлога.

— Я очень сомневаюсь в этом. Пожалуйста, садитесь. Я боюсь, нам придется много обсудить.

Главный судья мистер Фредерик Пэндервис задумчиво передвинул на несколько дюймов тонкую вазу с брызгами звездных цветов. Он сидел, словно знатное лицо на фотографии. Напротив него находилась белокурая женщина. Он взял из серебряной шкатулки тонкую сигару, заботливо обрезал кончик и закурил. Затем, решив больше не тянуть, он вытащил две объемистые широкие папки и открыл первую из них, помеченную грифом «На судебное разбирательство».

Надо же что-то делать; он всегда говорил себе так перед тем, как приступить к работе. Последнее крупное судебное разбирательство в Генеральном Суде происходило десять лет назад,

когда население Мэллори-Порта насчитывало менее пяти тысяч человек. А последнее время он в основном занимался делами о вытравливании клейма на телятах степняков или убийстве кого-нибудь в баре. Наконец к нему попали пять мелких исков, переданных полицейскими судами; но ух лучше это, чем совсем ничего.

Первое дело, конечно, об убийстве. Все, как обычно. Так. Континент Бета, с Пятнадцатого полицейского поста, акт лейтенанта Джорджа Ланта. Посмотрим. Джек Хеллоуэй. Значит, старый Джек сделал очередную зарубку на своем ружье — Долина Холодный Залив, Федерация Горожан, раса Человек Земли. Преднамеренное убийство разумного существа, а именно Курта Борча, Мэллори-Порт, Федерация Горожан, раса Человек Земли, Истец — Леонард Келлог, то же самое. Адвокат, записанный для защиты, — Густавус Адольфус Бранхард. Последними, кот убил Джек Хеллоуэй, была пара головорезов, которые пытались выкрасть его солнечные камни; тогда никто даже не питался подать жалобу в суд. Однако теперь он может попасть в беду. Келлог — администратор Компании. Лучше за это дело взяться самому. Компания попытается оказать давление.

Следующее дело также об убийстве. Континент Бета, с Пятнадцатого полицейского поста. Он прочитал все и моргнул. Леонард Келлог, преднамеренное убийство разумного существа, а именно — самки по кличке Златовласка, абориген, раса Пушистик Заратуштры. Истец — Джек Хеллоуэй, адвокат, записанный для защиты, — Лесли Кумбес. Прочитав это чересчур легкомысленное обвинение, судья засмеялся. Вероятно, это была попытка высмеять жалобу Келлога. На каждой планете законное правосудие должно иметь по крайней мере одного Гуса Бранхарда, чтобы повеселиться. Раса Пушистик Заратуштры!

Затем он внезапно оборвал смех и стал совершенно серьезным, словно сапер, который обнаружил большое количество взрывчатки, снабженное запалом. Он повернулся к экрану связи и набрал код. На экране появился молодой человек в очках, который почтительно приветствовал судью.

— Доброе утро, мистер Уилкинс, — ответил судья. — Сегодня утром на мою голову свалилась пара обвинений в убийстве — на Келлога и Хеллоуэя, оба на Бета-Пятнадцать. Что вы об этом знаете?

Молодой человек улыбнулся.

— О, Ваша Честь, в них много бессмыслицы. Доктор Келлог убил какого-то любимца старого Джека Хеллоуэя, и отсюда все неприятности — а Джек Хеллоуэй может быть очень неприятен, если его задеть. А этот человек, Борч, который, кажется, был личной охраной Келлога, совершил смертельную ошибку, пытаясь направить оружие на Джека. Я удивляюсь, что лейтенант Лант передал эти дела в суд. Мистер О'Брайен записал на оба эти дела ОТКАЗ ИСТЦА ОТ ИСКА, так что их можно проигнорировать.

Мохаммед Али О'Брайен знал катаклизм обвинения и импульс, который взорвет детонатор. Ну, что ж, возможно, эти обвинения можно и отклонить; надо только посмотреть, как это сделать.

— Я еще не утвердил ОТКАЗ ИСТЦА ОТ ИСКА, мистер Уилкинс, — мягко произнес судья. — Вы можете дать мне прослушать запись об этих делах? Передайте на шестидесятой скорости, я перепишу их. Спасибо.

Он потянулся и отрегулировал запись. Уилкинс, клерк Суда, отвернулся от экрана. В течение полутора минут раздавался пронзительный визг. Запись заняла больше времени, чем он ожидал. Ладно…

В стакане кончился лед, и Леонард Келлог опу-

стил в него еще несколько кусочков. Напиток стал очень холодным, и он добавил бренди. Он никогда не начинал пить так рано. Если он будет продолжать в том же духе, то опьянеет еще до обеда, но что же ему еще остался делать? Он не мог выйти с таким разукрашенным лицом. Во всяком случае, он никуда не собирался выходить.

Все были против него. Эрнст Мейлин, Рут Ортерис и даже Юан Джименз. На полицейском посту Кумбес и О'Брайен обращались с ним славно с недоразвитым ребенком, которого успокаивают в присутствии гостей, а по возвращении в Мэллори-Порт они совершенно игнорировали его. Он быстро выпил, а затем снова положил лед в стакан, Виктор Грего отправил его в отпуск, который будет продолжаться до тех пор, пока не кончится судебное разбирательство, а шефом отдела назначили Мейлина. Говорят, он не должен отвечать за отдел, который работает над доказательствами его невиновности. Ну, может, это и так; правда, это походит на первый шаг к его окончательному изгнанию из Компании.

Он плюхнулся на стул и закурил сигарету. После нескольких затяжек во рту появился нехороший привкус, и он смял ее. Ну, что ему было делать? После тот, как они обнаружили малень-

кую могилку, он дал понять Герду, что это значит для Компании. Юан и Рут все поняли, но Герд… А когда его вызвал Хеллоуэй и унизил, словно последнего бродягу…

А затем это отвратительное маленькое животное подошло и дернуло его за штаны. Он оттолкнул его — ну, может, и пнул — оно замахнулось на него своим острым копьем, с которым никогда не расставалось. Во всяком случае, никто, кроме сумасшедшего, не мог позволить подобную выходку какому-то животному. И он пнул его снова, а оно завизжало…

В соседней комнате зажужжал зуммер. Возможно, это Виктор. Келлог допил из стакана остатки бренди и заторопился к экрану связи.

Это был Лесли Кумбес. Лицо его ничего не выражало.

— Привет, Лесли.

— Добрый день, доктор Келлог, — в его формальном обращении прозвучал упрек. — Меня вызывал Генеральный Прокурор. Судья Пэндервис не принял ОТКАЗ ИСТЦА ОТ ИСКА. Он просмотрел ваши дела и направил их на судебное разбирательство.

— Вы думаете, это серьезно?

— Да, это серьезно. Если вас признают винов-

ным, права Компании автоматически станут недействительными. А если вас беспокоит только ваша судьба, то вас, наверное, приговорят к расстрелу, — он пожал плечами и продолжал. — Теперь я должен сказать вам, что я отвечаю за вашу защиту. В десять тридцать утра зайдите в мою контору. Думаю, к тому времени я узнаю, что они выдвигают против вас. Я буду ждать вас, доктор Келлог.

Он мог сказать и больше, но для официального визита хватило и этого. Леонард бессознательно прошел в другую комнату, сел в кресло и налил стакан бренди. Там был только маленький кусочек льда, но он не стал добавлять еще.

Они привлекают его к ответственности за убийство этого маленького животного, а Хэм О'Брайен говорил, что они не могут этот сделать. Он обещал не допустить суда. Во всяком случае, если они привлекут его и признают виновным, они выведут его и расстреляют за убийство глупого маленького животного, которое он растоптал. Он вновь услышал его крик и почувствовал отвратительную мягкость ею тельца под ногами.

Он опорожнил стакан, налил еще и выпил снова. Затем он, шатаясь и спотыкаясь, подошел к дивану и бросился на него лицом вниз, упав

на подушки.

Лесли Кумбес нашел Виктора Грего в его конторе. Там же находился Ник Эммерт. Они оба поднялись, приветствуя его, и Грего сказал:

— Вы слышали?

— Да. О'Брайен сказал мне. Я связался с моим клиентом и сообщил ему. Боюсь, это слегка шокировало его.

— Зато не шокировало меня, — сказал Грего, как только они сели. — Когда Хэм О'Брайен слишком уверен в чем-то, я всегда ожидаю худшее.

— Пэндервис хочет сам заняться этим делом, — сказал Эммерт. — Я всегда думал, что он благодушный человек, но что он пытается сделать сейчас? Перерезать горло Компании?

— Он не против Компании. Но и не за Компанию. Он за закон. Закон гласит, что планета, населенная разумными существами, относится к классу 4 и должна иметь колониальное управление класса 4. Он хочет выяснить, к какому классу относится Заратуштра, и применить соответствующий закон. Если эта обитаемая планета класса 4, то Компания Заратуштры действует незаконно. Прекратить беззаконие — это его работа. Закон — религия Фредерика Пэндервиса, а он ее священник. Вы никогда не увидите, чтобы священник

конфликтовал с религией.

Когда он закончил, в воздухе повисла гнетущая тишина. Грего посмотрел на глобус и вдруг понял, что он хоть и гордится этой игрушкой, но настоящие драгоценности хранятся в подвалах банка. А теперь они постепенно уплывают от него. Ник Эммерт был напуган.

— Вчера вы были правы, Виктор. Лучше бы Хеллоуэй убил этого сына кугхры. Может, еще не поздно…

— Все правильно, Ник. Но уже поздно. Мы опоздали во всем. Нам остается только выиграть дело в суде. — Лесли повернулся к Грего: — Чем занимаются ваши люди?

Грего отвел взгляд от глобуса.

— Эрнст Мейлин изучает материалы о Пушистиках, смотрит отснятые фильмы и питается доказать, что они не обладают разумом. Рут Ортерис занимается тем же, только она работает по линии инстинктов и безусловных рефлексов. У нее в лаборатории находится десяток крыс, несколько собак и обезьяна. Ей помогает Генри Стенсон. Он делает ей необходимую аппаратуру и инструменты. Юан Джименз изучает умственные способности земных собак и кошек, Кхолпхов с Фрейна и черных крадунчиков с Мимира.

— А он не может провести какую-нибудь собачью или обезьянью параллель этим похоронам?

Грего ничего не сказал, только покачал головой, Эммерт что-то пробормотал себе под нос, наверное, новое ругательство.

— Не думаю, чтобы это можно было сделать. Я боюсь только одного, как бы эти Пушистики не разожгли в суде костер и не стали обсуждать заседание на языке землян.

Ник Эммерт в панике воскликнул:

— Вы полагаете, что они разумны?

— Конечно. А вы разве нет?

Грего кисло улыбнулся.

— Ник думает, что вы решили доказать это. Но в этом нет необходимости. Будем придерживаться негативных вопросов. Значит, так: Пушистики — разумные существа. Лично я думаю, что, зная это, мы более серьезно отнесемся к своей работе.

— Знаете, я был на коллегии, — весело сказал Эммерт. На его слова никто не обратил внимания, и он добавил: — Первое, что они сделали, это выработали условия.

Грего вопросительно посмотрел на него.

— Лесли, мне кажется, у Ника что-то есть. Какое определение разумного существа они приняли?

— Насколько мне известно, у них ничего нет.

Разум — это нечто само собой разумеющееся.

— Что вы скажете о формуле «Речь и разжигание огня»?

Он покачал головой.

— Дело колонии Вискина против Эмили Моррош. 612 А.Е. — Он рассказал им о детоубийстве. — Вы знаете, что будут делать ваши люди, вырабатывая приемлемое для суда определение разума? Им придется, не имея под рукой Пушистиков, сравнивать их со всеми известными разумными расами. Я не завидую им.

— Нам надо где-то достать Пушистиков для нашей лаборатории, — сказал Грего.

— Плохо, что мы не можем получить Пушистиков, принадлежащих Хеллоуэю, — добавил Эммерт. — Может, выкрасть их, когда они останутся в лагере одни?

— Нет. Мы не можем так рисковать. — Лесли задумался. — Подождите-ка. Кажется, мы можем получить их. Законным путем.

9

Джек Хеллоуэй заметил, что Маленький Пушистик рассматривает трубку, оставленную им в пепельнице. Он поднял ее и сунул в рот, а Маленький Пушистик, укоризненно посмотрев на него, спрыгнул на пол. Папочка Джек был озадачен: уж не хочет ли Маленький Пушистик тоже курить трубку? Может, это не повредит ему? Он поднял Маленьком Пушистика на колено и предложил ему трубку. Маленький Пушистик затянулся, но не закашлялся: он, вероятно, не вдыхал в себя дым.

— Первым они будут рассматривать дело Келлога, — сказал Гус Бранхард, — и я ничего не могу поделать, чтобы это отменили. Вы понимаете, что эго значит? Они будут судить его первым, а Лесли Кумбес будет вести обвинение и защиту, и если они оправдают его, то к доказательствам разума, которые мы представим на суде, они будут относиться предвзято.

Мамочка Пушистик сделала еще одну попытку перехватить у Гуса стакан виски, но он опередил ее. Малыш, сидевший на его голове, играл в прят-

ки за его бакенбардами.

— Для начала, — продолжил он, они исключат все, что только смогут, из показаний о Пушистиках. Они многого не смогут опровергнуть, но будут драться за малейшую возможность. Они будут опровергать все, что не смогут исключить. Конечно, с детектором *лжи* они не смогут лгать, но они будут использовать самообман. Вы высказываете свое предположение, верное или неверное, и детектор *лжи* не разоблачит вас. Они будут нападать на все показания экспертов и играть словами. А все, что они не смогут исключить или опровергнуть, они будут допускать, но предварительно заявят, что это еще не доказывает разумность.

— Какого черта им еще надо? — взорвался Герд. — Или, энергией, антигравитацией или дистанционным управлением?

— Чтобы вывести Пушистиков из игры, они преподнесут на суде изящное, стройное, педантичное определение разумности и постараются, чтобы его приняли. Поэтому нам надо заранее определить, каким оно будет, и подготовить опровержение. Ну, естественно, дать определение, нужное нам.

— Наверняка их определение будет включать

кугхров. Герд, кугхры хоронят своих мертвецов?

— Нет, черт подери. Они их едят. Но имейте в виду, что они предварительно варят их.

— Надо посмотреть, что Пушистики делать могут, а кугхры — нет, — сказал Рейнсфорд. — Так мы получим определение разумности. Помните, что творила Рут в субботу ночью?

Герд ван Рибик сделал вид, что не желает вспоминать слова Рут и даже слышать о ней. Джек кивнул и повторил ее слова:

— Неразумная смышленость, незаметно переходящая в разум, подобна пунктиру, переходящему в непрерывную жирную линию, или цветочной гамме, становящейся все ярче и насыщеннее.

— Это можно изобразить графически, — сказал Герд. — Вы знаете, эта линия так отчетливо стоит у меня перед глазами, что я соблазняюсь думать о разуме как о результате мутации. Жаль, что мы не можем применить какую-нибудь мутацию из тех, что сократили путь развития на некоторых планетах.

Бен Рейнсфорд начал что-то говорить, но над лагерем завыла полицейская сирена, и он внезапно осекся. Пушистики с интересом смотрели вверх. Они знали, кто это был. Друзья папочки Джека в голубой одежде. Джек подошел к двери и

открыл ее, выпустив наружу пучок света.

Кар совершил посадку. Из него выпрыгнули Джордж Лант, двое полицейских и двое в штатском. Оба последних были вооружены. Один из них нес какой-то узел.

— Привет, Джордж. Заходите.

— Мы хотим поговорить с вами, Джек, — мрачно произнес Лант. — По крайней мере, хотят эти люди.

— Конечно. Ну, давайте.

Он отступил в комнату, чтобы пропустить их. Что-то было не так, что-то нехорошее вошло вместе с ними. Кхадра, вошедший первым, встал рядом с Джеком, чуть позади него. Лант огляделся вокруг и остановился между Джеком и оружейной пирамидой, не отводя взгляда от пистолетов, лежавших на столе. Третий, пропустив вперед двух незнакомцев, закрыл дверь и встал возле нее. Неужели суд аннулировал залог и приказал арестовать его, подумал Джек. Незнакомцы — мускулистые люди с тоненькими черными усиками и угрюмыми лицами — внимательно смотрели на Ланта. Рейнсфорд и ван Рибик встали. Гус Бранхард нагнулся вперед, чтобы наполнить свой стакан, но так и не выпрямился.

— Дайте бумагу, — сказал Лант мускулистому

незнакомцу.

Тот, что пониже, достал сложенный документ и протянул его.

— Джек, я здесь ни при чем, — сказал Лант. — Я не хочу делать этого, но делаю. Я также не хочу стрелять в вас, но если вы окажете сопротивление, я буду стрелять. Я не Курт Борч, я знаю вас, поэтому никаких случайностей не будет.

— Если вы пришли вручить бумагу, то вручайте ее, — сказал тот, что повыше. — Не трепаться же нам здесь всю ночь.

— Джек, — смущенно сказал Лант, — это ордер на конфискацию ваших Пушистиков, так как они являются доказательствами в деле Келлога. Это представители начальника полиции из Верховного Суда. Им приказано доставить Пушистиков в Мэллори-Порт.

— Разрешите мне взглянуть на ордер, Джек, — все еще нагнувшись, сказал Бранхард.

Лант передал ордер Джеку, а тот — Бранхарду. Гус пил весь вечер, возможно, поэтому он и не вставал, чтобы не показать опьянения. Он быстро просмотрел ордер и кивнул.

— Все в порядке, ордер подписан Главным Судьей, — он вернул бумагу. — У них есть все основания забрать Пушистиков. Возьмите ордер

и заставьте их написать расписку. Да пусть они не забудут расписаться и поставить отпечаток большого пальца. Проследите за этим, Джек.

Гус хотел отвлечь его от того, что будет происходить дальше. Меньший из двух представителей сбросил узел. Это были брезентовые мешки. Он сел за пишущую машинку и напечатал расписку, в которой перечислил всех Пушистиков, описал их и подробно отметил, что все они были в добром здравии и не имели никаких повреждений. Один из Пушистиков попытался взобраться к нему на колени, но тут же отчаянно уикнул, когда ею с силой оторвали от рубашки. Представитель закончил свою работу быстрее, чем те, кто ловил Пушистиков. В мешках сидели только три Пушистика. Остальные побежали к своей дверце, но там стоял Лант и закрывал проход каблуками. Увидев это, оба оставшихся Пушистика попытались зарыться в свои постельные принадлежности. Третий полицейский и один из представителей вытащили их оттуда и сунули в мешки.

Ошеломленный и ничего не понимающий Джек встал и выдернул расписку из пишущей машинки. Возник спор. Взорвавшийся Лант велел представителям либо подписать бумагу,

либо убираться к черту без Пушистиков. Они подписали, затем макнули свои большие пальцы в чернила и поставили отпечатки, каждый возле своей подписи. Джек, стараясь не глядеть на шесть раздувшихся коричневых мешков и пытаясь не слышать доносившегося из них испуганного уиканья, отдал бумагу Гусу.

— Джордж, разрешите собрать некоторые из их вещей? — спросил он.

— Конечно. Что за вещи?

— Постельные принадлежности. Некоторые игрушки.

— Вы имеете в виду этот ненужный хлам? — меньший из представителей пнул конструкцию из шаров и палочек. Мы получили приказ взять только Пушистиков.

— Вы слышали, джентльмен? — Лант произнес это так, словно выругался. Он повернулся к представителям: — Ну, вы взяли их, что вам еще нужно?

Джек стоял в дверях и смотрел, как они погрузили мешки в аэрокар, влезли в него и улетели. Затем он вернулся в гостиную и сел на стол.

— Они даже не знают, что такое ордер, — сказал он. — Они не знают, почему я не заступился за них. Они думают, что папочка Джек предал их.

— Джек, они улетели? — спросил Бранхард. — И не вернутся? — Он встал, заглянул за кресло и вытащил оттуда маленький комочек белого меха. Малыш поймал его за бороду своими крошечными ручонками и счастливо уикнул.

— Малыш! Они не взяли тебя!

Бранхард освободил свою бороду от его маленьких ручек и передал его Джеку.

— Нет, а в расписку он тоже включен. — Бранхард допил то, что оставалось в стакане, достал сигарету и закурил. — Теперь мы полетим в Мэллори-Порт и вернем остальных.

— Но… но Главный Судья подписал этот ордер. Он не отдаст их обратно только потому, что мы попросим ею об этом.

Бранхард фыркнул.

— Держу пари на все, что угодно, Пэндервис никогда не видел этого ордера. В конторе Главного Судьи валяются пачки подписанных бланков. Если каждый раз, когда они захотят вызвать в суд свидетеля или конфисковать улики, им придется сидеть в приемной, чтобы получить подпись судьи, у них никогда ничего не получится. Если Хэм О'Брайен не подумал запастись этим, то уж у Лесли Кумбеса полная коллекция этих бланков.

— Воспользуемся моим аэроботом, — сказал

Герд ван Рибик. — Вы с нами, Бен? Тогда в путь.

Он не мог разобраться в этом. Большие Существа в голубой одежде были друзьями. Они подарили свистки и были очень опечалены, когда хоронили убитую. И почему папочка Джек не взял большое ружье и не остановил их? Не может быть, чтобы он испугался; папочка Джек не боится ничего.

Другие были близко. Они сидели в таких же мешках, в какой поместили и его. Он мог позвать их и услышать ответ. Вдруг он почувствовал холод металла лезвия стального ножа, который сделал для него папочка Джек. Он мог прорезать мешок, вылезти из него и освободить остальных, но сейчас это делать бесполезно. Они были в том предмете Больших Существ, который поднимается в небо, и если он выберется из мешка сейчас, идти будет некуда, и их сразу же поймают. Лучше подождать.

И только одна мысль беспокоила от, он не знал, откуда и куда их везут. Смогут ли они когда-нибудь найти то место, где живет папочка Джек?

Гус Бранхард нервничал и был слишком болтлив, и это тревожило Джека. Он дважды останавливался у зеркала, висевшего в коридоре,

чтобы убедиться, что узел на его сером с золотой ниткой галстуке туго затянут и что его черная куртка застегнута как положено. Перед дверью с табличкой «ГЛАВНЫЙ СУДЬЯ» он остановился, пытаясь подавить желание взбить свою недавно вымытую бороду.

В личных апартаментах Главного Судьи находились два человека. Он видел Пэндервиса один или два раза, но их дороги никогда не пересекались. У судьи было доброе, аскетическое лицо человека, который живет в мире со своей совестью. У него был Мохаммед Али О'Брайен. Сначала он удивился, увидев входящих, а затем испугался. Никто никому не подал руки. Главный Судья изящно поклонился и предложил им сесть.

— Теперь, — произнес он, когда все расселись, — мисс Югеторн зачитает вашу жалобу на действия мистера О'Брайена.

— Мы действительно подали жалобу, Ваша Честь, — Бранхард открыл портфель и достал из него две бумаги — ордер и расписку за Пушистиков — и передал их через стол. — Мой клиент и я желаем знать, на каких основаниях Ваша Честь санкционировали эти действия и почему мистер О'Брайен прислал своих людей в лагерь мистера

Хеллоуэя, чтобы оторвать этих маленьких существ от их друга и покровителя.

Судья просмотрел бумаги.

— Как вы знаете, мисс Югеторн сняла копии с этих документов, когда вы пришли просить аудиенции. Я ознакомился с ними. Но поверьте мне, мистер Бранхард, эту повестку в подлиннике я вижу в первый раз. Вы знаете, почему подписываются пустые бланки. Это практикуется, чтобы сэкономить как можно больше времени и усилий. До сих пор они использовались только в тех случаях, когда не возникало спорных вопросов. Поверьте, если бы я видел эту бумагу, я никогда бы не подписал ее, — он повернулся к нервничающему Главному Прокурору. — Мистер О'Брайен, — сказал он, — никто не может конфисковать разумное существо как доказательство. Действительно, разумность Пушистиков еще не доказана, но это вполне допустимо. Суд не может допустить, чтобы по его вине пострадало какое-нибудь невиновное лицо.

— И, Ваша Честь, — вмешался в монолог судьи Бранхард, — невозможно отрицать, что Пушистики страдают крайне несправедливо! Безвинные и бесхитростные дети — вот что такое Пушистики. Счастливые и доверчивые маленькие дети,

которые до сих пор знали только добро и любовь. Картина их внезапного похищения, запихивание в мешки жестокими и бездумными людьми…

— Ваша Честь! — лицо О'Брайена стало чернее, чем лицо обычного уроженца Агни. — Я не могу слушать слова, какими этот человек характеризует служащих суда. Я протестую.

— Если служащие суда нуждаются в защите, мистер О'Брайен, суд защитит их. Мне кажется, вам сейчас стоит подумать о вашей собственной защите.

— Ваша Честь! Я утверждаю, что действовал только так, как повелевали мне мои обязанности, — сказал О'Брайен. — Пушистики являются единственным ключевым вещественным доказательством в деле СУЩЕСТВА против КЕЛЛОГА. Только демонстрация их разумности может подтвердить обвинение Келлога в убийстве.

— Тогда почему вы таким преступным образом подвергли их опасности? — спросил Бранхард.

— Я подверг их опасности? — в ужасе переспросил О'Брайен. — Ваша Честь, я действовал так только потому, что стремился обеспечить их безопасность. Я только хотел, чтобы они появились в суде.

— И забрали их от единственного человека на

этой планете, который знает, как с ними обращаться, который любит их так, как мог бы любить собственных детей. Вы подвергли их оскорблению, которое, как вы знаете, может оказаться пагубным для них.

Судья Пэндервис кивнул.

— Я не думаю, мистер Бранхард, что вы преувеличиваете. Мистер О'Брайен, у меня сложилось неблагоприятное мнение о ваших действиях в этом деле. Вы не имели права так обращаться с предполагаемыми разумными существами. Я должен согласиться с той характеристикой преступной безрассудности, какую дал мистер Бранхард вашему поведению. Теперь, говоря беспристрастно, я приказываю вам немедленно доставить сюда Пушистиков и вернуть их под опеку мистера Хеллоуэя.

— Да, конечно, Ваша Честь. — Беспокойство О'Брайена возросло. Его лицо приобрело серо-коричневый оттенок. В такой цвет может окраситься ружейная пирамида из орехового дерева, весь день простоявшая под дождем. — Мне нужен час, чтобы послать за ними и доставить их сюда.

— Вы хотите сказать, что их нет в этом здании? — спросил Пэндервис.

— Ваша Честь, здесь нет необходимого оборудования. Я отправил их в Научный Центр…

— *ЧТО*?

Джек решил молчать и дать высказаться Гусу. Восклицание буквально вырвалось у него. У Гуса Бранхарда и судьи Пэндервиса одновременно вырвалось такое же восклицание, но никто этот не заметил. Пэндервис наклонился вперед и мягко спросил:

— Мистер О'Брайен, вы относитесь к штату Отдела Научных Изучений и Исследований, созданному Компанией Заратуштры?

— Но у них есть все необходимое оборудование для содержания всех видов живых существ. Они ведут все научные работы для…

Пэндервис богохульно выругался. Бранхард был так ошарашен, словно его собственный портфель вцепился ему в горло и пытается задушить ею. Но он и вполовину не был так испуган, как Али О'Брайен.

— Вы понимаете, — сказал Пэндервис, с явным усилием взяв себя в руки, — что тот, кто выдвинул обвинение в убийстве, сам является обвиняемым? Мистер О'Брайен, вы еще раз подтвердили, что мое мнение о вас верно!

— Никто не обвинял Компанию Заратуштры, —

угрюмо возразил О'Брайен.

— Официально нет, — согласился Бранхард. — Но разве Леонард Келлог не руководил Научным Отделом Компании Заратуштры?

— Доктора Келлога освободили от его обязанностей. Он ожидает результатов суда. Отдел сейчас возглавляет доктор Эрнст Мейлин.

— Главный научный свидетель защиты; я не вижу принципиальной разницы.

— Но мистер Эммерт сказал, что все будет нормально, — пробормотал О'Брайен.

— Джек, вы слышали это? — спросил Бранхард. — Запомните. На судебном заседании вы засвидетельствуете это. — Он повернулся к Главному Судье: — Ваша Честь, может, послать за Пушистиками начальника Колониальной Полиции Фрейна? А пока они не вернутся, я бы советовал держать мистера О'Брайена подальше от любых средств связи.

— Это благоразумное предложение, мистер Бранхард. Я выдам вам ордер на конфискацию Пушистиков и ордер на обыск, который тоже может понадобиться. Я думаю, Сиротский Суд не откажется назначить мистера Хеллоуэя законным опекуном этих предположительно разумных существ. Как их имена? Да, они есть в

этой расписке, — он приятно улыбнулся. — Видите, мистер О'Брайен, мы спасаем вас от больших неприятностей.

О'Брайен, не будучи слишком умным, продолжал протестовать.

— Но есть и другое дело об убийстве, в котором я выступаю в качестве обвинителя, — начал он.

Пэндервис перестал улыбаться.

— Мистер О'Брайен, я сомневаюсь, чтобы вы когда-либо вели здесь чье-либо обвинение. Я освобождаю вас от всех обязанностей в связи с разбирательством дела Келлога и Хеллоуэя, и если я услышу ваши рассуждения об этом, я выпишу ордер на ваш арест. Причину ареста долго искать не придется. Это обвинение в должностном преступлении.

10

Начальник Колониальной Полиции Макс Фрейн был таким же грузным, как и Гус Бранхард, только значительно ниже ростом. Зажатый между двумя массивными телами на заднем сиденье кара Начальника Полиции, Джек Хеллоуэй созерцал спины двух представителей суда, сидевших впереди, и чувствовал, как по ею лицу расплывается счастливая улыбка. Он летит, чтобы вернуть своих друзей. Маленького Пушистика и К°-Ко, Майка и Майзи, Мамочку и Золушку. Он перечислял их и представлял, как они будут уикать, бегая вокруг него, счастливые, что вернулись к папочке Джеку.

Кар совершил посадку на верхней площадке Научною Центра Компании. К ним сразу же подбежал полисмен. Гус открыл дверцу и вылез, за ним последовал Джек.

— Здесь нельзя садиться! — крикнул полисмен. — Это стоянка для служебных машин Компании!

Макс Фрейн, возникший позади них, шагнул вперед. Два представителя суда тоже выбрались

из машины.

— Какого черта вам надо? — сказал Фрейн. — С этим ордером я совершу посадку где угодно. Уберите его, мальчики, мы не нуждаемся в провожатом.

Полицейский Компании запротестовал, но затем утих и замер между представителями суда. Кажется, до него начало доходить, что Суд Федерации — нечто большее, чем Хартия Компании Заратуштры. А может, он решил, что началась революция.

Контора Леонарда Келлога — теперь Эрнста Мейлина — находилась на первом этаже небоскреба, если считать от стоянки на крыше. Они сошли с эскалатора в холл, заполненный перешептывающимися служащими. Те сразу же замолчали, едва лишь заметили вошедших. Три или четыре девушки выскочили из конторы. Одна из них ткнулась в живот Начальника Полиции Фрейна, другая, выбегая из холла, сшибла с ног одного из представителей суда. Сама контора была пустой. Фрейн взялся за ручку следующей двери и толкнул ее.

Секретарша Келлога — теперь Мейлина — казалось, вошла за секунду до них; она стояла перед столом и что-то бессвязно шептала. Мейлин,

начавший подниматься со своего стула, замер, перегнувшись через стол. Юан Джименз, стоящий посреди комнаты, первым заметил их; он дико оглянулся, словно отыскивая путь к бегству.

Фрейн прошел мимо секретарши и подошел к столу. Он показал Мейлину свой значок и передал бумаги. Мейлин внимательно посмотрел на него.

— Но мы держим этих Пушистиков по поручению мистера О'Брайена, — сказал он. — Мы не можем вернуть их без его санкции.

— Это, — мягко произнес Макс Фрейн, — ордер, выданный Главным Судьей Пэндервисом. Что же касается мистера О'Брайена, то я сомневаюсь, что он сможет еще когда-нибудь помочь вам. Я подозреваю, что в настоящее время он находится в тюрьме. ТАМ, — рявкнул он, наклонившись вперед, насколько позволяла его талия,

— КУДА Я ЗАПИХНУ ВАС, ЕСЛИ ВЫ НЕМЕДЛЕННО НЕ ДОСТАВИТЕ СЮДА ПУШИСТИКОВ!

Если бы Фрейн внезапно превратился в чертова зверя, это не потрясло бы Мейлина больше, чем только что происшедшее. Он непроизвольно съежился под взглядом Начальника Полиции. Этот взгляд доконал его.

— Но я не могу, — попытался оправдаться он. —

Мы точно не знаем, где они находятся в данное время.

— Вы не знаете? — голос Фрейна упал до шепота. — Вы признаете, что держите их здесь, но вы… не знаете… где.

НАЧНИТЕ ВСЕ СНАЧАЛА; ПРИКАЖИТЕ ВЕРНУТЬ ИХ!

В это мгновение ожил экран связи. На нем появилась Рут Ортерис, одетая в светло-голубой костюм, сшитый в строгом стиле.

— Доктор Мейлин, что здесь происходит? — спросила она. Пока я ходила завтракать, кто-то разгромил мою контору. Вы еще не нашли Пушистиков?

— Что такое? — воскликнул Джек. Мейлин смотрел на экран и словно кричал: «Рут! Замолчите! Отключайтесь и исчезайте из поля зрения!»

С удивительной скоростью для человека его комплекции Фрейн подлетел к экрану и выставил свой значок.

— Я Начальник Колониальной Полиции Фрейн. Девушка, я хочу, чтобы вы немедленно пришли сюда. Не заставляйте меня посылать за вами; я не люблю этого, да и вам неприятности.

— Сейчас приду, — она отключилась.

Фрейн повернулся к Мейлину.

— Так. — Он больше не играл голосом, в этом больше не было надобности. — Вы будете говорить правду, или нужно применить детектор лжи? Где Пушистики?

— Но я не знаю! — защищался Мейлин. — Юан, расскажите ему; вся ответственность за них лежит на вас. Я даже не видел их здесь.

Джек с трудом справился с охватившим его волнением и медленно проговорил:

— Если с Пушистиками что-нибудь случится, вы оба, прежде чем я покончу с вами, позавидуете Курту Борчу.

— Прекрасно, что вы на это скажете? — спросил Фрейн Джименза. — Начните с того момента, когда вы с О'Брайеном прошлой ночью забрали Пушистиков из Центрального Здания Суда.

— Ладно. Мы доставили их сюда. Я получил сделанные для них клетки и…

Вошла Рут Ортерис. Она не смотрела на Джека, но и не прятала от него взгляда. Она сдержанно кивнула, словно они недавно расстались, и села.

— Что случилось, Начальник Полиции? — спросила она. — Почему вы пришли сюда с этими джентльменами?

— У них ордер на возвращение Пушистиков мистеру Хеллоуэю, — дрожа, проговорил Мей-

лин, — а мы не знаем, где они.

— НЕТ! — на мгновение лицо Рут превратилось в маску страха. — Нет, когда… — она замолчала и задумалась.

— Я пришел около семи часов, — сказал Джименз, — чтобы дать им пищу и воду, но их уже не было в клетках. Сетка на одной из клеток была разрезана, и Пушистик, находившийся в ней, вышел и освободил остальных. Пройдя через мой кабинет — по пути они устроили настоящий кавардак — они вышли в холл, а где они находятся теперь, мы не знаем. Я даже представить себе не могу, как они ухитрились все это проделать.

Тот, кто строил эти клетки, вероятно, совсем не пользовался своими мозгами. С тех пор как Келлог и Мейлин появились в лагере Джека, Мейлин, должно быть постоянно убеждал себя в том, что это просто маленькие глупые животные. Вероятно, он преуспел в этом и действовал прошлой ночью в соответствии со своими убеждениями.

— Мы хотим посмотреть клетки, — сказал Джек.

— Эй, — Фрейн подошел к открытой двери. — Мануэль!

Вошел представитель суда, пропустив перед собой полицейского Компании.

— Вы слышали, что произошло? — спросил Фрейн.

— Пушистики сломали свою клетку. Но разве они смогут выбраться отсюда, ведь все выходы перекрыты?

— Боже, у нас мало людей для розыска. Идемте.

— Возьмите с собой Хамми, он знает внутреннее расположение лучше, чем мы. Пит, нам надо не менее шести человек. Попросите Чанга, если у него есть свободные люди, пусть пришлет сюда полицейских.

— Подождите минутку, — сказал Джек. Он повернулся к Рут: — Что вы знаете обо всем этом?

— Немного. Я была здесь с доктором Мейлином, когда мистер Грего — а с ним и мистер О'Брайен — вызвал нас и предупредил, что до начала судебного разбирательства Пушистики будут находиться здесь. До их привоза мы оборудовали помещение, а Юан получил клетки. Это все, что было до девяти тридцати. Когда я утром пришла сюда и обнаружила, что Пушистики сбежали, я поняла, что из здания они выбраться не могли, поэтому я пошла в лабораторию и стала готовить оборудование для работы с Пушистиками. Около десяти часов я поняла, что аппаратура окончательно вышла из строя, и, погрузив ее

на тележку, я вместе с ассистентом отвезла ее в инструментальную мастерскую Генри Стенсона. Оставив аппаратуру, я сходила позавтракать и вернулась сюда.

Как бы на это отреагировал детектор лжи, подумал Джек. Пожалуй, эту мысль стоит подсказать Максу Фрейну.

— Я останусь здесь, — сказал Гус Бранхард, — может, сумею добиться от этих людей еще чего-нибудь.

— Почему вы не связались с отелем и не рассказали о том, что произошло, Гус? — спросил Джек. — Герд работал здесь. Вероятно, он мог бы помочь в поисках.

— Хорошая идея. Пит, передайте нашим, чтобы по дороге они заскочили в «Мэллори» и захватили его с собой. — Фрейн повернулся к Джименсу: — Идем. Покажите, где вы держали Пушистиков и как они выбрались.

— Так вы говорите, что один из них выбрался из клетки и освободил остальных, — сказал Джек Джименсу, как только они встали на эскалатор. — Вы знаете, кто это был?

Джименс покачал головой.

— Мы не успели подписать клетки.

Это мог быть Маленький Пушистик; он всегда

был мозговым центром семейства. Под его руководством у них был шанс спастись. Беда была только в том, что это место было полно опасностей для Пушистиков. Они совершенно ничего не знали о радиации, ядах, электропроводах и других подобных вещах. Конечно, если они на самом дела бежали. Эта мысль начала тревожить Джека.

Проезжая вниз, он в холлах каждого этажа видел служащих Компании, которые держали сети, покрывала и другое снаряжение для ловли. Когда они сошли с эскалатора, Джименз провел их в большую комнату со стеклянными витринами, заставленными чучелами и скелетами млекопитающих Заратуштры. Люди, находящиеся там, заглядывали во все щели, а некоторые даже осматривали витрины. Джек начал думать, что побег был подлинным, а не подстроенным для того, чтобы скрыть убийство Пушистиков.

Джименз провел их к открытой двери в конце помещения. В следующей комнате ночной светильник отбрасывал бело-голубые блики. Возле двери стоял вращающийся стул. Джименз показал на нет.

— Взобравшись на стул, они могли дотянуться до задвижки и открыть дверь, — сказал он.

Защелка была такой же, как и двери в хижине лагеря, только вместо шишечки здесь была обыкновенная ручка. Наблюдая за выходящими, Пушистики могли понять, как она работает. Фрейн потрогал задвижку.

— Не очень туго, — сказал он. — У ваших маленьких приятелей хватит силы, чтобы открыть ее?

Джек попробовал задвижку и кивнул:

— Конечно. К тому же они достаточно умны, чтобы сделать это. Даже Малыш, единственный оставшийся в лагере, был в состоянии понять, как она открывается.

— Но посмотрите, что они сделали с моим кабинетом, — сказал Джименз, поворачивая светильник.

Они устроили там полный беспорядок. Они ничего не взяли, а просто разбросали вещи. Со стола все было сметено на пол, рядом с кучей мусора валялась пустая корзина для бумаг. Увидев все это, Джек улыбнулся. Все верно, побег был настоящим.

— Вероятно, они искали оружие и в процессе поиска устроили этот кавардак. Вероятно, им также не чужда некоторая мстительность. Юан, мне кажется, они не очень-то любят вас.

— Не вините их, — сказал Фрейн. — Лучше посмотрите на клетки.

Клетки находились в помещении, которое было архивом, кладовой и свалкой и располагалось позади кабинета Джименза. Там тоже был замок с защелкой, и Пушистики, подтащив одну из клеток и забравшись на нее, открыли дверь. Сами клетки были около трех футов шириной и пяти длиной. Деревянный каркас крепился к фанерному дну и был обтянут четвертьдюймовой сеткой. Крышки клеток были на петлях. Вместо замков через скобы были просунуты обыкновенные болты с гайками. На пяти клетках гайки были скручены и болты сняты, а шестая была изломана изнутри. В одном углу сеть была срезана с рамы и отогнута, образовав треугольное отверстие, достаточно большое для того, чтобы в него мог пролезть Пушистик.

— Я не могу понять только одного — сказал Джименз, — почему проволока выглядит так, словно ее разрезали.

— Она и разрезана. Начальник Полиции, на вашем месте я бы снял ремень и выпорол вашего представителя. Он забыл обыскать арестованных. Один из Пушистиков спрятал от него свой инструмент, — он вспомнил, как Маленький

Пушистик и К°-Ко в безрассудной попытке спрятаться пытались зарыться в свои постели, а затем рассказал о маленьких лезвиях, выкованных из стальной пружины. — Я думаю, когда его засовывали в мешок, он держал нож в руках, а чтобы его не было видно, он свернулся в клубок.

— К тому же выждал нужный момент и не пустил его в ход прежде, чем удостоверился, что не будет пойман, — добавил Начальник Полиции. — Эта проволока довольно мягкая, и ее без труда можно разрезать. — Он повернулся к Джимензу: — Ваше счастье, что я не могу выполнять обязанности присяжного. Почему вы не бросили все это дело и помешали Келлогу признать себя виновным?

Герд ван Рибик остановился в дверном проеме и заглянул в кабинет Леонарда Келлога. В последний раз он был здесь, когда Келлог вызвал его для обсуждения вопроса о сухопутных креветках. Теперь, стараясь выглядеть незаинтересованным, в кресле Келлога сидел Мейлин. Напротив него развалился Гус Бранхард. Он курил сигару и смотрел на Мейлина так, словно перед ним была дохлая свинья, и он решал вопрос, стрелять в нее еще раз или не надо. Одетый в мундир представитель суда вопросительно повернулся, а затем снова

вернулся к изучению тщательно выполненной диаграммы, показывающей соотношение млекопитающих Заратуштры. Для себя он снимал копию. Рут Ортерис сидела в стороне от стола и курила. Она посмотрела вверх, но, заметив, что Герд смотрит на нее как на пустое место, снова опустила глаза.

— Вы не нашли их? — спросил он Бранхарда.

Заросший волосами адвокат покачал головой.

— Джек со своей группой осматривает подвал. Макс в лабораториях психологов приводит в нужное состояние полицейских Компании, которые дежурили прошлой ночью. Они говорят, и детектор лжи подтверждает это, что Пушистики не могли выбраться из здания.

— Они не знают, что возможно для Пушистиков, а что — нет.

— То те самое я ему творил, — он указал на Мейлина, — но он не ответил мне ничего вразумительного. Он поражен тем, что они сумели выбраться из клеток.

Рут сказала:

— Герд, мы не обижали их. У нас даже в мыслях не было повредить им. Мы поместили их в клетках только потому, что у нас не было для них подходящего помещения, но мы хотели обо-

рудовать специальную комнату, где они могли бы играть вместе… — заметив, что Герд ее не слушает, она замолчала, придавила сигарету в пепельнице и поднялась. — Доктор Мейлин, раз у этих людей нет ко мне больше никаких вопросов, я пойду немного поработаю.

— Герд, у вас нет к ней вопросов? — спросил Бранхард.

Однажды он хотел спросить ее кое о чем очень важном, но теперь он был доволен, что так и не собрался сделать этого. Черт, как будто Компания является ее мужем. К тому же, если бы она вышла за него замуж, но было бы двоеженством.

— Нет. Я вообще не хочу говорить с ней.

Она пошла к двери, но остановилась.

— Герд, я… — начала она, но затем замолчала и вышла. Гус Бранхард посмотрел ей вслед и стряхнул пепел с сигары на пол кабинета Леонарда Келлога — теперь Эрнста Мейлина.

Герд ненавидел ее, и никто не мог заставить его уважать ее, если он этого не захочет. Она должна была предвидеть, что такое может случиться. Умная девушка никогда не ограничится одним мужчиной, она найдет четверых или пятерых на все случаи жизни и будет играть с ними, как кошка с мышами.

Ей нужно немедленно покинуть Научный Центр, но у нее осталось еще одно дело. Она не рискнула идти в свою контору, потому что в лаборатории напротив Начальник Полиции Фрейн опрашивал людей, используя детектор лжи Научною Центра.

Да, но ведь она может воспользоваться экраном связи. Она вышла в дежурку нижнего холла. Дремавший вахтер сразу же узнал ее и забросал вопросами о Пушистиках. Она отмахнулась от него, подошла к экрану и набрала код. После недолгого ожидания на экране появился пожилой человек с бескровным лицом и тонкими губами. Когда он узнал ее, по его лицу пробежала тень досады.

— Мистер Стенсон, — начала она, прежде чем он успел сказать что-нибудь, — аппаратура, которую я сегодня отправила в вашу мастерскую — детекторы реакции — исправна, просто мы допустили ужасную ошибку. Если их начнут ремонтировать, их только испортят.

— Не понимаю, доктор Ортерис.

— Это была обыкновенная ошибка. Вы знаете, все зашли в тупик. Мистер Хеллоуэй, его адвокат и Начальник Полиции Фрейн прибыли сюда и предъявили ордер, подписанный Судьей

Пэндервисом. Согласно этому ордеру, нам предписывается вернуть Пушистиков. И никто не может сказать, что нам теперь делать. А неисправность аппаратуры заключалась в ошибке оператора. Поэтому мы заберем ее обратно, вот и все.

— Понятно, доктор Ортерис, — сказал старый мастер на все руки. — Но я боюсь, что аппаратуру уже начали ремонтировать. Мистер Стефансон уже забрал ее, а я в настоящее время не могу связаться с ним. Что вы будете делать, если я не смогу исправить эту досадную ошибку?

— Я заберу ее. Я зайду сама или пошлю кого-нибудь.

Она выключила экран. Старый Джонсон, шеф отдела Синтеза Фактов, попытался задержать ее и задать ей несколько вопросов.

— Сожалею, мистер Джонсон, но у меня нет свободного времени. Я должна немедленно уйти из Дома Компании.

Когда Джек Хеллоуэй вернулся с Гердом ван Рибиком, номер люкс в отеле «Мэллори» был переполнен; слышался шум голосов и вентиляторов, старательно очищающих воздух от табачного дыма. В кучке на полу сидели Гус Бранхард, Бен Рейнсфорд и Пушистик Малыш.

— О, мистер Хеллоуэй! — крикнул кто-то из

них. — Вы их уже нашли?

— Нет. Мы сверху донизу облазали весь Научный Центр. С того места, где стояли клетки, они спустились на несколько этажей, вот и все, что нам удалось узнать. Не думаю, чтобы они смогли выбраться наружу: единственный выход на уровне земли охраняется дежурными полицейскими Компании, а с остальных выходов на посадочные площадки просто невозможно спуститься на землю.

— Мистер Хеллоуэй, я не хотел этого говорить, — сказал Бен, — но вы не думали о возможности, что они спрятались в бункере для мусора и их вывалили в энергоконвертор?

— Мы думали об этом. Туда можно попасть только через одну дверь, а она была заперта. Со времени их доставки туда и до начала поисков от мусора не избавлялись, а теперь все, что отправляется в конвертор, тщательно проверяется.

— Хорошо, я рад слышать это, мистер Хеллоуэй, и надеюсь, что все, сказанное здесь, будет приносить радость. Вы остаетесь здесь?

— Да, я буду находиться и в Мэллори-Порте до тех пор, пока не обнаружу их или не получу подтверждения, что их нет в городе. В этом случае я предложу вознаграждение в две тысячи солей за

каждого возвращенного мне Пушистика. Через некоторое время мне должны принести размноженные фотографии…

Виктор Грего поднял кувшин с охлажденным коктейлем.

— Еще? — спросил он Лесли Кумбеса.

— Да, спасибо, — Кумбес держал свой стакан до тех пор, пока тот не наполнился. — Так вы говорите, Виктор, что все сделали так, как я советовал, но совет этот оказался плохим.

Даже из вежливости Грего не мог не согласиться с этим. Он только надеялся, что это было не слишком плохо. Лесли не пытался свалить ответственность на других, хотя, если принять во внимание, как Хэм О'Брайен завершил это дело, он мог спокойно так сделать.

— Я заслуживаю наказания, — беспристрастно сказал Кумбес, словно осуждал ошибки, сделанные Гитлером или Наполеоном. — Во-первых, О'Брайен не должен был пользоваться заранее подписанным бланком, а во-вторых, кто мог предположить, что Пэндервис публично признается, что подписал пустые бланки. Ему здорово досталось от прессы.

Он не думал, что Бранхард или Хеллоуэй попытаются опротестовать ордер, он не ожидал, что

они будут сопротивляться. Келлог тоже не ожидал, что Джек Хеллоуэй выпроводит его со своей земли. Курт Борч думал, что все, что он сделает с оружием, это вытащит его и помашет им перед носом Джека. А Джименз думал, что Пушистики будут спокойно сидеть в своих клетках.

— Хотел бы я знать, куда они подевались, — сказал Кумбес. — Перерыли все здания, но так и не смогли их обнаружить.

— У Рут Ортерис есть неплохая идея. Поэтому она и ушла из Научного Центра прежде, чем Фрейн смог задержать и допросить ее. Около десяти часов она с ассистентом вывезла на грузовике какую-то аппаратуру. Она считает, что Пушистики могли прицепиться и выехать с ними. Я понимаю, что это звучит довольно невероятно, но, черт побери, все, что предполагают другие, просто невозможно. Я доведу это дело до конца. Может, мы сумеем обнаружить их раньше Хеллоуэя. Но в Научном Центре их нет, это точно. — Его стакан опустел. Он подумал, не наполнить ли его снова, и, приняв решение, налил еще. — О'Брайена надо немедленно отстранить от дела, это возможно?

— Вполне. Пэндервис предоставил ему выбор — либо уйти в отставку, либо его обвинят в долж-

ностном преступлении.

— Они на самом деле могут обвинить его или просто пугают? Должностное преступление, возможно, но…

— Они могут обвинить его. А затем они могут воспользоваться детектором лжи. Они спросят его, какие дела он вел в конторе, и… вы знаете, что они могут узнать, — сказал Кумбес. — Конечно, он все еще Генеральный Прокурор Суда; Ник поддержал его. Но если О'Брайен расскажет о любовных связях в Резиденции, Нику не поздоровится.

Теперь о Бранхарде. Он выдвинул иск против Компании и в подтверждение доставил все копии фильмов о Пушистиках. Всемирные Новости набросились на это, словно голодная свинья на желуди, и даже контролируемые нами службы не могут отвлечь их внимание. Я не знаю, кто будет вести эти дела, но кто бы это ни был, он не должен наносить нам ударов. А пока все, что делает Пэндервис, крайне неприятно для нас. Я думаю, для него главное — закон и свидетельские показания, но и они искажаются этой враждебностью. На завтра он назначил встречу мне и Бранхарду. Надо придумать что-нибудь, что бы ему понравилось.

11

Два адвоката медленно поднялись перед вошедшим Главным Судьей. Он ответил на их приветствия, уселся за стал и, потянувшись к серебряной шкатулке для сигар, достал «панателлу». Густавус Адольфус Бранхард взял сигару, отложенную в сторону, и начал сосредоточенно дымить. Лесли Кумбес достал сигарету из своей пачки. Оба они неотрывно смотрели на судью, словно ожидая знака, когда можно будет пустить в ход топоры и рапиры.

— Ну, джентльмены, как известно, у нас на руках два дела об убийстве, и нет ничего для их ведения, — начал он.

— Почему два, Ваша Честь? — спросил Кумбес. — Совершенно легкомысленно обвинять обоих. Один человек убил дикое животное, а другой человека, который пытался убить его.

— Ну, Ваша Честь, я не думаю, чтобы мой клиент был виновен в чем-то по закону или по совести, — сказал Бранхард. — Я хочу, чтобы его оправдали в установленном порядке, — он посмотрел на Кумбеса. — Я думаю, мистер Кумбес тоже должен

хотеть, чтобы и его клиента оправдали в суде, ведь он тоже обвиняется в убийстве.

— Я полностью согласен. Невиновные люди, обвиняемые в преступлении, должны быть публично оправданы. Теперь так, сначала я хочу провести судебное разбирательство по делу Келлога, а затем Хеллоуэя. Вы удовлетворены этим решением?

— Совершенно нет, Ваша Честь, — быстро ответил Бранхард. — Вся защита Хеллоуэя основывается на том, что Борч был убит при попытке вступиться за уголовно преступника. Мы готовы доказать это, но мы не хотим, чтобы наше разбирательство было предвзятым.

Кумбес улыбнулся.

— Мистер Бранхард хочет оправдать своего клиента и тем самым осудить моего. Мы не можем согласиться с такой постановкой вопроса.

— Да, я принимаю ваши возражения, но я устраню их. Мы объединим оба дела и проведем одно единственное судебное разбирательство.

На лице Гуса Бранхарда мгновенно появилась улыбка. Кумбесу же эта мысль совсем не понравилась.

— Ваша Честь, я полагаю, вы предложили это в шутку, — сказал он.

— Нет, мистер Кумбес.

— В таком случае, Ваша Честь, это будет самая неправильная — я не хочу заходить слишком далеко и говорить, что это самая неприличная — процедура судебного разбирательства, о какай я когда-либо слышал. Это не дела соучастников, обвиняемых в одном преступлении, это дела двух человек, обвиняемых в разных преступных действиях, и осуждение одного из них будет почти автоматическим оправданием для другого. Я не знаю, кто заменит Мохаммеда О'Брайена, но в глубине сердца я жалею его. Да ведь пока прокурор будет разбивать дело на части, мы с мистером Бранхардом можем уйти и поиграть где-нибудь в покер.

— Хорошо, мистер Кумбес, у нас будет два прокурора. Я клянусь вам и мистеру Бранхарду, что у каждого дела будет свой прокурор. Вы будете обвинять клиента мистера Бранхарда, а он — вашего. Я думаю, это устранит дальнейшие возражения.

Лицо Бранхарда выражало одновременно и рассудительную серьезность, и безрассудство. Он почти мурлыкал, словно большой тигр, получивший лучший кусок козленка. Учтивость Лесли Кумбеса стала слегка нарушаться.

— Ваша Честь, это превосходное предложение, — заявил Бранхард. — Я с величайшим удовольствием буду вести обвинение клиента мистера Кумбеса.

— Все, что я могу сказать, Ваша Честь, это только то, что первое решение было самым неправильным из всего, что мне известно, но и последнее не украсит вашей репутации! — ответил Кумбес.

— Ну, мистер Кумбес, пользуйтесь законом и правом юриспруденции очень осторожно. Я просто не могу найти пункт, по которому можно было бы запретить проведение подобного процесса.

— Держу пари, вы не обнаружите подобного прецедента!

Лесли Кумбес лучше любого другого мог знать, что угодно.

— На какую сумму пари, Лесли? — с лукавым блеском в глазах спросил Бранхард.

— Не давайте ему прикарманивать ваши денежки. В течение часа я нашел шестнадцать прецедентов в двенадцати различных планетных судах.

— Ну, что же, Ваша Честь, — сдался Кумбес, — я надеюсь, вы знаете, что делаете. Вы объединяете два дела в общий гражданский процесс.

Гус Бранхард улыбнулся.

— А что же это еще такое? — спросил он. — ДРУЗЬЯ МАЛЕНЬКОГО ПУШИСТИКА ПРОТИВ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ КОМПАНИИ ЗАРАТУШТРЫ: я буду действовать как друг неправоспособных аборигенов, чтобы доказать их разумность, а мистер Кумбес в интересах Компании Заратуштры будет оспаривать это, чтобы сохранить права Компании. Все так и будет.

Со стороны Гуса это было невежливо. Лесли Кумбес лишь хотел завершить разговор, будучи уверенным в том, что правам Компании ничего не грозит.

Шел бесконечный поток слухов о Пушистиках, которых видели то здесь, то там, зачастую в разных районах города одновременно. Некоторые сообщения поступали от людей, пытавшихся сделать себе рекламу, другие — от потенциальных лжецов и ненормальных. Наибольшее количество сообщений являлось результатом непреднамеренных ошибок или богатого воображения. Были основания подозревать, что немалая толика этих слухов порождалась Компанией, чтобы запутать розыск. Но та заинтересованность, с которой шли поиски, подбадривала Джека. Кроме того, полиция Компании и департамент полиции

Мэллори-Порта, контролируемый Компанией, тоже вели скрытный розыск.

Каждого, кто оказывался в его распоряжении, Макс Фрейн направлял на розыски. Это было не потому, что он испытывал враждебность к Компании, и не потому, что им руководил Главный Судья, просто Начальник Колониальной Полиции был за Пушистиков. Следовательно, к делу подключилась Колониальная Полиция, на которую администрация Ника Эммерта не имела никакого влияния. Полковник Ян Фергюсон, комендант, непосредственно назначенный Колониальной Службой Земли, связался с Максом и предложил свою помощь. Джордж Лант ежедневно звонил с континента Бета и интересовался развитием событий.

Жить в отеле «Мэллори» было дорого, и Джек продал несколько солнечных камней. Скупщики драгоценностей Компании были с ним почти невежливы, а сам он даже не старался быть вежливым. В банке к нему также отнеслись с прохладцей. С другой стороны, офицер Военно-Космических сил, сопровождавший рядовой и младший офицерский состав, спустившийся сюда с Ксеркса, встретив Джека, представился ему, пожал руку и пожелал скорейшего и благополуч-

ного исхода дела.

Однажды в одном из куполообразных деловых центров с ним поздоровался пожилой мужчина с седыми волосами, торчащими из-под чернот берета.

— Матер Хеллоуэй, я очень огорчился, узнав об исчезновении ваших маленьких друзей, — сказал он. — К сожалению, я ничем не могу помочь вам, но надеюсь, они благополучно вернутся.

— Спасибо, мистер Стенсон, — Джек пожал руку старому мастеру. — Если бы вы могли сделать мне карманный детектор *лжи*, я бы мог сразу проверить людей, утверждающих, что они видели Пушистиков, и это сэкономило бы мне массу времени.

— Да, я делал портативный детектор *лжи* для полицейских. Думаю, однако, что вам нужен прибор для выявления психопатов, но это пока невозможно для науки. Если вы все еще занимаетесь поиском солнечных камней, я могу предложить вам разработанный мной усовершенствованный микролучевой сканер и…

Вместе со Стенсоном Джек вошел в его мастерскую, выпил чашку чая и посмотрел сканер. Воспользовавшись экраном связи Стенсона, он вызвал Макса Фрейна. Еще шесть человек утвер-

ждали, что они видели Пушистиков.

В течение этой недели фильмы, снятые в лагере, показывались так часто, что интерес к ним пропал. Однако Малыш все еще пользовался популярностью, и через несколько дней Джек нанял девушку, чтобы разбирать свежую почту. Однажды, войдя в бар, Джек остолбенел, увидев Малыша на голове какой-то женщины, но, приглядевшись, понял, что это была только кукла в натуральную величину, привязанная эластичной лентой. За неделю шляпы-Пушистики заполнили весь город. Витрины магазинов были украшены куклами-Пушистиками, выполненными в натуральную величину.

Как-то после полудня, через две недели, к Джеку в отель прилетел Начальник Полиции Фрейн. Джек сел в его кар, и Фрейн сказал:

— Я думаю, пора прекращать поиски. Мы все превратились в глупцов и эксгибиционистов.

Джек кивнул.

— И та женщина, с которой мы разговаривали, оказалась глупой, как пробка.

— Да. За последние девять лет она признавалась в каждом преступлении на планете. И это доказывает, что мы бесполезно тратим время, выслушивая всех их.

— Макс, никто их не видел. Вы думаете, их уже нет в живых?

Полный человек встревоженно посмотрел на него,

— Джек, то, что их никто не видел, еще ничего не значит. Никто не видел даже их следов. Вокруг полно сухопутных креветок, но нет ни одного разбитого панциря. А шесть активных и мобильных Пушистиков должны что-то есть. Они должны были появляться на продуктовых рынках и в продовольственных магазинах, залезать в помещение и грабить. Но ничего этого нет. Полиция Компании прекратила их поиски.

— А я не прекращу. Они должны быть где-то рядом, — он пожал руку Фрейну и вылез из кара. — Вы очень любезны, Макс, и я хочу, чтобы вы знали, что я у вас в долгу.

Он проследил, как улетел кар, затем перевел взгляд на город. Сквозь зелень верхушек деревьев просматривались крыши и купола торговых и деловых центров, центров развлечений и отдыха, а над ними возвышались угловатые сигары небоскребов. Лишенный улиц, основанный на антигравитации город, подобный множеству городов на других планетах, новый город, который никогда не знал наземного уличного движения.

Пушистики могут скрываться где-нибудь среди этих деревьев. А может, они все уже погибли, попав в какую-нибудь ловушку, созданную человеком. Он думал о разных смертельно опасных местах, куда они могли забрести. Машины, дремлющие и бесшумные, пока кто-нибудь не нажмет кнопку. Трубопроводы, которые могут быть заполнены без предупреждения водой, паром или ядовитым газом. Бедные маленькие Пушистики, они думают, что город так же безопасен, как и их родные леса, в которых нет ничего хуже гарпии и чертова зверя.

Когда он спустился в номер, Гуса Бранхарда там не было. Бен Рейнсфорд сидел перед экраном и изучал психологический тест, а Герд работал за столом, который притащили специально для него. Малыш сидел на полу и играл яркими игрушками, но едва вошел папочка Джек, он бросил игрушки и подбежал к нему, ожидая, когда его возьмут на руки.

— Звонил Джордж, — сказал Герд. — Они на своем посту тоже завели семейку Пушистиков.

— Да это просто замечательно! — Джек попытался произнести это с восторгом. — Сколько их у него?

— Пять. Три самца и две самки. Они назвали их

Живодер, Заморыш, Поедающий Капусту, Колымага Бордена и Бедовая Бабенка.

— Как только полицейским пришло в голову давать подобные клички безобидным Пушистикам?

— Вы не хотите связаться с полицейским постом и посмотреть на них? — спросил Бен. — Малышу они очень понравились. Думаю, он будет не против снова поболтать с ними.

Джек дал уговорить себя и набрал кодовую комбинацию. Они были хорошими Пушистиками, но, конечно, не такими хорошими, как его собственные. По крайней мере, так ему показалось.

— Если ваше семейство не отыщется до судебного разбирательства, Гус может взять в суд наших, — сказал ему Лант. — У вас должно быть какое-то подтверждение ваших слов. Надеюсь, за две недели это семейство многому научится. Посмотрите, что они уже могут делать, а ведь мы их взяли только сегодня после полудня, они у нас здесь меньше суток.

Джек ответил, что к тому времени он надеется найти своих собственных Пушистиков, хотя и понимал, что говорит это без особой убежденности.

Затем вернулся Гус. Он был в восторге от предложения Ланта. Еще один, кто больше не надеялся

увидеть в живых Пушистиков папочки Джека.

— Мне здесь больше нечего делать, — сказал Рейнсфорд. — До суда я, пожалуй, вернусь на континент Бета. Возможно, я чем-нибудь смогу помочь в обучении Пушистиков Джорджа Ланта. Будь я проклят, если из всей этой чепухи можно что-нибудь извлечь! — он указал в сторону информационного экрана. — Я не знаю и половины значений этих слов, — он выключил экран. — Но я начал понимать, что если Джименз просто не прав, то Рут Ортерис ошибается. Должно же быть у них хоть немного разума.

— Можно быть разумным и не знать этого, — сказал Гус. — Как в старой французской игре — все говорят, и не знают, что говорят прозой.

— Чем вы думаете заняться, Гус? — спросил Герд.

— Не знаю. Сегодня мне в голову пришла мысль — а что, если махнуть на все рукой и посмотреть, что из всего этого получится?

— Мне кажется, разница заключается в зоне сознания, — сказал Эрнст Мейлин. — Вы, конечно, знаете аксиому, гласящую, что только одна десятая нашей умственной деятельности приходится на уровень сознания. Теперь вообразите себе гипотетическую расу, у которой умственный про-

цесс полностью протекает на уровне сознания.

— Надеюсь, она так и останется гипотетической, — сказал с экрана Виктор Греш, который находился в своем загородном доме. — Они не будут признавать нас за разумных существ.

— По их определениям, мы и не можем быть разумными существами, — сказал Лесли Кумбес, появившийся рядом с Грего. — У них будет свой эквивалент правилу «речь и разжигание огня», основывающийся на способности, которую мы даже представить себе не можем.

Возможно, подумала Рут, они отнесли бы нас к существам, обладающим одной десятой разума. Нет, тогда шимпанзе нужно признать существом, обладающим одной сотой долей разума, а плоского червя — одной миллиардной долей.

— Подождите минутку, — сказала она. — Как я понимаю, вы хотите сказать, что неразумное существо думает, но только подсознательно?

— Правильно, Рут. Оказавшись лицом к лицу с какой-то совершенно новой ситуацией, неразумное существо будет думать, но подсознательно. А в хорошо известной ситуации срабатывает рефлекс или просто привычка…

— Знаете, — сказал Грего, — я думаю, нам удастся доказать, что обряд похорон, который

так беспокоит всех нас, они проводят подсознательно, — он замолчал и закурил сигарету. Все выжидающе смотрели на нет. — Пушистики, — продолжил он, — закапывают свои естественные отходы; они делают это, чтобы избежать неприятных ощущений — плохого запаха. Мертвое тело быстро разлагается и плохо пахнет; таким образом, они подсознательно уравнивают его с отходами и тоже закапывают. Все Пушистики носят оружие. Оружие Пушистиков — так же подсознательно — считается частью Пушистиков, следовательно, оно тоже должно быть похоронено.

Мейлин нахмурился. Идея, казалось, понравилась ему, но он просто не мог слишком быстро согласиться с обыкновенным смертным.

— Ну, что ж, мистер Грего, пожалуй, это достаточно безопасное объяснение, — признал он. — Ассоциация совершенно различных вещей, имеющих некоторое очевидное сходство, признается элементом поведения неразумных животных, — он снова нахмурился. — Это МОЖЕТ быть объяснением. Я подумаю над этим.

На другой день это станет его собственной мыслью, в которую Виктор Грего внес некоторые дополнения. Пройдет некоторое время, все

забудется, и это станет теорией Мейлина. Грего, по-видимому, был с мим согласен, ибо отнесся к этому так, словно давал задание доработать чужую идею.

12

Бен Рейнсфорд вернулся на континент Бета, а Герд ван Рибик остался в Мэллори-Порте. Полицейские с Пятнадцатого поста сделали для своих Пушистиков стальные инструменты, и скоро сухопутные креветки почти не стали доставлять им неприятностей. Они также изготовили набор маленьких плотничьих инструментов, при помощи которых Пушистики из остатков упаковочных ящиков построили себе дом. Пара Пушистиков появилась и в лагере Бена Рейнсфорда. Он принял их и назвал Флорой и Фауной.

Теперь у всех были Пушистики, а у папочки Джека остался только Малыш. Джек лег на пол гостиной и стал учить Малыша завязывать узлы на обрывке веревки. Гус Бранхард, проводивший большую часть дня в здании суда, и для него как для специального обвинителя был выделен кабинет, развалился в кресле, облачившись в красно-голубую пижаму, курил сигару и потягивал кофе — потребление виски было снижено до двух порций в день — просматривая тексты на двух информационных экранах одновременно

и изредка что-то черкая в блокноте. Герд сидел за столом и в попытке извлечь что-либо из символической логики переводил почтовую бумагу. Внезапно он смял листок и с проклятием бросил ею в угол. Бранхард отвернулся от экранов и посмотрел на него.

— Не получается, Герд?

Герд снова выругался.

— Черт побери, как я смогу доказать, что Пушистики могут обобщать? — спросил он. — Как я смогу доказать, что они создают абстрактные идеи? Да провалиться мне в преисподнюю, если я могу доказать, что сам думаю сознательно!

— Все работаете над этой идеей?

— Работал. Это казалось мне неплохой идеей, но…

— Может нам вернуться к особенностям поведения Пушистиков и преподнести их как доказательство разумности? — спросил Бранхард. — Похороны, например.

— Но они будут настаивать, чтобы мы установили определение разума.

В эго время вспыхнул экран связи. Малыш с любопытством взглянул вверх, а затем снова стал развязывать узел-восьмерку, который завязал Джек. Джек встал и подошел к экрану. Это был

Макс Фрейн, и к тому же впервые за время их знакомства начальник полиции был возбужден.

— Джек, вы слышали последние новости?

— Нет. Кого-нибудь обнаружили?

— Боже, да! Все полицейские города охотятся на Пушистиков; они получили приказ стрелять без предупреждения. Ник Эммерт платит вознаграждение в пятьсот солей за каждого живого или мертвого Пушистика.

Джек улыбнулся, но когда до него дошел смысл происходящего, лицо его изменилось. Гус и Герд вскочили, и подбежав к экрану, встали позади него.

— Они жили в лагере скваттеров, находящемся на Восточной Стороне. Один из поселенцев подал иск, что Пушистики жестоко обошлись с его десятилетней дочерью, — сказал Фрейн. — Их доставили в полицейский центр, и там полицейские записали рассказ для Новостей Заратуштры и Всепланетных Известий. Конечно, эти полицейские находятся под контролем Компании. Компания изо всех сил старается раздуть это дело.

— Их допрашивали с детектором лжи? — спросил Бранхард.

— Нет. А городская полиция никого не под-

пускает к ним. Девочка говорит, что она играла возле дома, а Пушистики набросились на нее и стали избивать палками. У нее многочисленные синяки, перелом запястья и общее нервное потрясение.

— Я этому не верю! Они не могли напасть на ребенка!

— Я хочу поговорить с девочкой и ее отцом, — сказал Бранхард. — Я потребую, чтобы они сделали свое заявление под детектором лжи. Держу пари на что угодно, что это ложное обвинение. А время выбрали правильно: до суда осталась всего неделя.

— Может, Пушистики хотели поиграть с ней, а она испугалась и причинила боль одному из них. Десятилетний ребенок выглядит довольно большим по сравнению с Пушистиками, а если они решат, что находятся в опасности, они будут жестоко сражаться.

Они еще живые и в городе. Это первое. Но они находятся в большей опасности, чем это можно было бы себе представить, это второе. Фрейн спросил Бранхарда, как быстро он может собраться.

— Пять минут? Хорошо, я захвачу вас, — сказал он. — Готовьтесь.

Джек побежал в спальню, которую он делил с

Бранхардом. Там он быстро сбросил мокасины и надел сапоги. Бранхард, натягивая брюки поверх пижамы, поинтересовался, куда он собирается.

— С вами. Я найду их прежде, чем какой-нибудь бессовестный сын кугхры выстрелит в них.

— Вы останетесь здесь, — приказал Гус. — Останетесь у экрана связи, а видеоэкран переключите на новости. Но не раздевайтесь. Если мы обнаружим Пушистиков, вы должны быть готовым первым выйти отсюда. Сразу же, как только появится что-нибудь определенное, я вызову вас.

Герд переключил экран на канал новостей. Передавали Всепланетные Известия, открыто финансируемые Компанией и действующие от имени Компании. Рассказывали о жестоком нападении на невинного ребенка, и Джека беспокоило это напористое обвинение. В конце концов, благодаря кому убежали Пушистики? Но даже опытный семантик может охарактеризовать звуки, издаваемые Пушистиками, как угрожающие.

Девочка, Лолита Ларкин, около двадцати одного часа вышла из дома, чтобы поиграть на улице, но внезапно была окружена шестью вооруженными дубинками Пушистиками. Безо всякого повода они повалили ее на землю и жестоко избили. Услышав пронзительный крик, ее отец выбежал

из дома и прогнал Пушистиков. Полиция доставила девочку и ее отца, Оскара Ларкина, в Центр, где и был записан их рассказ. Городская полиция и полиция Компании вместе с отрядами горожан прочесывают восточную часть города. Генеральный представитель Эммерт начал действовать немедленно. Он предложил вознаграждение по пятьсот солей за каждого…

— Ребенок лжет, — сказал Джек. — Детектор лжи подтвердит это. Эммерт или Грего, а может оба вместе подкупили этих людей.

— О, это само собой разумеется, — ответил Герд. — Я знаю это место. Трущобы. Рут выполняла там какие-то работы для юношеского суда, — в его глазах отразилась боль. Он на мгновение замолчал, а затем продолжил, — вы можете нанять там любого за сто солей, особенно, когда его за что-то может привлечь полиция.

Он переключился на частоту Всемирных Новостей. Там передавали репортаж об охоте на Пушистиков. Аэрокар с камерой освещал сверху лачуги и корпуса трущоб. Между ними, словно всклокоченные щетки, извивались шеренги людей. Один раз кар вошел в зону действия пулемета, установленного на земле, но тут же отлетел в сторону.

— О! Я доволен, что меня нет в этой веселой компании! — воскликнул Герд. — Если они увидят что-то и решат, что это Пушистик, половина этой банды в десять секунд перестреляет друг друга.

— Надеюсь, что так оно и будет!

Всемирные Новости были за Пушистиков; комментатор с сарказмом относился ко всему происходящему. Вид ощетинившейся винтовками шеренги сменился изображением Пушистиков, трогательно смотрящих вверх в ожидании завтрака.

— Вот они, — сказал комментатор, — эти ужасные монстры, от которых эти храбрые люди защищают нас.

Через некоторое время засверкали ружья и захлопали выстрелы. Комок подкатился к горлу Джека. Поднявшийся кар осветил место, по которому вели огонь охотники. Через некоторое время стрельба прекратилась и толпа собралась вокруг чего-то белою, распростертого на земле. Джек заставил себя посмотреть на это и облегченно вздохнул. Это был загот, одомашненное трехрогое животное.

— Охо-хо! Какой-то скваттер останется без молока, — засмеялся комментатор. — К тому же это уже не первый за сегодняшний вечер.

Общественный Обвинитель — бывший Генеральный Прокурор — в результате этого получит несколько исков к администрации о возмещении ущерба.

— И плюс к ним еще один от Джека Хеллоуэя.

Загудел зуммер экрана связи. Герд включил его.

— Я говорил с судьей Пэндервисом, — едва проявившись на экране, отрапортовал Гус Бранхард. — Он запретил Эммерту выплачивать вознаграждение за Пушистиков. Исключение составляют только те, которые живыми и невредимыми будут доставлены к начальнику полиции Фрейну. Он также предупредил, что до тех пор, пока статус Пушистиков не будет установлен, каждый, кто убьет Пушистика, будет обвинен в убийстве разумного существа.

— Это прекрасно, Гус! Вы видели девочку и ее отца?

Бранхард раздраженно зарычал.

— Девочка находится в больнице Компании. Ее положили в отдельную палату, и доктор никому не разрешает навещать ее. Отец, кажется, находится в резиденции Эммерта. К тому же я не нашел ни двоих полицейских, доставивших их сюда, ни сержанта, который записал жалобу,

ни дежурившего здесь лейтенанта. Все удрали. Пара человек Макса пытается найти в трущобах людей, которые вызвали полицейских на место происшествия. Может, из этого что-нибудь получится.

Несколько минут спустя объявили заявление Главного Судьи. Еще через несколько минут группы охотников начали распадаться. Городская полиция и полиция Компании немедленно отсеялись. Большинство штатских, надеющихся получить пятьсот солей за пойманного живого Пушистика, продолжали оставаться на своих местах. Несколько полицейских, вероятно, для контроля, прогуливались среди них. Минут через двадцать объявили, что Эммерт отказывается от выплаты вознаграждения. После этого прожектора, подвешенные в воздухе, были убраны и все разошлись.

Вскоре пришел Гус Бранхард. Едва прикрыв за собой дверь, он начал раздеваться. Сняв куртку и галстук, он плюхнулся в кресло, наполнил стакан виски с содовой и одним глотком опорожнил его, а затем начал стаскивать сапоги.

— Если бы у этого напитка была младшая сестра, я и ее тоже не отказался бы выпить, — пробормотал Герд. — Что случилось, Гус?

Бранхард выругался.

— Все это фальсификация, чтоб им вариться в аду на медленном огне, — он поднял окурок сигары, который забыл, уходя из гостиницы, и снова зажег его. — Мы нашли женщину, вызвавшую полицию. Соседка. Она говорит, что видела, как пьяный Ларкин вернулся домой, а немногого погодя услышала крики девочки. Он всегда бил ее, когда возвращался, а это случалось по меньшей мере пять раз в неделю. Вот она и решила вызвать полицию, чтобы прекратить эти издевательства. Она говорит, что никогда не видела ничего, что было бы даже отдаленно похоже на Пушистиков.

Волнения прошедшей ночи принесли новую серию сообщений о Пушистиках. Джек пришел в кабинет начальника полиции, чтобы опросить людей. Первая дюжина относилась к знакомой уже категории заявлений. Затем он разговаривал с молодым человеком, заявление которого было несколько иного рода.

— Я видел их так же ясно, как вижу вас, не далее чем в пятнадцати футах, — сказал он. — У меня был авто-карабин, и я шел на них, но, черт побери, я не мог выстрелить! Они словно маленькие люди, мистер Хеллоуэй, и они были так напуганы и беспомощны… Я выстрелил в воздух и позволил

им исчезнуть прежде, чем их мог заметить кто-нибудь другой, кто не захотел бы стрелять мимо.

— Спасибо, сынок. Дай я пожму твою руку. Ты ведь отказался от своих денег таким образом. Сколько же было Пушистиков?

— Я видел четырех. Я слышал, что их должно быть шесть, но два других могли держаться в стороне, и я не заметил их.

Он отметил на карте это место. Было еще три человека, которые могли действительно видеть Пушистиков. Никто не мог сказать, сколько их было, но все они были точны относительно места и времени. Отметив все это на карте, Джек понял, что Пушистики двигаются на северо-запад, придерживаясь окраины города.

Все еще ругаясь, но уже полушутливо Бранхард пришел на обед в отель.

— Они откопали Хэма О'Брайена и поручили ему постоянно беспокоить нас, — сказал он. — Лесли Кумбес работает над материалом для суда, он оформил на нас множество штатных исков, жалоб и тому подобного. Он даже пытался заставить администратора выселить отсюда Малыша, но я пригрозил обвинением в расовой дискриминации, и это остановило его. Знаете, я от имени Пушистиков написал иск на семь миллионов

солей против Компании — миллион за каждою Пушистика и миллион за их адвоката.

— Сегодня вечером, — сказал Джек, — я с двумя представителями Макса улечу на каре. Мы возьмем с собой Малыша и мегафон, — он развернул карту города. — Они, кажется, двигаются вот этой дорогой. К вечеру они должны быть где-то здесь. Надеюсь, Малыш сумеет привлечь их внимание.

Они продолжали этот своеобразный поиск до сумерек, но так ничего и не обнаружили. Малыш замечательно провел время с мегафоном. Когда он уикал в микрофон, снаружи раздавался пронзительный, закладывающий уши звук. Как только он открывал рот, три человека, находившиеся в каре, вздрагивали. Кроме того, этот звук раздражающе действовал на окрестных собак; на протяжении всего полета доносился собачий лай и завывание.

На следующий день поступило несколько рапортов о мелких кражах. Исчезло шерстяное одеяло, сушившиеся на дереве за домом. С кушетки на веранде пропали две подушки. Взбешенная мать доложила, что обнаружила своего шестилетнего сына, играющим с каким-то Пушистиком; когда она бросилась спасать свое чадо, Пушистик поспешно убежал, а ребенок расплакался, Джек

и Герд бросились туда. Путаный и приукрашенный воображением рассказ ребенка был точен только в одном: Пушистики были добры с ним и не обижали его.

Когда они вернулись в отель, Гус Бранхард, торжествующий и веселящийся, был уже там.

— Главный Судья поручил мне на суде выполнять функции специальною обвинителя, — сказал он. — Я проведу следствие с целью выяснить причины, повлекшие за собой события прошедшего вечера и ночи. В моей власти задержать слушание дела, вызвать в суд нужных свидетелей и допросить их под детектором лжи. Макс Фрейн получил распоряжение помогать мне. Работа идет к завершению. Завтра мы подключим к этому шефа полиции Дюмона. Может, нам удастся собрать сведения о Нике Эммерте и Викторе Грего, — он громоподобно рассмеялся. — Думаю, это доставит некоторое беспокойство Лесли Кумбесу.

Герд снизил кар и сделал круг над прямоугольной ямой. Она имела пятнадцать футов в длину и двенадцать в глубину. Рядом с ней валялись лопаты, а чуть в стороне стояли две мусорные шаланды. Как только кар совершил посадку, навстречу ему поднялись пять или шесть человек в

рабочих комбинезонах и сапогах.

— Доброе утро, мистер Хеллоуэй, — сказал один из них. Это сразу за холмом. Мы ничего там не трогали.

— Пожалуйста, расскажите еще раз, что вы видели. Мой партнер не слышал этого.

Мастер повернулся к Герду.

— Около часа назад мы произвели два взрыва. Один из людей, укрывшихся за краем холма, увидел, как Пушистики выбежали из-под выступа скалы и побежали по этой впадине, — он указал рукой. — Он позвал меня, и, спустившись, я нашел место, где они разбили лагерь. Здесь твердые породы, и поэтому мы используем довольно мощные заряды. Ударная волна испугала Пушистиков, вот они и убежали.

По высокой траве с рассеянными пятнами цветов они подошли к краю холма, миновав серые обнажения пород известняка в форме миниатюрных скал. Под нависающим выступом они обнаружили две диванные подушки, красно-серое шерстяное одеяло и остатки одежды, которые выглядели так, словно их использовали в качестве половых тряпок. Там такте были сломанная ложка, старый ржавый нож и некоторые другие металлические предметы.

— Ну, ладно. Я поговорю с людьми, лишившимися одеяла и подушек. Вероятно, Пушистики разбили здесь лагерь прошлой ночью, когда ваша группа уже закончила работу, а сегодня взрывы потревожили их. Вы говорили, что они уходили этой дорогой? — спросил он, указан на ручей, текущий с горы на север.

Ручей был глубокий и быстрый, поэтому Пушистики не могли перейти его вброд. Вероятно, они вернулись к подножию холма. Он записал имена рабочих и поблагодарил их. Если он сам найдет Пушистиков, то на основании полученной информации сможет решить, какое вознаграждение выплатить каждому.

— Герд, если бы вы были Пушистиком, куда бы вы побежали? — спросил он.

Герд взглянул на несшийся к подножью холма поток.

— Выше по течению стоит несколько домов, — сказал он. — Я бы искал их там. Поднявшись по этой лощине, они могут прятаться среди скал, где их не достанут чертовы звери. Конечно, так близко к городу чертовы звери не подходят, но ведь Пушистики этот не знают.

— Нам надо не менее пяти каров. Я вызову дежурного офицера и посмотрю, чем он сможет

мне помочь. К сожалению, Макс очень занят. Он по уши влез в следствие, начатое Гусом,

Пит Дюмон, шеф полиции Мэллори-Порта, мог быть хорошим полицейским, но за время, что его знал Бранхард, он лгал только тем, чем он был сейчас — пустой скорлупой несносного высокомерия. Пытаясь выразить на лице волю, он становился еще более неприятным. Он сидел в кресле, похожем на старый электрический стул или средневековый станок для пыток. На его голове был яркий шлем, а к различным частям тела были прикреплены электроды. Позади него находился большой экран, переливающийся различными цветами, от темно-синего и фиолетового до розовато-лиловых оттенков. Но это происходило от нервного напряжения и гнева человека, подвергшегося унизительному допросу с помощью детектора лжи. Когда он говорил правду, экран светился спокойным зеленовато-голубым светом. Когда он начинал лгать и намеренно искажать факты, экран становился ярко-красным.

— Вы сами знали, что Пушистики не причинили никакого вреда этой девочке? — спросил Бранхард.

— Мне ничего не было известно, — возразил

шеф полиции. — Я знаю только то, о чем мне доложили.

Экран стал ярко-красным, и цвет этот постепенно перешел в пурпурный.

— Кто доложил вам об этом?

— Лейтенант Воллер. Он дежурил в то время.

Детектор лжи согласился, что это была правда и ничего, кроме правды.

— Вы знали, что на самом деле Ларкин сам избил девочку, а Воллер уговорил их свалить все это на Пушистиков? — спросил Макс Фрейн. Но это был не вопрос, а утверждение.

— Я не знал ничего подобного! — завопил Дюмон. Экран вспыхнул красным. — Я знаю только то, что рассказали мне они. — Красный и синий цвета то и дело сменяли друг друга. Так происходило всегда, когда допрашиваемый пытался уйти от ответа. — Насколько мне известно, это сделали Пушистики.

— Нет, Пит, — терпеливо сказал ему Фрейн. — Вы довольно часто пользовались детектором лжи, подобно этому, и должны знать, что вам все равно не уйти от правды. Вы знали о подлости, совершенной Воллером. Вам лучше признаться, что Пушистики никогда не трогали эту девочку. Ведь до тех пор, пока Воллер в штабе не погово-

рил с Ларкиным и его дочерью, никто даже не упоминал о Пушистиках.

Цвет на экране вылился в небесную голубизну.

— Да, это так, — признал Дюмон. Он опустил глаза, и голос его стал глухим. — Я говорил Воллеру, что все так и будет, но он рассмеялся и сказал, чтобы я забыл об этом. — Экран отразил бушевавший в нем гнев. — Этот сын кугхры думает, что шеф полиции он, а не я. Одно мое слово, и от него не останется ничего.

— Теперь вы поумнели, Пит, — сказал Фрейн. — Давайте начнем все сначала…

Кар Джека, арендованный в отеле, вел полицейский капрал. Герд занял один из полицейских каров. Третий кар двигался между ними. Хотя расстояние и не позволяло им видеть друг друга, их рации были постоянно настроены на прием.

— Мистер Хеллоуэй, — это был полицейский, пилотирующий кар Герда. — Ваш партнер приказал опуститься и покинул кар. Теперь он связался со мной по портативной рации и сообщил, что обнаружил разбитий панцирь креветки.

— Дайте мне пеленг, — сказал капрал, поднимая машину повыше.

Через несколько секунд они заметили второй кар, парящий над узким ущельем по левому бере-

гу ручья. Третий кар заходил с севера. Герд сидел на корточках и что-то рассматривал, когда они опустились возле него. Как только они выпрыгнули из кара, он поднял голову.

— Так и есть, Джек, — сказал он. — Квалифицированная работа Пушистиков.

Так оно и было. Они пользовались чем-то тупым и тяжелым: вместо того, чтобы быть просто отделенной от туловища, голова была разбита. Панцирь, однако, был расколот снизу в обычной манере, и все четыре нижние челюсти были разломаны и чисто обглоданы. И это было сделано совсем недавно.

Они послали кары вверх, и пока те кружились над их головами, Джек с Гердом стали подниматься по ущелью, крича:

— Маленький Пушистик! Маленький Пушистик!

Они обнаружили маленький след, а затем еще один в месте, где просочившаяся вода смочила землю. Герд что-то возбужденно заговорил в микрофон портативной рации, висевшей у него на груди.

— Один из вас продвинется на четверть мили вперед, а затем кругами вернется назад. Они где-то здесь. Я вижу их! Вижу! — донесся голос из

динамика рации. — Они поднимаются по косогору среди камней, прямо перед вами!

— Следите за ними. Пусть кто-нибудь подберет нас. Попробуем перехватить их наверху.

Арендованный кар быстро спустился, и капрал открыл перед ними дверцу. Он даже не ослабил антигравитационное поле. Как только они забрались в кабину и закрыли за собой дверцу, кар снова взмыл вверх. Едва лишь холм провалился вниз, как Джек увидел Пушистиков, поднимающихся по косогору среди камней. Их было только четверо, и одному из них все постоянно помогали. Джеку хотелось знать, что случилось с двумя другими Пушистиками и насколько серьезно ранен тот, которому требовалась помощь.

Кар совершил посадку на верхней площадке под весьма неудобным углом. Джек, Герд и пилот вывалились из кабины и соскользнули вниз по склону. Затем Джек заметил, что Пушистик находится в пределах его досягаемости, и схватил его. Двое других пронеслись мимо него по склону крутого холма. Он перехватил в руки Пушистика: тот хотел со злостью ударить его по лицу. Он повернул Пушистика и обезоружил его. Оружием оказался четверть фунтовый молоток с круглым бойком. Джек положил его себе в задний карман

и двумя руками поднял сопротивляющегося Пушистика.

— Вы ударили папочку Джека, — с упреком сказал он. — Вы больше не хотите знать папочку Джека? Бедные, испуганные маленькие существа!

Пушистик в его руке раздраженно уикнул. Джек присмотрелся повнимательнее. Он никогда раньше не видел этого Пушистика. Он не был похож ни на Маленького Пушистика, ни на забавного и напыщенного Ко-Ко, ни на озорного Майка. Это был чужой Пушистик.

— Да это и не удивительно: конечно, вы не знаете папочку Джека. Ведь вы же не были Пушистиком папочки Джека.

На верхней площадке полицейский капрал сидел на камне и держал под мышками двух Пушистиков. Когда они увидели, что их товарищ тоже превратился в пленника, они прекратили сопротивление и жалобно зауикали.

— Ваш друг преследует еще одного, — сказал капрал. — Вы уж лучше заберите этих двух: они вас знают, а меня — нет.

— Держите их крепче; они знают меня не больше чем вас.

Одной рукой он достал кусок Рациона-три из

кармана пиджака и предложил его Пушистику. Тот удовлетворенно зауикал, схватил его и жадно проглотил. Вероятно, он уже пробовал его раньше. Затем Джек передал капралу другой кусок. Самец и самка, сидевшие у тот на руках, тоже хорошо знали, что это такое. Снизу послышался голос Герда:

— Я поймал одного. Это самочка, только не знаю, Майзи это или Золушка. И, боже мой, посмотрите, что она несла!

Герд вошел в зону видимости остальных. Под одной его рукой бился четвертый Пушистик, а на изгибе другой пищал маленький черный котенок с белой мордочкой. Он выглядел тоже ошеломленным случившимся и с досадой и смутным любопытством следил за происходящим.

— Это не наши Пушистики, Герд. Я никогда раньше не видел их.

— Вы в этом уверены?

— Конечно, уверен! — негодующе воскликнул Джек. — Вы думаете, я не узнаю своих Пушистиков? Вы думаете, они не узнают меня?

— А откуда взялась кошка? — поинтересовался капрал.

— Бог знает. Они могли подобрать ее где-нибудь. Она несла ее на руках, словно ребенка.

— Они знают, что такое Рацион-три, значит, они жили у кого-нибудь из людей. Держу пари, этот человек потерял их так же, как я своих. Возвращаемся в отель.

Где же его собственные Пушистики? Он может больше никогда не увидеть их. Эта мысль пронзила его, когда они с Гердом снова заняли свои места в каре. С тех пор, как его Пушинки выбрались из своих клеток в Научном центре, никто не видел даже их следов. Эта четверка появилась в ночь, когда городская полиция сфальсифицировала нападение на девочку Ларкина. С того времени, когда их заметки молодой человек, который не смог выстрелить в них, они постоянно оставляли следы, по которым их легко было бы обнаружить. Почему же его Пушистики за три недели, что они были на свободе, не привлекли ничьего внимания?

Потому что его Пушистиков больше не было в живых. Они так и не выбрались из Научного центра. Кто-то, кого Макс Фрейн не сумел допросить под детектором лжи, убил их. Джек даже не пытался переубедить себя.

— Мы остановимся в их лагере и заберем одеяло, подушки и остальные вещи. Людям, которые лишились этих вещей, я выплачу их стоимость, —

сказал он. — Пушистики не должны потерять свое имущество.

13

Администрация гостиницы «Мэллори» переменила свое отношение к Пушистикам. А может, просто подействовала угроза Гуса Бранхарда привлечь их к ответственности за расовую дискриминацию, если Пушистиков признают разумной расой, или решила, что привилегированная Компания Заратуштры не так всемогуща, как они полагали. Так или иначе, но большое помещение, обычно используемое для проведения банкетов, было предоставлено Пушистикам, привезенным Джорджем Лантом на судебное разбирательство. Четыре новых Пушистика с их черно-белым котенком были устроены там же. В комнате было множество различных игрушек и большой обзорный экран. Вновь прибывшая четверка немедленно подбежала и включила его. Они смотрели, как вверх и вниз ходит погрузочное судно муниципального космического порта, и восхищенно уикали. Только котенку это быстро надоело.

С некоторыми опасениями Джек принес Малыша и представил им. Они были в восторге от

Малыша, а Малыш решил, что котенок — это самая прекрасная вещь, какую он когда-либо видел. Когда пришло время кормить Пушистиков, Джек принес свой обед и поел вместе с ними. Немного позднее к ним присоединились Гус и Герд.

— Мы забрали дочку Ларкина вместе с ее отцом, — сказал Гус. А затем фальцетом добавил: — Отец избил ее, а полицейские велели сказать, что это были Пушистики.

— Она так и сказала?

— Под детектором лжи, перед дюжиной свидетелей и экраном, голубым как сапфир. Всемирные Новости объявят это сегодня вечером. Ее отец тоже признался, он назвал Воллера и сержанта. Мы еще увидим их. Я не успокоюсь до тех пор, пока не подберусь поближе к Эммерту или Грего.

Дело двигается неплохо, думал Бранхард, но можно было и лучше. Четыре Пушистика ниоткуда попали прямо в середину группы охотников Ника Эммерта. Их где-то держали до поры до времени — ведь им известен Рацион-три, и они умеют пользоваться видеоэкраном. К тому же, их появление слишком совпадает по времени со всем происходящим, чтобы быть случайностью. Все это пахло ловушкой.

Но все же в этом было и кое-что хорошее. Судья

Пэндервис в связи с широким общественным интересом к делу и чтобы избежать влияния Компании Заратуштры на его развитие, решил поручить это беспристрастное судебное разбирательство трем судьям. Одним из них он записал себя. Даже Лесли Кумбес согласился с этим.

Гус рассказал Джеку об этом решении. Джек внимательно выслушал от, а затем сказал:

— Знаете, Гус, я доволен, что разрешил Маленькому Пушистику курить мою трубку, когда он захотел этого.

Он чувствовал, что не может быть беззаботным, если дело будут разбирать сразу три судьи.

Бен Рейнсфорд со своими двумя Пушистиками, а также Джордж Лант, Ахмед Кхадра и другие свидетели со своими семьями Пушистиков прибыли в субботу утром. Пушистики были расквартированы в банкетном зале и быстро подружились с находившейся там четверкой и Малышом. И хотя каждая семья ложилась спать отдельно, ели они вместе, вместе играли игрушками и тесной группой зачарованно следили за происходящим на видеоэкране. Правда, сперва пойманная Джеком четверка проявляла ревность, если их котенку уделялось слишком много внимания, но затем, решив, что никто не пытается украсть его,

успокоилась.

Это могло быть забавным — одиннадцать Пушистиков, Малыш и черно-белый котенок — если бы перед глазами Джека все время не стояло его собственное семейство — шесть маленьких призраков, которые наблюдают, но не могут присоединиться к играющим.

Макс Фрейн оживился, когда увидел, кто появился на его экране.

— Полковник Фергюсон, рад вас видеть.

— Начальник полиции, — широко улыбнулся Фергюсон. — Через минуту вы обрадуетесь еще больше. Двое моих людей с Восьмого поста подобрали Воллера и сержанта Фуэнтеса.

— Ха! — Фрейн почувствовал, как внутри у него поднимается теплая волна, словно он пропустил глоточек медового рома с Бальдура. — Где?

— Мы узнали, что у Ника Эммерта есть охотничья сторожка. Восьмой пост постоянно следил за ней. Сегодня, пролетая над ней на каре, лейтенант зарегистрировал слабое инфракрасное излучение, словно излучающее тело находилось внутри сторожки. Спустившись вниз, он обнаружил находящихся в домике Воллера и Фуэнтеса. Мы доставили их на пост, и там под детектором лжи они признались, что ключ от сторожки им

дал Эммерт. Он велел им спрятаться там и выйти только после окончания суда. Они же подтвердили, что работали на Эммерта. Это была одна из личных вспышек гениальности Воллера, но все-таки его счет в банке существенно пополнился. Их привезут завтра утром.

— Это великолепно, полковник! Служба Новостей уже знает об этом?

— Нет. Прежде чем объявлять об этом, мы хотим допросить их в Мэллори-Порте и записать их показания. Если мы не сделаем этого, кто-нибудь может заставить их замолчать.

Это было то, что беспокоило Макса. Он сказал об этом Фергюсону, и тот кивнул в ответ. Некоторое время он колебался, затем сказал:

— Макс, как вам нравится ситуация, сложившаяся в Мэллори-Порте? Будь я проклят, если мне она нравится.

— Что вы имеете в виду?

— В городе слишком много чужих, — сказал Ян Фергюсон. — Все незнакомы — сильные молодые люди от двадцати до тридцати лет. Они ходят парами и небольшими группами. И каждый раз, когда я обращаю на них внимание, их вроде бы становится все больше.

— Ян, это молодежь планеты. Когда начнется

суд, в городе будет еще больше народу…

— Нет, Макс. Это не ротозеи, приехавшие на суд. Мы оба знаем, на кого они похожи. Ты помнишь, что было, когда судили братьев Гауи? Они не развлекаются, не затевают драк и не устраивают дебошей в барах. Эти группы тихи и незаметны, словно они ожидают какого-то приказа.

— Просачивание, — дьявол, он сам первый сказал это. — Виктора Грего они тоже тревожат.

— Я знаю это, Макс. Виктор Грего, как и бык степняка, не опасен до тех пор, пока не напуган. А против этих людей мы с вами можем продержаться так же долго, как пинта джина на похоронах дьявола.

— Вы хотите нажать кнопку и вызвать панику?

Полковник нахмурился.

— Я не хочу этого. Если я сделаю это, мнение, сложившееся обо мне на Земле, может измениться. Попробуем обойтись без этого. Я предприму еще одну проверку.

Герд ван Рибик разложил на столе бумаги, сваленные в кучу, раскурил сигарету и начал смешивать себе коктейль.

— Пушистики являются разумной расой, — заявил он. — Они рассуждают логически, как

дедуктивно, так и индуктивно. Они учатся, экспериментируют, анализируют и ассоциируют. Они формулируют общие принципы и обращаются к характерным примерам. Они заранее планируют свою деятельность. Они создают артефакты. Они способны символизировать, выражать идеи в символической форме и формировать символы через абстрактные формы объектов.

Они — творцы и обладают чувством прекрасного, — продолжал он. — Ничего не делая, они начинают скучать и в то же время наслаждаются работой и получают удовольствие от решения каких-либо проблем. Они церемониально хоронят мертвых и закапывают их артефакты вместе с ними.

Он выпустил кольцо дыма и попробовал коктейль.

— Кроме того, они выполняют плотницкие работы, свистят в полицейский свисток, изготовляют инструменты для добычи и разделки сухопутных креветок, которыми они питаются, и собирают конструкции из шаров и палочек молекулярной модели. Ясно, что они разумные существа. Но, пожалуйста, не заставляйте меня давать определение разуму, потому что это богом проклятое занятие. Я не могу сделать этого!

— Мне кажется, вы поступаете правильно, — сказал Джек.

— Нет, неправильно. Я хочу полной ясности.

— Не беспокойтесь, Герд, — сказал Гус Бранхард. — Лесли Кумбес принесет в суд блестящее определение разума. А мы его используем.

14

Как всегда, Фредерик и Клодетта Лэндервис вместе спустились на наземную стоянку, и, как всегда, Клодетта остановилась и прикрепила к груди сорванный цветок.

— Пушистики будут в суде? — спросила она.

— Да, будут. Утром я не знал об этом, но ведь это будет простой формальностью, — на его лице появилось выражение полуулыбки, полу недовольства. — Я не представляю себе, то ли их рассматривать как свидетелей, то ли как вещественные доказательства. Во всяком случае, сначала я их никак не буду называть. С драй стороны, Кумбес или Бранхард могут обвинить меня в предвзятости.

— Я хочу увидеть их. Я, конечно, видела их на экране, но теперь я хочу увидеть, какие они на самом деле.

— О, Клодетта, ты уже давно не ходила на судебные разбирательства. Ну ладно, если их доставят сегодня, я позвоню. Злоупотребляя своим служебным положением, я даже попытаюсь договориться, чтобы ты увидела их вне зала засе-

даний. Как тебе это понравится?

Ей это нравилось. У Клодетты была удивительная способность восхищаться подобными вещами. Они на прощание поцеловались, и он направился к своему аэрокару. Водитель услужливо открыл перед ним дверцу, и судья уселся на свое место. Когда кар поднялся в воздух, он оглянулся. Она все еще стояла на краю стоянки и смотрела ему вслед.

Ему казалось не совсем безопасным брать ее с собой. Макс Фрейн опасался каких-то возможных неприятностей, и Ян Фергюсон тоже предупреждал об этом, а ведь ни тот, ни другой никогда не делали необоснованных предположений. Когда кар начал спускаться на крышу здания Центрального суда, он заметил отблеск винтовочных стволов и мерцание стальных шлемов охранников. Обычно они были вооружены пистолетами. Покинув кар, он увидел, что их мундиры были более голубыми, чем у полицейских. Короткие сапоги и красная полоса на шортах — это Голубые Космодесантники. Значит, Ян Фергюсон все-таки нажал кнопку. Клодетта могла бы быть здесь в большей безопасности, чем дома, подумал он.

Навстречу ему поднялись сержант и двое ею людей. Сержант коснулся козырька своего шлема,

что отдаленно напоминало салют Десантников.

— Судья Пэндервис? Доброе утро, сэр.

— Доброе утро, сержант. Почему Федерация Десантников охраняет здание суда?

— Защита, сэр. Приказ командора Напьера. Люди начальника полиции Фрейна охраняют нижнюю палубу. Десантный капитан Насагара и военный капитан Грибьенфельд ожидают вас в вашем кабинете.

Как только он направился к лифту, в зоне видимости появился большой кар Компании Заратуштры. Сержант быстро повернулся, подозвал своих людей и пошел ему навстречу. Хотелось бы знать, что думает Лесли Кумбес об этих десантниках…

У офицеров, сидевших в кабинете Пэндервиса, на портупеях висело оружие. С ними находился Макс Фрейн. Приветствуя судью, они поднялись, и, когда он подошел к своему столу, снова сели. Он задал им несколько вопросов, ответы на которые он уже получил у сержанта.

— Ваша честь, вчера вечером полковник Фергюсон вызвал командора Напьера и попросил вооруженной помощи, — сказал офицер в черном мундире Военно-космического флота. — Он подозревает, что в городе происходит просачи-

вание. В этом, ваша честь, он совершенно прав. В среду после полудня капитан десантников Насагара начал высадку Десантных сил просачивания. Это надо было сделать прежде, чем занять Резиденцию. Сейчас это уже выполнено. Там находится командор Напьер. За ряд должностных преступлений и порочную практику обвинений Генеральный Представитель Эммерт и Главный прокурор О'Брайен взяты под арест. Но вам не придется их судить. Для суда они будут отправлены на Землю.

— Значит, введено военное правление командора Напьера?

— До окончания судебного разбирательства он будет контролировать его сам. Мы хотим знать, законны действия администрации или нет?

— Но в таком случае вы ведь сами помешаете разбирательству.

— Это зависит от обстоятельств, ваша честь. Мы, конечно, примем в них участие, — он выжидающе посмотрел на судью. — Вы не перенесли начало разбирательства? Значит, у меня есть время, чтобы все объяснить вам.

Макс Фрейн приветливо встретил их у дверей зала заседаний. Затем он заметил на плече Джека Малыша, и по его лицу пробежала тень

сомнения.

— Я не знал о нем, Джек. Я думаю, его не допустят в зал заседаний.

— Вздор! — ответил Гус Бранхард. — Я допускаю, что он одновременно и неразумный ребенок, и неправоспособный абориген, но он единственный оставшийся в живых член семьи убитой самки, называемой Златовласка. Это дает ему множество неоспоримых прав для того, чтобы присутствовал.

— Эти права продержатся до тех пор, пока он не залезет кому-нибудь на голову. Гус, вы с Джеком будете сидеть там, а Бен и Герд займут места в секции для свидетелей.

До начала заседания оставалось еще полчаса, но все места для секретарей и балконы для зрителей были заняты. Ложа присяжных, находившаяся слева от судей, была занята офицерами Военно-космического флота и Голубого десанта. По-видимому, роль присяжных они приберегли для себя. Ложа прессы, ощетинившаяся объективами различных кино- и фотокамер, а также звукозаписывающим оборудованием, была набита битком.

Малыш с интересом взглянул на большой экран, расположенный позади судейских кресел;

пока передавали вид зала суда. Это выглядело так, словно перед присутствующими находилось большое зеркало. Малыш увидел себя на экране и возбужденно взмахнул ручкой. В это мгновение в дверях, через которые они вошли, произошла заминка, а затем появился Лесли Кумбес, следом за ним Эрнст Мейлин с двумя ассистентами, Рут Ортерис, Юан Джименз и… Леонард Келлог. Последний раз Джек видел Келлога в помещении полицейского поста Джорджа Ланта. Тогда он был забинтован и одет в чужие мокасины, потому что его ботинки, запятнанные кровью Златовласки, были конфискованы как улика.

Кумбес посмотрел в направлении стола, где сидели Джек и Бранхард, заметил Малыша, махавшего ручкой своему изображению на экране, и с негодующим протестом повернулся к Фрейну. В ответ тот только покачал головой. Кумбес снова запротестовал, но, получив ответ, пожал плечами и повел Келлога к оставленному для них столу.

Появились Пэндервис и два других судьи. Низкий круглолицый человек сел справа от Пэндервиса, высокий стройный мужчина с седыми волосами и черными усами, занял место слева. Началось судебное разбирательство. Были зачитаны оба обвинения, а затем Бранхард как

обвинитель Келлога обратился к суду:

— …существо, известное как Златовласка… разумный член разумной расы… Умышленные, обдуманные действия Леонарда Келлога… жестокое и вызывающее убийство…

Он отошел, сел на место, взял малыша и стал ласкать его, пока Лесли Кумбес обвинял Джека Хеллоуэя, напавшего и жестоко избившего вышеупомянутого Леонарда Келлога и безжалостно застрелившего Курта Борча.

— Хорошо, джентльмены. Думаю, мы можем начать выслушивать свидетелей, — сказал главный судья. — С кого начнем?

Гус передал Малыша Джеку и вышел вперед. Кумбес шагнул вслед за ним.

— Ваша честь, это судебное разбирательство сводится к тому, что необходимо установить, являются ли существа вида Пушистик Пушистый Хеллоуэя с Заратуштры членами разумной расы или нет, — сказал Гус. — Тем не менее, прежде чем рассматривать этот вопрос, мы должны точно установить, что произошло в лагере Джека Хеллоуэя, расположенном в Долине Холодного ручья девятнадцатого июня 654 года Атомной эры. Установив это, мы можем перейти к вопросу, относится ли вышеупомянутая Златовласка к

разумным существам или нет.

— Я согласен, — спокойно сказал Кумбес. — Думаю, предложение мистера Бранхарда сократит время судебного разбирательства.

— Мистер Кумбес, не можете ли вы выдвинуть какое-нибудь определение, которое помогло бы нам установить, относится ли Златовласка к разумным существам или нет?

Кумбес, решив, что здесь нет никакой ловушки, согласился. Представитель начальника полиции попросил приготовиться свидетелей, что-то отрегулировал и оперся на спинку кресла. На стойке позади него медленно разгорелся шар, испуская ярко-голубой свет. Было названо имя Джорджа Ланта. Лейтенант занял свое место. К его телу присоединили электроды, а на голову надели яркий шлем.

Пока он отвечал на традиционные вопросы, шар оставался спокойным и голубым. Затем Кумбес и Бранхард стали совещаться между собой, и произошла заминка. В конце концов Бранхард подбросил полу-солевую серебряную монетку, поймал ее и протянул Кумбесу.

— Решка, — сказал Кумбес, и Бранхард изящно поклонившись шагнул назад.

— Скажите, лейтенант Лант, — начал Кумбес, —

когда вы прибыли в лагерь Хеллоуэя, что вы там обнаружили?

— Двух мертвых людей, — сказал Лант. — Первый, человек Земли, был убит выстрелом в грудь, а второй, Пушистик, был затоптан до смерти.

— Ваша честь! — воскликнул Кумбес. — Я протестую пулов подобной формулировки ответа свидетеля, он не должен быть запротоколирован в таком виде. Свидетель не может ссылаться на Пушистиков как на людей!

— Ваша честь, — подхватил Бранхард, — возражение мистера Кумбеса необоснованно. При данных обстоятельствах отрицание того, что Пушистики являются «людьми», равносильно утверждению, что это неразумные животные.

Эта перепалка продолжалась несколько минут. Джек машинально начал что-то рисовать в блокноте. Малыш двумя руками взял карандаш и тоже начал рисовать. Его рисунки в какой-то степени походили на узлы, какие он учился завязывать. В конце концов суд решил, что свидетель может творить так, как считает нужным. Ланта попросили рассказать, зачем он прибыл в лагерь Хеллоуэя, что он там обнаружил, что творил и что делал. По одному из пунктов между Кумбссом и Бранхардом снова завязался спор о различии в

доказательствах, основанных на слухах, и обстоятельстве, связанном с фактом, составляющим сущность спорного вопроса. Когда он закончился, Кумбес сказал:

— У меня больше нет вопросов.

— Лейтенант, в ответ на заявление Джека Хеллоуэя вы поместили Леонарда Келлога под арест. Как я понимаю, вы рассматривали это заявление как документ, имеющий силу?

— Да, сэр. Я полагаю, что Леонард Келлог убил разумное существо. Только разумные существа хоронят своих мертвых.

Затем дал показания Ахмед Кхадра, двое полицейских, которые прилетели на втором каре, и присутствовавший при осмотре места криминалист. Бранхард вызвал Рут Ортерис. После пустых возражений Кумбеса ей дали возможность рассказать об убийстве Златовласки, избиении Келлога и выстреле в Борча. Когда она закончила, судья поднялся и стукнул молотком.

— Я полагаю, что этих показаний достаточно для установления факта, что Златовласка действительно была избита и растоптана до смерти подсудимым Леонардо Келлогом и что Человек Земли, известный под именем Курта Борча, действительно был застрелен Джеком Хеллоуэем.

Теперь мы можем рассмотреть оба эти убийства. Сейчас одиннадцать часов сорок минут. До начала следующей сессии мы должны произвести некоторые изменения в зале заседаний… Да, мистер Бранхард?

— Ваша честь, в суде представлен только один член вида Пушистых Пушистый Хеллоуэя с Заратуштры. Он несовершеннолетний и, следовательно, не являющийся юридическим лицом, — он взял Малыша и поднял его. — Если мы поднимаем вопрос о разумности этой расы, я думаю, не будет лишним послать за Пушистиками, оставшимися в отеле «Мэллори».

— Хорошо, мистер Бранхард, — сказал Пэндервис. — Конечно, Пушистики понадобятся в суде, но сегодня мы не будем доставлять их сюда. Сегодня они нам не понадобятся. Что еще? — он стукнул молотком. — Суд объявляет перерыв до четырнадцати часов.

В зале заседаний были произведены изменения. Четыре первых ряда были отодвинуты и отделены от зала оградой. Стул свидетелей, стоявший чуть в стороне, выдвинули на середину и поставили прямо перед судьями. Было внесено несколько столов, которые поставили по обе стороны стула свидетелей. Сидевшие за этими

столами могли одновременно видеть лица судей и по экрану наблюдать за всем происходящим в зале. Свидетель, сидящий на стуле, теперь тоже мог видеть экран детектора лжи.

Вошли Гус Бранхард и Джек. Гус осмотрелся и тихо выругался.

— Не удивительно, что они дали нам два часа отдыха. Хотел бы знать, для чего все это, — затем улыбка промелькнула на его губах. — Посмотрите на Кумбеса: ему это тоже не нравится.

К ним подошел представитель с планом зала заседаний.

— Мистер Бранхард и вы, мистер Хеллоуэй, садитесь сюда, за этот стол, — он указал на стол, стоявший в стороне от других прямо напротив судей. — А доктор Рейнсфорд и доктор Ван Рибик, пожалуйста, вот сюда.

Громкоговоритель над их головами издал два резких свистка и произнес:

— Внимание! Внимание! Судебное заседание начнется через пять минут.

Голова Бранхарда дернулась, и Джек проследил за его взглядом. Человек, сделавший это объявление, был в форме старшины Военно-космического флота.

— Что за черт? — спросил Бранхард. — Разве

здесь трибунал Военно-Космического флота?

— Я бы тоже хотел это знать, мистер Бранхард, — сказал представитель. — Вы знаете, они заняли всю планету.

— Возможно, нам повезло, Гус. Я слышал, что если вы невиновны, дело лучше разбирать в трибунале, а если виновны — в гражданском суде.

Он увидел Лесли Кумбеса и Леонарда Келлога, сидевших за таким же столом на противоположной стороне. По-видимому, Кумбес уже знал, что происходит. В расположении мест было что-то странное. На скамье свидетелей сидели по порядку: Рут Ортерис, Герд ван Рибик, Эрнст Мейлин, Бен Рейнсфорд и Юан Джименз. Гус посмотрел на балкон.

— Держу пари, все юристы планеты заметили это, — сказал он. — Охо-хо! Джек, вы видите седую женщину в голубом платье? Это жена Главного Судьи. В этом году она впервые появилась здесь.

— Внимание! Внимание! Встать! Идет Суд Чести!

Вероятно, старшине дали краткую инструкцию по фразеологии ведения суда. Джек встал, держа Малыша на руках, пока входили трое судей и занимали свои места. Как только они сели, Главный Судья быстро ударил молотком.

— Чтобы предупредить внезапный поток возражений, я хочу сказать, что все это переустройство лишь на время, и дальше вся процедура пойдет обычным порядком. Сейчас мы не судим ни Джека Хеллоуэя, ни Леонарда Келлога. Остаток сегодняшнего дня и, боюсь, еще несколько дней мы посвятим определению уровня мышления Пушистиков Пушистых Хеллоуэя с Заратуштры.

Для этой цели мы временно отказались от традиционной процедуры судебного разбирательства. Мы будем вызывать свидетелей. Как обычно, они будут давать показания под детектором лжи. Мы будем вести общие споры, в которых все сидящие за этими столами могут принять непосредственное участие. Я и мои коллеги будем председательствовать. Так как мы не можем выслушивать нескольких Спорщиков одновременно, тот, кто желает говорить, должен подать знак. Я надеюсь, таким образом нам удастся провести плодотворную дискуссию.

Вы все заметили присутствие офицеров с базы Военно-космического флота Ксеркса. Я полагаю, все вы слышали, что командор Напьер установил контроль над гражданским правлением. Капитан Грибьенфельд, соблаговолите встать, чтобы все вас видели. Я даю ему право опрашивать свиде-

телей и, если он найдет нужным, передавать это право своим офицерам. Мистер Кумбес и мистер Бранхард тоже могут передавать это право.

Кумбес сразу же встал.

— Ваша честь, раз мы обсуждаем вопрос о разумности, то первым пунктом должно быть принято приемлемое определение разумности. Я, со своей стороны, хотел бы знать, какое определение используют наши противники, обвиняющие Келлога и защищающие Хеллоуэя.

Значит, так. Они хотят, чтобы мы установили определение разума. Герд ван Рибик был огорчен, Эрнст Мейлин усмехнулся. Тем не менее, Гус Бранхард был доволен.

— Джек, они, как и мы, не приготовили никакого определения, — прошептал он.

Капитан Грибьенфельд, уже успевший сесть, снова встал.

— Ваша честь, весь последний месяц на военной базе Ксеркса мы работали над этой проблемой. Мы в определенной мере заинтересованы в установлении классификации этой планеты и чувствуем, что этот спорный вопрос о разуме возник, по всей вероятности, не в последний раз. Я полагаю, ваша честь, что мы приблизились к решению этой проблемы и выработали определе-

ние. Однако, прежде чем мы начнем обсуждать его, я бы хотел продемонстрировать одну вещь, которая может помочь в понимании этой сложной проблемы.

— Капитан Грибьенфельд уже обсуждал со мной этот вопрос и получил мое одобрение, — сказал главный судья. — Пожалуйста, капитан.

Грибьенфельд кивнул и представитель начальника полиции приоткрыл дверь. Вошли два солдата Космического флота. В руках они несли пакеты. Один из них поднялся к суду, другой пошел перед столами, раздавая слуховые аппараты с маленькими электрическими батарейками.

— Пожалуйста, наденьте аппарат и включите его, — говорил он. — Спасибо.

Малыш дернул Джека. Джек надел аппарат и включил его. Немедленно до его ушей донеслись тихие высокие звуки, которых он никогда прежде не слышал. Малыш говорил:

— Хи-инта, са-ва-ака, игга са гинда?

— Черт побери, Гус, он говорит!

— Да, я слышу, но как же это получилось?

— Ультразвук… Боже мой, почему мы не подумали об этом раньше?

Он отключил аппарат. Малыш сказал:

— Уиик?

Он включил его снова. Малыш говорил:

— Какк-ина за заива.

— Нет, Малыш. Папочка Джек не понимает тебя. Но мы ужасно терпеливы и выучим ваш язык.

— Папии-и Джек! — воскликнул Малыш. — Маалыш захинга; папи Джек за заг га хи изза!

— Слышимое нами уиканье — это только нижняя полоса воспроизводимых ими частот. Держу пари, мы тоже сможем воспроизводить звуки, которые они не слышат.

— Конечно, ведь он произнес свое имя и ваше.

— Мистер Бранхард, мистер Хеллоуэй, — сказал судья Пэндервис, — может быть, вы прекратите свое обсуждение и обратите на нас внимание? Все ли получили слуховые аппараты и включили их? Прекрасно. Несите, капитан.

Получив знак, Энсин встал, вышел из зала и вернулся с группой помощников, которые несли шестерых Пушистиков. Они посадили их на открытое место между судом и столами и вернулись обратно. Пушистики сбились в кучу, изумленно оглядываясь вокруг. И Джек изумленно и непонимающе смотрел на них. Это были Маленький Пушистик, Мамочка Пушистик, Майк, Майзи, Ко-Ко и Золушка. Малыш что-то выкрикнул и спрыгнул со стола. Мамочка вздрогнула, по-

вернулась и заключила его в объятия. Затем Пушистики увидели Джека и шумно закричали:

— Па-пии Джек! Папии-и Джек!

Он почти бессознательно поднялся и вышел из-за стола. Следующее, что он осознал, было то, что он сидит на полу, а от семейство обнимает его, что-то радостно уикая. Он смутно слышал удар молотка и голос главного судьи Пэндервиса:

— Суд прерывается на десять минут!

В это время к ним подошел Гус. Подобрав Пушистиков, они перенесли их к своему столу.

При передвижении Пушистики запинались и пошатывались, и это на мгновение напугало Джека, но затем он понял, что они не были ни больны, ни напичканы наркотиками. Просто они долго находились в поле слабого тяготения и еще не успели привыкнуть к своему нормальному весу. Теперь он знал, почему нигде не было обнаружено их следов. Джек заметил, что у каждого из них на плече висел маленький мешочек. Черт побери, почему он сам не догадался сделать им что-нибудь подобное? Он показал на сумку одного из Пушистиков и вопросительно посмотрел на него. Пушистики что-то залопотали в ответ, начали открывать свои сумки и демонстрировать их содержимое. Там были маленькие ножи,

миниатюрные инструменты и кусочки яркого цветного пластика, которые они где-то подобрали. Маленький Пушистик показал крошечную трубку с чашечкой, вырезанной из твердого дерева, и кисет с табаком, из которого он набил ее. Затем он вытащил маленькую зажигалку.

— Ваша честь! — воскликнул Гус. — Я понимаю, что заседание прервано, но, пожалуйста, посмотрите, что делает Маленький Пушистик!

Маленький Пушистик щелкнул зажигалкой и, подержав пламя у чашечки трубки, выпустил клуб дыма.

Лесли Кумбес в другом конце зала сглотнул и закрыл глаза.

Через некоторое время судья Пэндервис стукнул молотком и объявил продолжение заседания.

— Леди и джентльмены, вы все видели и слышали то, что продемонстрировал капитан Грибьенфельд. Вы все слышали, что Пушистики издают звуки, похожие на членораздельную речь. Вы все видели, что один из Пушистиков курил трубку. Между прочим, так как курение в зале суда не одобряется, на этом судебном заседании мы делаем исключение для Пушистика. К остальным Пушистикам у меня просьба: пожалуйста, не чувствуйте себя дискриминированными.

Кумбес вскочил со своего места и побежал вокруг стола, но затем вспомнил, что по новым правилам это делать запрещается.

— Ваша честь, утром я категорически протестовал против того, чтобы подобные термины использовались свидетелями. Сейчас я протестую против использования подобных терминов судом. Я в самом деле слышал звуки, издаваемые Пушистиками. Их можно ошибочно принять за слова, но я отрицаю, что они являются речью. Что же касается трюка с зажигалкой, то ручаюсь, что не более чем за три дня обучу этому любого земного примата или кхолпха Фрейна.

Тотчас же встал Грибьенфельд.

— Ваша честь, за время, пока Пушистики находились на военной базе Ксеркса, мы составили словарь примерно из сотни слов, значение которых мы установили, и из великого множества других, значений которых мы пока не знаем. Мы даже начали составлять грамматику языка Пушистиков. А что касается трюка с зажигалкой, Маленький Пушистик — он у нас числится под номером М-2 — выучился этому, наблюдая за нами. Мы не учили его курить трубку, он умел это еще до того, как попал к нам.

Грибьенфельд еще говорил, когда с места

поднялся Джек. Как только капитан Военно-космического флота закончил, он сказал:

— Капитан Грибьенфельд, я хочу поблагодарить вас и ваших людей за заботу, проявленную к Пушистикам. Я очень рад, что вы придумали, как можно услышать то, что они творят. Благодарю вас за все, что вы сделали для них, но почему вы не сообщили мне, что они живы и невредимы? Знаете, в последний месяц я не находил себе места.

— Я знал это, мистер Хеллоуэй. Если это может вас как-то утешить, я скажу, что мы очень жалели вас, но мы не могли рисковать и компрометировать нашего тайного агента, обосновавшегося в Научном Центре Компании. Это он контрабандой вывез Пушистиков после их побега, — Джек взглянул на стол, стоявший на противоположной стороне зала. Келлог сидел, закрыв лицо руками, и не замечал происходящего в зале. На хорошо тренированном лице Лесли Кумбеса застыло выражение ужаса. — В то время как вы, мистер Бранхард и начальник полиции Фрейн получили ордер и поехали за Пушистиками, их уже забрали из Научною центра и погрузили на военное судно, стартовавшее к Ксерксу. Мы ничего не могли сделать, не разоблачив нашего агента. Это все,

что я могу вам сказать.

— Хорошо, капитан Грибьенфельд, — сказал главный судья. — Я думаю, вы ознакомите нас со свидетельскими показаниями об исследованиях, проведенных вашими людьми на Ксерксе. Мы также хотим установить, откуда, когда и как вы их взяли.

— Хорошо, ваша честь. Если вы назовете четвертое имя в списке, который я вам дал, и позволите мне допросить этого человека, мы установим это.

Главный судья взял бумагу.

— Лейтенант Рут Ортерис. Резерв Десять, — вызвал он.

Джек Хеллоуэй посмотрел на большой экран. Герд ван Рибик, пытавшийся игнорировать существование женщины, сидевшей возле него, повернулся и изумленно вытаращил глаза. Выражение ужаса на лице Лесли Кумбеса сменила трупная бледность и неподвижность. Эрнст Мейлин дрожал от недоверия и гнева. Возле него восхищенно скалился Бен Рейнсфорд. Как только Рут встала перед судом, Пушистики устроили ей овацию: они помнили и любили ее. Гус Бранхард стиснул руки и сказал:

— Ну, Джек, это уже слишком!

Лейтенант Рут Ортерис под неизменно голубым шаром рассказала о том, как ее, офицера резерва Военного флота Федерации, отправили в разведку, как она попала на Заратуштру и получила место в Компании.

— Как обычный высококвалифицированный доктор психологии, я работала в Научном отделе под руководством доктора Мейлина. Кроме того, я выполняла обязанности в школьном департаменте и в юношеском суде. Я регулярно отсылала рапорты командующему Элборгу, шефу разведки на Ксерксе. Я была послана, чтобы проверить, не нарушает ли Компания Заратуштры положения устава или законов Федерации. До середины прошлого месяца я передавала обычные рапорты, не содержащие в себе ничего предосудительного. Затем, вечером пятнадцатого июня…

Это был тот день, когда Бен передал пленку Юану Джименсу. Затем она описала, как это попало в ее поле зрения.

— Как только появилась возможность, я передала копию пленки командующему Элборгу. Следующей ночью с бота доктора ван Рибика я связалась с Ксерксом и доложила все, что узнала о Пушистиках. Затем я сообщила, что Леонард Келлог получил копию пленки и обеспокоил

Виктора Грего. Получив приказ предотвратить признание Пушистиков разумными существами и в случае необходимости сфабриковать документы, обвиняющие мистера Хеллоуэя и доктора Рейнсфорда в научной мистификации, Келлог и Эрнст Мейлин отправились на континент Бета.

— Ваша честь, я протестую! — воскликнул Кумбес. — Это обыкновенные сплетни!

— Подобные «сплетни» указаны и в рапортах, которые мы получили от других агентов, — сказал капитан Грибьенфельд. — Вы должны понимать, что она не единственный наш агент на Заратуштре. Мистер Кумбес, если я услышу от вас хоть еще одно возражение против показаний этого офицера, я попрошу мистера Бранхарда вызвать в суд Виктора Грего и допрошу его под детектором лжи.

— Капитан, мистер Бранхард будет более чем счастлив оказать эту услугу, — громко и отчетливо произнес Гус.

Кумбес поспешно сел.

— Хорошо, лейтенант Ортерис, это очень интересно, но сейчас мы пытаемся установить, как эти Пушистики попали на базу Военного флота на Ксерксе, — вставил круглолицый помощник судьи Руиз.

— Ваша честь, я при первой же возможности попыталась получить этих Пушистиков, — сказала Рут. — В пятницу, в двенадцать ночи, Пушистиков забрали у мистера Хеллоуэя и доставили в Мэллори-Порт. Мохаммед О'Брайен переправил их к Юану Джимензу, который, взяв их в Научный центр, поместил в клетке позади своего кабинета. На следующее утро я обнаружила их, вывела из здания и переправила к командующему Элборгу, который, спустившись с Ксеркса, взял на себя ответственность за операцию «Пушистик». Я не буду рассказывать, как мне удалось это сделать. Я офицер Вооруженных сил Федерации Земли. Суд не может заставить офицера Федерации давать показания, включающие нарушение воинских обязанностей. Время от времени я сообщала о продвижении работ по измерению уровня мышления Пушистиков, иногда передавала советы. Некоторые из этих советов основывались на идеях, выдвинутых доктором Мейлином, но я не доверяла ему полностью. Я опасалась.

Мейлин почти совершенно не воспринимал происходящее.

Бранхард встал.

— Я хочу спросить у свидетеля, знает ли она что-нибудь о четырех Пушистиках, которых Джек

Хеллоуэй обнаружил в Папоротниковом Заливе?

— Да. Это мои Пушистики, и я очень беспокоилась за них. Я назвали их Комплекс, Синдром, Идея и Супер-эгоизм.

— Это ваши Пушистики, лейтенант Ортерис?

— Я заботилась о них и работала с ними. Юан Джименз с какими-то охотниками поймал их на континенте Бета. Они содержались на Центральной северной ферме, которая была оборудована специально для этого. Я постоянно находилась с ними, и доктор Мейлин тоже проводил с ними много времени. А в ночь на понедельник за ними пришел мистер Кумбес. Он забрал их с собой.

— Почему вы сделали это, мистер Кумбес? — спросил Гус Бранхард.

— Лесли Кумбес — адвокат Компании. Он сказал, что Пушистики нужны в Мэллори-Порте. Но на следующий день я узнала, для чего они понадобились. Их отпустили перед цепью охотящихся за ними людей. Они надеялись, что их убьют.

Она взглянула на Кумбеса. Если бы ее взгляд был пулей, тот был бы уже мертвее Курта Борча.

— Они принесли в жертву четырех Пушистиков, чтобы поддержать историю с избитой девочкой? — спросил Бранхард.

— Это не было принесением в жертву. Они хо-

тели избавиться от этих Пушистиков, но боялись их убить сами, потому что не хотели оказаться на скамье подсудимых рядом с Леонардом Келлогом. Все, кто в ходе работы сталкивались с Пушистиками, начиная с Эрнста Мейлина и кончая обслуживающим персоналом, были убеждены в их разумности. Мы и сами пользовались слуховыми аппаратами, я подала этот совет, когда мне сообщили об этом с Ксеркса. Спросите об этом Эрнста Мейлина под детектором лжи. К тому же, спросите его о многочисленных поли-энцефалографических экспериментах.

— Что ж, мы узнали, что Пушистики Хеллоуэя были отправлены на Ксеркс, — сказал главный судья. — Мы выслушали показания человека, который какое-то время работал с ними. Теперь я хочу послушать доктора Мейлина.

Кумбес снова вскочил на ноги.

— Ваша честь, прежде чем продолжать слушать свидетельские показания, я хотел бы наедине посоветоваться со своим клиентом.

— Мистер Кумбес, я не вижу никакой причины прерывать судебное заседание. В том числе и для этого. После окончания этой сессии вы можете совещаться с вашим клиентом сколько пожелаете, но могу вас уверить, что вам больше ничего

не придется делать от его имени, — он легонько стукнул своим молотком, а потом сказал: — Доктор Мейлин, будьте добры встать.

15

Услышав свое имя, Эрнст Мейлин сжался, словно стараясь стать незаметнее. Он не хотел давать показания. Теперь он должен сесть на стул для свидетелей, и ему будут задавать вопросы. Он весь день боялся этого мгновения. Он не сможет ответить на эти вопросы правдиво, и шар над его головой…

Представитель начальника полиции коснулся его плеча и предложил занять место свидетеля. Ноги Мейлина были словно ватные. У него было такое чувство, что ему нужно пройти не несколько метров, а многие километры под пристальными взглядами присутствующих в зале. Наконец он добрался до стула и сел. Ему на голову надели шлем и присоединили электроды. Они не стали брать с него присягу говорить правду, только правду и ничего кроме правды, ибо не нуждались в этом.

Как только детектор лжи был включен, он взглянул на большой экран позади четверки судей. Шар над его головой был ослепительно красного цвета. В зале послышался смех, но ни-

кто из присутствующих лучше его не знал, что произошло. В его лаборатории были подобные экраны, усиливающие альфа — и бета-волны, испускаемые корой головного мозга. Он стал думать об этих устойчиво пульсирующих волнах, об электромагнитных связях, сопровождающих деятельность мозга. Красный цвет начал гаснуть, и шар стал голубым. Мейлин больше не подавлял свои мысли, а заменял их другими, которые не были лживыми. Если бы он мог делать так все время… Но раньше или позже он не сможет этого сделать…

Пока он отвечал на традиционные вопросы, шар оставался голубым. Перечисляя свои публикации, он заметил на экране кратковременное мерцание красного. Это случилось тогда, когда он назвал работу, которую выполнили его студенты, но опубликована она была под его именем. Он уже забил об этом, но его совесть не забыла.

— Доктор Мейлин, — сказал один из судей, — скажите, как специалист, какая разница между разумным и неразумным мышлением?

— Способность мыслить осознанно, — ответил он. Шар оставался голубым.

— Вы хотите сказать, что неразумные животные не думают или просто не осознают этого?

— Ни то, ни другое. Какая-то форма жизни с центральной нервной системой может осознавать свое существование и окружение. Я хотел сказать, что разумное существо думает осознанно и знает, что оно думает.

Это была безопасная для него тема. Он говорил о всевозможных возбудителях, реакциях и условных рефлексах. Он вернулся к Первому Доатомному Веку, к Павлову, Корзибски, Фрейду. Если так будет продолжаться, шар никогда не покраснеет.

— Неразумное животное осознает только то, что непосредственно преподносит сознание, а реагирует оно автоматически. Оно будет осознавать и понимать происходящее примерно так: это сексуальное удовлетворение; это опасность. С другой стороны, думающие разумно думают сознательно обо всех этих чувственных возбудителях, выстраивая логические цепочки. На моем столе лежит структурный дифференциал; если мне принесут его…

— Не беспокойтесь, доктор Мейлин. Когда мы начнем обсуждение, вы покажете, что сочтете нужными. Сейчас же мы хотим, чтобы вы высказали свое мнение в общих терминах.

— Хорошо. Разумную мысль можно обобщить.

Для неразумного животного каждый новый эксперимент является или совершенно новым, или ассоциируется с чем-то уже известным. Кролик будет бежать от собаки, потому что в его памяти есть другая собака, которая гнала его. Птичку привлекает яблоко, потому что каждое яблоко — это вещь, которую надо клевать. Разумное существо подумает: «Эти красные объекты — яблоки; они съедобны и вкусны». Различным сортам яблок оно даст разные названия. Это ведет к формированию абстрактных идей, например, «плоды» отличные от яблок, «пища» отличная от фруктов.

Шар по-прежнему оставался голубым. Судьи ждали, и он продолжил:

— Формирование абстрактных идей неизбежно приводит к их символизации, что позволяет охарактеризовать объект, не видя его. Разумное существо символизирует, оно способно в символической форме сообщить свою мысль другому существу.

— Например, «Па-пии Джек»? — спросил судья с черными усами.

Шар подмигнул красным.

— Ваша честь, я не могу принимать во внимание сказанные наугад или заученные наизусть

слова. Пушистики просто связали эти звуки с человеком и заучили их. Они использовали это как сигнал, а не как символ.

Шар стал красным. Главный судья стукнул молотком.

— Доктор Мейлин! Все люди на этой планете знают, что невозможно лгать под детектором лжи. Никто и не пытался лгать, почему же вы решили, что вам это можно? Я перефразирую вопрос и надеюсь, что вы ответите правдиво. Если вы не сделаете этого, я буду презирать вас. Как вы полагаете, когда Пушистики кричали «Папи-и Джек», этот термин являлся для них символом мистера Хеллоуэя или нет?

Он не должен говорить правды. Пушистики должны остаться маленькими неразумными животными.

Но сам он так не считал. Он знал эго лучше любого другого.

— Да, ваша честь. Термин «Папи-и Джек» в их памяти символизирует мистера Хеллоуэя.

Он взглянул на шар. Из красного он сделался лилово-розовым, потом фиолетовым и, наконец, чисто голубым.

— Значит, Пушистики думают сознательно, доктор Мейлин? — спросил Пэндервис.

— Да, факт, что они пользуются буквальными символами, убеждает в том даже без других доказательств и служит более выразительным доказательством, чем все остальные. Картины процесса мышления, которые мы получили на энцефалографе, очень похожи на подобные же картины десяти-двенадцатилетних детей. Они так те любознательны и так же любят решать головоломки. Они всегда выдумывают какие-то проблемы, выискивают технические работы, творят и, беря пример с человека, моют руки и завязывают узлы.

Шар был небесно-голубым. Мейлин попытался лгать, но потом просто излил все, о чем думал.

Леонард Келлог уронил голову и закрыл лицо руками. Несчастья водопадом обрушились на него.

«Я — УБИЙЦА. Я УБИЛ ЛИЧНОСТЬ. ЗАБАВНОГО МАЛЕНЬКОГО ЗВЕРЬКА, ПОКРЫТОГО МЕХОМ, НО ОН БЫЛ ЛИЧНОСТЬЮ, И Я ЗНАЛ ЭТО, КОГДА УБИВАЛ ЕГО. Я ЗНАЛ ЭТО, КОГДА УВИДЕЛ МАЛЕНЬКУЮ МОГИЛКУ ИЗ КАМНЕЙ НА КРАЮ ЛЕСА. ТЕПЕРЬ ОНИ ПОСАДЯТ МЕНЯ НА ЭТОТ СТУЛ И ЗАСТАВЯТ ПРИЗНАТЬСЯ ВО ВСЕМ. ЗАТЕМ ОНИ ВЫВЕДУТ МЕНЯ НА ТЮРЕМНЫЙ ДВОР, ВЫСТРЕЛЯТ МНЕ В ГОЛОВУ ИЗ ПИСТОЛЕТА И… НИ

ОДНО ИЗ ЭТИХ МАЛЕНЬКИХ БЕДНЫХ СУЩЕСТВ НЕ ЗАХОЧЕТ БОЛЬШЕ ПОКАЗАТЬ МНЕ СВОЮ НОВУЮ ИГРУШКУ!»

— Будут ли еще вопросы к свидетелю? — спросил главный судья.

— Нет, — сказал капитан Грибенфельд. — У вас, лейтенант?

— Нет, — сказал лейтенант Убарра. — Теперь мы имеем ясное представление о мнении доктора Мейлина.

Когда Мейлин перестал лгать под детектором лжи, Джек даже почувствовал к нему симпатию. Он сначала испытывал к нему неприязнь, но теперь смотрел на него по-другому. Мейлин очистился и отмылся изнутри. Возможно, каждый человек рано или поздно должен быть допрошен под детектором лжи, чтобы каждый мог понять, что честность по отношению к другим начинается с честности перед самим собой.

— Мистер Кумбес? — Кумбес сделал такой вид, словно он нигде и никогда не собирался задавать вопросы каким-то свидетелям. — Мистер Бранхард?

Гус поднялся, поддерживая разумного члена разумной расы, висевшего на его бороде, и поблагодарил Эрнста Мейлина.

— В таком случае суд объявляет перерыв до девяти часов утра. Мистер Кумбес, здесь есть иск к Компании Заратуштры на двадцать пять тысяч солей. Я передаю его вам. К тому же я аннулировал залог доктора Келлога, — сказал судья Пэндервис, как только двое представителей суда стали освобождать Мейлина от проводов, опутавших его и ведущих к детектору *лжи*.

— Залог Джека Хеллоуэя вы тоже аннулировали?

— Нет, мистер Кумбес, и не надо делать из этого никаких выводов. Я не могу отклонить обвинение против Джека Хеллоуэя и не хочу ставить вас в невыгодное положение, выбив точку опоры вашего обвинения. Я не считаю риском выпустить мистера Хеллоуэя под залог. Я думаю, доктор Келлог, ваш клиент согласится со мной.

— Если откровенно, ваша честь, я тоже с вами согласен, — сказал Кумбес. — Мой протест является примером условного рефлекса, о котором только что так хорошо говорил доктор Мейлин.

Вокруг стола Джека столпились Бен Рейнсфорд, Джордж Лант и его полицейские. В середину протиснулись державшиеся за руки Герд и Рут.

— Джек, мы приедем в отель немного позже, — сказал Герд. — Мы с Рут захватим чего-нибудь

поесть и выпить, а потом заберем ее Пушистиков.

Теперь Герд снова обрел свою девушку, а его девушка — свое семейство Пушистиков. Как же их теперь зовут? Синдром, Комплекс, Идея и Суперэгоизм. Некая раса, названная Пушистиками.

16

Они встали в дверях, пошептались, и, повернувшись, пошли к своим местам. Первым шел Руиз, за ним главный судья, замыкал процессию Джанивер. Несколько мгновений они постояли, чтобы публика, которой они служат, могла увидеть их лица на большом экране, потом сели. Секретарь начал традиционное вступление. В зале заседаний чувствовалось напряжение. Авес Джанивер наклонился и прошептал:

— Они все знают.

Как только секретарь закончил, к суду приблизился Макс Фрейн. На его лице не было никакого выражения.

— Ваша честь, мне стыдно об этом докладывать, но подсудимый Леонард Келлог не может быть представлен в суде. Он умер, совершив прошлой ночью самоубийство в своей камере. Это произошло во время моего дежурства, — резко добавил он.

Всеобщее возбуждение, наполнившее зал заседаний, не было потрясением, это был вздох исполнившегося ожидания. Все они знали об

этом.

— Как это случилось, начальник полиции? — спросил Пэндервис.

— Заключенный был помещен в камеру; один из моих людей постоянно держал его под наблюдением, — Фрейн говорил монотонно, словно робот. — В двадцать два тридцать заключенный подошел к кровати, не раздеваясь, лег, натянув на голову шерстяное одеяло. Человек, наблюдавший за ним, не заметил ничего тревожного; большинство заключенных делает так, закрываясь от света. Некоторое время он метался, потом заснул.

Когда утром охрана пришла будить его, койка под одеялом была пропитана кровью. Келлог перерезал себе горло. Он пилил его молнией от рубашки до тех пор, пока не разрезал яремную вену. Он был мертв.

— Хорошенькое пробуждение, начальник полиции! — Пэндервис был потрясен. Он думал, что Келлог сумел спрятать перочинный нож или бритву, и приготовился строго наказать Фрейна. Но способ, подобный этому! Он потрогал пальцами зубцы молнии на своей куртке. — Я не думаю, чтобы кто-нибудь мог предвидеть подобный исход. Никто не мог ожидать ничего подобного.

Джанивер и Руиз согласились с ним. Начальник полиции Фрейн поклонился и отошел в сторону.

Лесли Кумбес, сделавший значительное усилие, чтобы казаться огорченным и потрясенным, встал.

— Ваша честь, как я понял, у меня теперь нет клиента, — сказал он. — Я теперь без работы; дело против мистера Хеллоуэя вести абсолютно невозможно. Он стрелял в человека, который пытался убыть его, вот и все. Следовательно, ваша честь, я прошу аннулировать обвинение, выдвинутое против мистера Хеллоуэя, и освободить его из-под ареста.

Капитан Грибьенфельд вскочил.

— Ваша честь, я прекрасно понимаю, что настоящий обвиняемый сейчас находится вне юрисдикции суда, но и и мои товарищи, принимающие участие в этом деле, надеемся, что суд установит классификацию планеты и утвердит определение разума, отвечающее современным требованиям. Это очень важные вопросы, ваша честь.

— Но, ваша честь, — запротестовал Кумбес, — мы не можем судить мертвого человека.

— Люди колонии Вепхамета против Джеймса Сингха, покойного, обвиненного в поджоге,

A.E.602, - вмешался досточтимый Густавус Адольфус Браихард.

Да, в Колониальном законе вы можете обнаружить любой прецедент.

Джек Хеллоуэй, державший на сгибе руки убаюканного Пушистика, встал. Его белые усы сердито ощетинились.

— Я не мертвец, ваша честь, я здесь, на судебном заседании. Я сам пришел сюда и надеюсь, что это может быть доказательством того, что я не мертвец. Я стрелял в Курта Борча, потому что он содействовал убийству Пушистика. Я хочу, чтобы суд установил, что убивший Пушистика является убийцей разумного существа.

Судья медленно кивнул.

— Я не аннулирую обвинение, выдвинутое против мистера Хеллоуэя, — сказал он. — Мистер Хеллоуэй привлечен к суду за убийство. Если он невиновен, он имеет право публично доказать это. Боюсь, мистер Кумбес, вам придется вести его обвинение.

Словно ветер по хлебному полю, по залу заседания пробежала волна возбуждения. Наконец заседание началось.

Этим утром Пушистики были доставлены в суд: шестерка Джека, пятерка с полицейского

поста, Флора и Фауна Бена Рейнсфорда и четыре Пушистика, на которых претендовала Рут Ортерис. Возник вопрос, кому постоянно следить за ними. Один из Пушистиков с полицейского поста, Живодер или Заморыш, вместе с Флорой и Фауной Бена Рейнсфорда выволокли откуда-то шланг от пылесоса. Ахмед Кхадра нырнул под стол, схватился за другой конец шланга и попытался вырвать его у них. Это было замечательно. Пронзительно визжа от восторга, они вцепились в свой конец, а Майк, Майзи, Супер-эгоист и Комплекс побежали на помощь. Всемером они вытащили Кхадру из-под стола и протащили его около десяти футов по полу, прежде чем он выпустил шланг и поднялся. В это время на другой стороне зала возник шумный спор между шефом Департамента языков Академии Мэллори-Порта и вдовствующей любительницей фонетики. Судья Пэндервис стукнул несколько раз молотком, но, поняв, что прекратить этот шум не так-то просто, объявил перерыв.

— Кто хочет, может остаться здесь. Если кто-нибудь из тех, кто обсуждает различные аспекты нашей проблемы, сможет дать нам окончательное определение, доказывающее разумность, мы будем благодарны ему. Заседание начнется в

одиннадцать тридцать.

Кто-то поинтересовался, можно ли курить в зале во время перерыва. Главный судья разрешил. Джек достал сигару и закурил. Мамочка Пушистик замахала руками: ей не нравился табачный дым. Краешком глаза Джек видел, как вокруг столов бегают Майк, Майзи, Флора и Фауна. Когда он снова обратил на них внимание, они все сидели на судейском столе, а Майзи показывала судьям то, что было у нее в сумочке.

Он взял Мамочку и Малыша, поднялся и перешел туда, где сидел Лесли Кумбес. Кто-то принес из кафетерия кофе. Пушистикам очень нравилось в суде.

Молоток тихо стукнул, Маленький Пушистик вскарабкался на колени Джека Хеллоуэя. За пять дней, проведенных в суде, они все поняли, что молоток судьи призывает Пушистиков и всех остальных людей к тишине. У Джека мелькнула мысль сделать маленький молоток, когда он вернется домой, и пользоваться им, если семейство слишком расшумится. Малыш, который еще не понял значения стука молотка, спрыгнул на пол. Мамочка бросилась за ним и быстро затащила его под стол.

Зал заседаний снова стал похож сам на себя.

Столы были выстроены перед судом в стройный ряд, а стул свидетелей и скамья присяжных отодвинуты на свое обычное место. Пепельницы, кофейник и лоханка со льдом, которую принесли для охлаждения пива, исчезли. Это было забавно, особенно для одиннадцати Пушистиков, Малыша и маленького черно-белого котенка.

Но там была одна необычная особенность: рядом с судьями, чуть в стороне от них, сидел человек в шитом золотом мундире Военного флота и делал вид, что все происходящее его абсолютно не касается. Это был Космический командор Алекс Напьер.

Судья Пэндервис положил молоток.

— Леди и джентльмены, вы готовы продолжить заседание и высказать свое мнение? — спросил он.

Поднялся лейтенант Убарра, психолог Военного Флота. Перед ним находился информационный экран, и он включил его.

— Ваша честь, — начал он. — У нас есть разногласия но некоторым деталям, но во всех основных вопросах мы пришли к единому мнению. Все это уже отображено в протоколе. Разрешите мне подытожить и сделать выводы?

Судья разрешил. Убарра взглянул на экран и

продолжил:

— Наше мнение таково: разумные существа отличаются от неразумных тем, что они могут мыслить сознательно и в логической последовательности, способны выражать свои мысли в символических терминах. Мы — имеется в виду член каждой разумной расы — думаем сознательно и знаем, что мы мыслим. Эта не говорит о том, что вся наша умственная деятельность сознательна. Психологи утверждают, что сознательна только ее малая часть. Это можно сравнить с айсбергом, одна десятая часть которого торчит над водой, а девять десятых — затоплено. Искусство психиатрии в большой степени заключается в том, чтобы получить отдачу от этих девяти десятых, и как практикующий врач я могу засвидетельствовать это.

Мы так часто думаем сознательно, что, когда получаем из мозга какие-то неосознанные импульсы, характеризуем их как «предчувствие» или «интуиция». Такая проблема действительно существует. Мы так часто приписываем подсознательно сформированные действия решимости, что благодаря систематическим тренировкам можем вызвать, хотя и с трудом, эти автоматические отклики, от которых зависит наша жизнь в

сражениях или в других критических ситуациях. До Первого Доатомного Века о подсознании было более чем смутное представление, но и сейчас мы знаем о нем не намного больше. Природа этих явлений все еще является темой язвительных профессиональных дискуссий.

К тому же подобные диспуты перманентно возникали в течение последних четырех дней.

Если мы изобразим разумное мышление как айсберг, то неразумное мышление можно сравнить с солнечным светом, отраженным от поверхности. Конечно, это не точная аналогия; неразумное существо ничего не может осознать, кроме имеющихся фактов, но у него есть значительное поглощение и новое излучение подсознательной памяти. У них также существуют случайные вспышки, которые можно назвать сознательной умственной деятельностью. Доктор ван Рибик интересовался эволюционными аспектами этого вопроса. Если неразумное существо попадает в новую ситуацию или незнакомое окружение, оно может, поддавшись какому-нибудь импульсу, начать более или менее мыслить сознательно. Если подобное будет продолжатся в течение некоторого периода времени, это может положить начало привычке думать, которая со

временем перерастет в подлинную разумность.

Разумное существо думает не только сознательно, по привычке, но и в связной последовательности. Оно соединяет различные вещи в логическую цепочку. Оно формирует заключения и использует их как предпосылки к более сложным заключениям. Оно группирует ассоциации и обобщает. Тут никакого сравнения нет с неразумными существами. Разумные существа не просто больше думают или больше осознают; они думают о радикально изменяющихся свойствах. Разумный мозг формирует идеи, объединяет их и почти не имеет границ абстрагирования.

В конце концов, мы пришли к одному из общепризнанных и нескрываемых проявлений разумности. Разумное существо употребляет символы. Неразумное существо не может символизировать, потому что его мозг неспособен дать явное ощущение образа на расстоянии.

Убарра отпил немного воды и повернул переключатель информационного экрана.

— Разумное существо, — продолжил он, — может делать еще одну вещь. Оно может сочетать эти три перечисленные способности, и, комбинируя их, создавать нечто большее, чем просто суммирование частей. Разумное существо мо-

жет воображать. Оно может придумать что-то, что до него в мире не существовало, а затем, спланировав и начав работать, воплотить это в действительность. Оно может не только воображать, но и создавать.

На мгновение он сделал паузу.

— Это наше определение разумности. Если мы встретим какое-нибудь существо, процесс мышления которого включает в себя все эти характеристики, мы можем смело назвать его братом по разуму. И наше мнение таково, что Пушистики подходят под это определение.

Джек обнял маленькое разумное существо, лежащее у него на коленях, и Малыш, открыв глаза, пробормотал:

— Хи-инта?

— Малыш, ты подходишь под эту формулу, — прошептал он. — Вы присоединяетесь к людям.

Убарра продолжал:

— Они думают сознательно и думают постоянно. Мы знаем это, потому что анализировали с помощью приборов и сравнивали полученные данные с данными, взятыми у десятилетних детей человека. Они мыслят в связной последовательности; я прошу рассмотреть все логические ходи, которые они делают при изобретении, про-

ектировании и изготовлении орудий убийства креветок, а также в разработке инструмента, которым они изготовляют эти орудия. Мы имеем множество доказательств того, что они способны обрабатывать информацию, ассоциировать, обобщать, абстрагировать и символизировать.

Но прежде всего они могут воображать не только новые орудия, но и новый путь жизни. Мы можем проследить это на первом контакте человека с расой, которая, как я думаю, будет определена как «Пушистик разумный». Маленький Пушистик нашел в лесу незнакомое и привлекательное место, место, не похожее ни на что, когда-либо им виденное, где жило могущественное существо. Он вообразил, что живет в этом месте и наслаждается дружбой и защитой этого таинственного существа. Так он и сделал, подружившись с Джеком Хеллоуэем и поселившись у него. Затем он представил себе, как его семейство разделяет вместе с ним этот драгоценный комфорт. Он ушел и привел их с собой. Как и многие другие виды разумных существ Маленький Пушистик имел прекрасную мечту. Как и немногие удачливые, превратил ее в действительность.

Главный судья подождал несколько минут,

пока гремели аплодисменты, а затем стукнул молотком, призывая к тишине. Пошептавшись немного с другими судьями, он стукнул снова. Это сбило Маленького Пушистика с толку. Разве кто-нибудь шумел после того, как молоток ударил в первый раз?

— Единогласным решением суда определение, сформулированное лейтенантом Убаррой, принимается. Мы благодарим его и всех работавших над этой проблемой.

— Суд постановил, что вид, известный как «Пушистик Пушистый Хеллоуэя с Заратуштры», в действительности является расой разумных существ, имеющей право на уважение всеми другими разумными существами и полностью защищенной законами Федерации Земли, — он стукнул снова, как бы вколачивая решение в закон.

Космический командор Напьер наклонился и что-то прошептал. Все три судьи выразительно кивнули, и офицер поднялся.

— Лейтенант Убарра, разрешите мне от имени Службы и Федерации выразить благодарность вам и всем людям, связанным с подготовкой ясного и превосходного рапорта, явившегося кульминационной точкой вашей работы. Я хочу

также констатировать, что в рапорте, посланном мною в Бюро Научных исследований и развития, я отметил, какой важный прецедент дала ваша работа в определении разумного процесса мышления. Возможно, в следующий раз мы обнаружим расу людей, которая говорит на частотах, не воспринимаемых человеком, покрытых мехом, живущих в теплом климате, употребляющих сырую пищу, но мы будем знать, что это раса начинающих разумно мыслить существ.

Держу пари, Убарра получит еще одну нашивку и хорошую должность, подумал Джек. Затем Пэндервис снова стукнул молотком.

— Я почти забыл об обвиняемом этого судебного разбирательства, — сказал он. — Приговор суда гласит, что подсудимый Джек Хеллоуэй не виновен по существу предъявленного ему обвинения. При этом он освобождается от ареста. Если он или его адвокат подойдут сюда, залог им будет возвращен.

Он объявил о закрытии заседания и вновь озадачил Маленького Пушистика, ударив молотком. Вместо того, чтобы сохранять тишину, все вскочили с мест и стали шуметь, кто как только мог, а дядюшка Гус поднял его высоко над головой и заорал:

— Победа!! Единогласным решением!!

17

Рут Ортерис потягивала крепкий холодный коктейль. Это было великолепно, как это было хорошо, все хорошо! Нежная музыка, приглушенный свет, столики стоят далеко друг от друга. Она отошла от дел. Агент, который дал показания в суде, становился бесполезным для службы и словно находился в центре выжженного круга. Правление Земли сделало запрос и хотело отозвать ее, но она больше не могла быть лейтенантом Секретной службы и, кроме того, она стала миссис Герд ван Рибик. Она опустила стакан и потерла солнечный камень на своем пальце. Это был прелестный солнечный камень, и к тому же это был подарок Герда. А еще у них была семья, о которой надо было заботиться: четыре Пушистика и черно-белый котенок.

— Ты действительно хочешь перебраться на континент Бета? — спросил Герд. — Когда командор Напьер создаст новое правительство, главное место займет Научный центр. Нас восстановят на работе, а может, и предложат что-нибудь получше.

— А ты хочешь вернуться туда?

Он отрицательно покачал головой.

— И я тоже. Я хочу перебраться на континент Бета и стать женой искателя солнечных камней.

— И пушистологом.

— И пушистологом. Я не могу бросить их сейчас. Герд, мы же только начинаем. Мы почти ничего не знаем о их психологии.

Он серьезно кивнул.

— Но мы знаем, что они могут сравняться с нами и даже стать мудрее нас.

Она улыбнулась.

— О, Герд! Зачем ты утрируешь? Они словно маленькие дети. Они думают только о развлечениях.

— Это верно. Но я говорю, они мудрее нас. Вокруг них постоянно какие-то тайны, — некоторое время он молча курил. — Мы совершенно ничего не знаем о их психологии и биологии, — он поднял стакан и отпил глоток. — Здесь у нас восемнадцать Пушистиков. Семнадцать взрослых и один Малыш. Какова пропорция? В лесах малышей тоже единицы. На полторы сотни взрослых Пушистиков только десяток детей.

— Возможно, за последний год их численность увеличится, — начала было она.

— Нам известны какие-нибудь расы с одно-годовым периодом созревания? — возразил он. — Держу пари, для того, чтобы полностью вырасти, им требуется десять или даже пятнадцать лет. За месяц Малыш Джека не прибавил даже на фунт. А другие головоломки? Это пристрастие к Рациону-три. За исключением небольшого количества пшеничной муки, это не натуральная пища, а сплошная синтетика. Я говорил с Убаррой, он думает, что туда входит какой-то компонент, который и вызывает это пристрастие.

— Может, они просто удовлетворяют свои гастрономические потребности?

— Ладно, это мы выясним, — он перевернул кувшинчик над своим стаканом. — Как ты думаешь, может, перед обедом нам стоит повторить?

Космический командор Напьер сел за стол, который совсем недавно принадлежал Нику Эммерту, и взглянул на невысоко мужчину в помятом костюме и с рыжими бакенбардами. Тот в ужасе смотрел на него.

— Боже мой, командор, вы можете быть серьезным?

— Но я совершенно серьезен, доктор Рейнсфорд.

— Да вы просто смеетесь! — взорвался Рейнс-

форд. — Из меня выйдет такой же гениальный руководитель, как из Пушистика командующий базой на Ксерксе. Я еще никогда в своей жизни не занимался административным руководством.

— Это только рекомендация. Вы замените бывшего администратора.

— У меня же есть своя работа. Институт Ксенобиологии…

— Я думаю, при сложившихся обстоятельствах они будут рады избавиться от вас. Доктор, вы самый подходящий человек для этой работы. Вы эколог; вы знаете, какие гибельные последствия влечет за собой нарушение природного баланса. Компания Заратуштры следила за всем этим, пока планета была ее собственностью, но сейчас девять десятых планеты является общественной собственности. Теперь от Федерации сюда будут прибывать люди разных планет. Вы знаете, как надо контролировать подобные вещи.

— Да, но как член Комиссии сохранения или чего-то в этом роде, для чего подходит моя квалификация.

— Для Генерального руководителя. Всю вашу работу будет делать полиция. Вы можете назначить администратора.

— Хорошо, кого, например?

— Ну, прежде всего нам нужен Главный прокурор. Кого вы хотите назначить на эту должность?

— Гуса Бранхарда, — немедленно ответил Рейнсфорд.

— Хорошо. А теперь чисто риторический вопрос — кого вы назначите Специальным уполномоченным по делам туземцев?

Джек Хеллоуэй возвращался на континент Бета на полицейском аэроботе. Официальный Уполномоченный мистер Джек Хеллоуэй, специальный пассажир и его штат: Маленький Пушистик, Мамочка, Малыш, Майк, Майзи, Ко-Ко и Золушка. Держу пари, они даже не подозревают, что являются специальными пассажирами…

— Хотите хорошую работу, Джордж? — спросил он Ланта.

— У меня хорошая работа.

— Эта будет лучше. Звание майора, восемнадцать тысяч в год. Комендант туземных сил защити. К тому же за вами останется старая должность в полиции. Просто начальник полиции предоставит зам отпуск на неопределенный срок.

— Вот так штука, Джек! Мне нравится это предложение, но я не хочу оставлять своих ребят. Я не

могу также выделить кого-то, чтобы не обидеть других.

— Забирайте с собой всех. Я уполномочен позаимствовать из полиции двадцать пять человек, а у вас только шестнадцать. Они будут обучать кадровый состав. Ваш сержант получит офицерское звание, а остальные будут сержантами. Ваше войско будет насчитывать полторы тысячи человек.

— Вы думаете, что Пушистикам потребуется такая мощная защита?

— Да. Резервация Пушистиков, расположенная между Кордильерами и Линией восточного побережья, будет охраняться. Только в этом случае Пушистики будут в безопасности. Вы знаете, что может произойти. Все хотят Пушистиков, даже судья Пэндервис обратился ко мне с просьбой дать ему парочку для его жены. Найдутся люди, которые будут охотиться за Пушистиками и продавать их. Они будут пользоваться оглушающими бомбами, усыпляющими газами и тому подобным. Мы организуем контору усыновления; Рут возьмет на себя это дело. К тому же там будут вестись исследовательские работы.

Черт бы побрал эту работу, подумал Джек. Работая на прииске, он имел более пятидесяти тысяч в год. Но кто-то должен делать это, а он теперь

несет ответственность за Пушистиков.

Разве не он доказывал перед судом их разумность?

Они возвращались домой, домой — к Удивительному месту. С тех пор, как их посадили в мешки, они видели много прекрасных мест; место, где все светилось, где они могли прыгать очень высоко и опускаться очень мягко, место, где они встретили других людей и так много развлекались. Но сейчас возвращаются к старому Удивительному месту в лесу, туда, где все это началось.

Они встретили много Больших существ. Некоторые Большие существа были плохими, но их было немного. Большинство Больших существ были хорошими. Даже тот, что убил человека, чувствовал сожаление за содеянное, они были уверены в этом. А то большое существо, которое забрало их из Удивительного места, они больше никогда не видели.

Он говорил об этом с другими — с Флорой и Фауной, Живодером, Комплексом, Супер-эгоистом, Заморышем и Колымагой Бордена. Сейчас они все будут жить с Большими существами и носить эти забавные имена. Когда-нибудь они поймут, что означают эти имена. Возможно, это будет еще

забавнее. А они могут научиться понимать Больших существ; теперь папочка Джек вкладывает что-то в ухо и слышит, что они говорят. Он даже выучил некоторые слова и учит их своим.

А вскоре все люди найдут себе Больших существ и будут жить с ними. Большие существа будут заботиться о них, играть и веселить, любить их и давать им Прекрасную пищу. Может, благодаря этому самки не будут умирать так быстро и большинство их выживет. А они смогут отплатить Большим существам. Для начала они отдадут им свою любовь и сделают их счастливыми. Позже, когда они узнают, чем можно помочь им, они сделают это, и люди и Большие существа все время будут жить в мире.